

СПИНОЗА,
ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

ОЧЕРКЪ,
составленный Д-ромъ С. Г. Ковнеромъ.

Съ прибавленіемъ новѣйшей критики о Спинозѣ и портре-
товъ Спинозы и автора С. Г. Ковнера.

ВТОРОЕ, (ПОСМЕРТНОЕ) ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ
ИЗДАНІЕ.

Цѣна 75 коп.

ВАРШАВА.
ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА М. А. КОВНЕРА,
Медовая 18.
1897.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

И РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

М. А. КОВНЕРА

въ Варшавѣ, Медовая 18,

Имѣеть, между прочимъ, въ значительномъ количествѣ слѣдующія книги, которыя продаются по пониженнымъ цѣнамъ.

Аптечка для мужчинъ и женщинъ. Вм. 1 р.—75 к.

Гёте. Рейнеке—Лисъ. Поэма. Вм. 1 р. 50 к.—1 р.,

Г-ий. О проституціи. Вм. 50—40 к.

Грэхэмъ. Руссо, его жизнь и произвед. Вм. 1 р.—75 к.

Другъ молодости и холостяковъ въ особенности.

Вм. 50—40 к.

Ильинскаго. Что нужно знать и дѣлать молодымъ людямъ? Вм. 50—40 к.

Зубоврачебный календарь ц. 1 р., въ изящномъ переплетѣ 1 р. 20 к.

Ковнеръ А. Около золотого тельца—75 к.

Ковнеръ С. Исторія средневѣк. медицины. 2 р. 20 к.

— Исторія арабской медицины. 1 р. 40 к.

— Сифилисъ въ древности и средніе вѣка. 50 к.

— Исторія древней медицины 3 вып. ц. 6 р.

Комнатное цвѣтоводство. Вм. 50—40 к.

Мартинсонъ. Парфюмерное дѣло. 1 р. 50 к.

Мартиновскій и Ковалевскій. 150000 иностр. словъ

Вм. 3 р.—2 р. 25 к.

Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай.

Вм. 1 р. 50 к.—1 р.

Михельсонъ. Словарь 150000 иностр. словъ.

Вм. 4 р.—3 р.

Огородикъ. Руководство для огорода и цвѣтов.

Вм. 2 р. 50—1 р. 50 к.

Оллендорфъ. Самоуч. франц. и нѣм. яз. по 2 р.

” Самоучитель рус. языка для нѣмцевъ.

Вм. 1 р. 50 к.—75 к.

СПИНОЗА,

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

ОЧЕРКЪ,

составленный Д-ромъ С. Г. Ковнеромъ.

A 219
975

Съ прибавленіемъ новѣйшей критики о Спинозѣ и портретовъ
Спинозы и автора С. Г. Ковнера.

ВТОРОЕ, (ПОСМЕРТНОЕ) ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ
ИЗДАНІЕ.

Цѣна 75 коп.

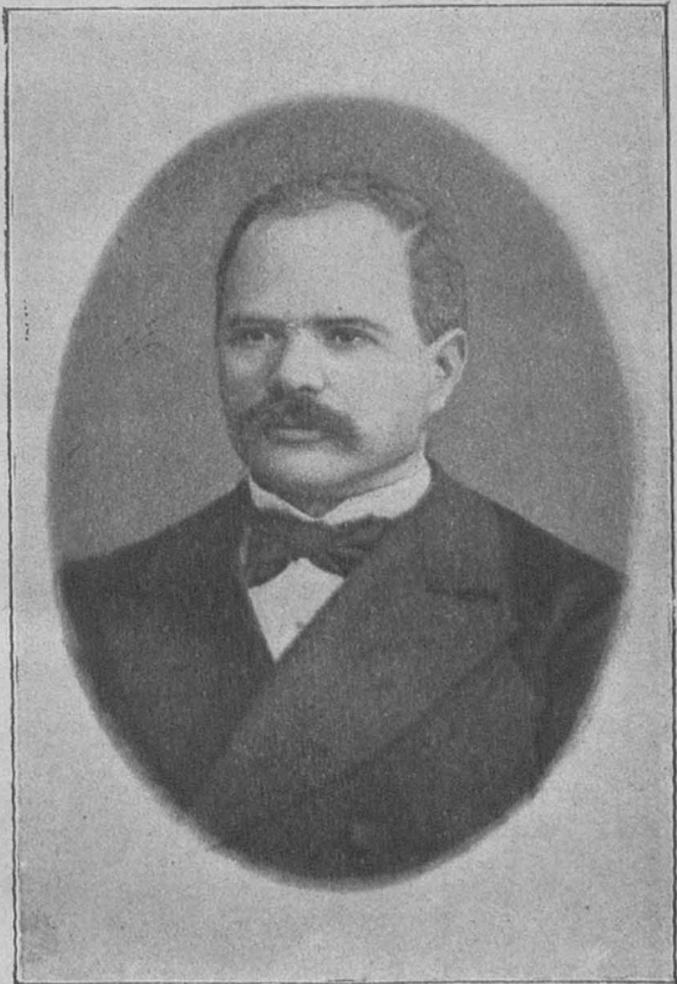
ВАРШАВА.
ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА М. А. КОВНЕРА,
Медовая 18.
1897.

Дозволено Цензурою
Варшава, 22 Апрѣля 1897

18696-0

„Центральная Типографія“, Тломацкая 4.

Докторъ С. Г. КОВНЕРЪ

Авторъ „Исторіи Медицины“.

Савелій Григорьевичъ Ковнеръ.

Авторъ настоящаго сочиненія, Савелій Григорьевичъ, правильно: Саулъ Гиршовичъ, Ковнеръ, родился въ февралѣ 1837 г. въ Вильнѣ, въ бѣдномъ, но чрезвычайно интеллигентномъ и религіозномъ еврейскомъ семействѣ. Предки Ковнера, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, чуть ли не до десятаго восходящаго поколѣнія, были все ученые раввины.

Отецъ Саула, Гиршъ Ковнеръ, также занимался прадедовскимъ «ремесломъ», т. е. изученіемъ библіи и талмуда, семья же его жила отчасти матеріальной поддержкой старшаго своего брата, извѣстнаго въ Вильнѣ богача, ученаго и благотворителя, Мордхе-Лейзера Ковнера, отчасти — ничтожною торговлею зерновыми продуктами, которою занималась, совместно съ компаніономъ, жена, отчасти же обученіемъ еврейскихъ мальчиковъ, за что онъ получалъ мизерную плату.

Девяти или десяти лѣтъ ему посчастливилось поступить на казенный счетъ въ незадолго передъ тѣмъ открытое виленское раввинское училище, гдѣ, кромѣ еврейскаго языка и литературы, предметы проходились въ объемѣ полнаго гимназическаго курса, и воспитанники пользовались правомъ поступления въ университетъ паравнѣ съ гимназистами, сдавая лишь экзаменъ изъ латинскаго языка, который въ училищѣ не преподавался. Подготовленный изъ еврейскихъ предметовъ, своимъ отцомъ, который преподавалъ ему и первые уроки чтенія и писанія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, Савелій Ковнеръ пробылъ въ училищѣ восемь лѣтъ и окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ. Въ особенности онъ отличался основательнымъ знаніемъ русскаго языка и литературы.

Савелій былъ въ шестомъ классѣ, когда училище праздновало первое десятилѣтіе своего основанія. На торжествѣ, кромѣ учебнаго начальства, присутствовалъ и бывший въ то время въ Вильнѣ генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Назимовъ. Троѣ изъ лучшихъ воспитанниковъ должны были произносить по этому случаю рѣчи на древне-еврейскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Саулу пришлось говорить рѣчь на послѣднемъ языкѣ. Генераль Назимовъ, выслушавъ его блестящую рѣчь, не повѣрилъ сначала, что это еврейскій мальчикъ; но когда попечитель округа подтвердилъ это, то Назимовъ подозвалъ Саула къ себѣ, расцѣловалъ его при всей публикѣ и пожелалъ ему всякихъ успѣховъ въ жизни и усовершенствованія въ наукахъ.

Вѣсть объ этомъ событіи облетѣла все еврейское населеніе Вильны, и многіе приходили поздравить мать Саула съ такимъ неслыханнымъ успѣхомъ ея сына. Но простая, набожная еврейка нисколько не была польщена этимъ отличіемъ, и по простотѣ своей души высказала, что еслибы ея сынъ одержалъ такую побѣду на поприщѣ талмуда, то она считала бы себя гораздо счастливѣе...

Не слѣдуетъ забывать, что это происходило болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, когда евреевъ еще поощряли къ усвоенію европейской культуры и къ посѣщенію русскихъ учебныхъ заведеній,—а не теперь:

По окончаніи курса, С. Г. сейчасъ же получилъ мѣсто учителя въ еврейскомъ училищѣ въ Одессѣ, куда онъ вскорѣ и уѣхалъ. Очутившись въ Одессѣ, гдѣ кипѣла европейская жизнь, сознавъ недостаточность своего образованія и предвидя, что на поприщѣ учителя, получающаго 30 руб. въ мѣсяць, далеко не уйдешь, Ковнеръ рѣшился поступить въ какой-нибудь университетъ. Изучивъ въ годъ съ небольшимъ латинскій языкъ, онъ уѣхалъ въ Кіевъ, сдалъ экзаменъ и поступилъ на медицинскій факультетъ тамошняго университета. Въ новой средѣ Ковнеръ совершенно ожилъ. Попечителемъ кіевского учебнаго округа былъ тогда незабвенный Пироговъ, для котораго не было «ни Эллина, ни Іудея»; истинное просвѣщеніе, духъ терпимости, научная мысль и широкая гуманность были, какъ извѣстно, руководящими принципами этого необыкновеннаго дѣятеля, который всѣхъ увлекалъ и который для всѣхъ студентовъ служилъ знаменемъ.

Ковнеръ обожалъ своего великаго попечителя и вмѣстѣ съ другими искренно плакалъ, когда Пирогова смѣнили. Онъ предался своей наукѣ, но въ то же время слѣдилъ за литературой и европейской мыслью. Въ университетѣ Ковнеръ не зналъ нужды: ему посчастливилось получить на первомъ же курсѣ стипендію, которая избавила его отъ исканія грошевыхъ уроковъ и давала возможность учиться и работать. Онъ вскорѣ сдѣлался любимцемъ знаменитыхъ въ то время профессоровъ: Вальтера и Шимановскаго. Послѣдній — извѣстный хирургъ — плохо зналъ русскій языкъ, и лекціи свои въ университетѣ онъ читалъ въ переводѣ Ковнера съ нѣмецкаго. Колоссальное его сочиненіе: „Хирургія на чѣловѣчскомъ тѣлѣ“ цѣликомъ было переведено съ нѣмецкаго Ковнеромъ.

Будучи на третьемъ курсѣ, Ковнеръ написалъ настоящій этюдъ о Спинозѣ, который одновременно печатался въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* и появился въ отдѣльномъ изданіи. Трудъ этотъ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ университета, которые весьма лестно о немъ отозвались; но нѣкоторые изъ нихъ были недовольны тѣмъ, что трудолюбивый и способный студентъ медицины посвятилъ свои досуги философіи, а не своей спеціальности, что они и высказали Ковнеру.

Въ 1866 году Савелій Григорьевичъ окончилъ курсъ медицины со степенью «лѣкаря съ отличіемъ». Нѣкоторые профессора, думая почему-то, что онъ держалъ экзамень прямо на степень доктора медицины, предъявили къ нему большія требованія, — и Ковнеръ

впоследствии говорилъ, шутя, что чуть-чуть не сдѣлался докторомъ медицины.

Благодаря своимъ способностямъ и трудолюбію, Савелій Григорьевичъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовления къ профессурѣ по кафедрѣ «Исторіи медицины». Его предполагали отправить за границу—и для этой цѣли ему уже выдали изъ университета стипендію и дорожные расходы.

Но въ это же время, въ жизни Ковнера случился несчастный и единственный романъ, который произвелъ переворотъ во всей его будущей судьбѣ. Крайне робкій съ женщинами, необыкновенно чистый душою, Ковнеръ счелъ священнымъ долгомъ жениться на увлекшей его особѣ, и безъ всякихъ средствъ оказался вдругъ отцомъ семейства... Сознавая, что на скудные средства отъ университета ему невозможно будетъ ни прокормить семейства, ни работать на избранномъ имъ поприщѣ, Ковнеръ съ невыразимой болью въ сердцѣ отказался отъ своей мечты о профессурѣ, возвратилъ университету полученныя впередъ деньги и принялъ мѣсто врача въ Нѣжинѣ, при земствѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ получилъ мѣсто старшаго врача при нѣжинской больницѣ, въ которой оставался до 1884 года. Въ то же время онъ былъ врачомъ въ лицей князя Безбородко и нѣжинской гимназіи. Во время русско-турецкой войны, С. Г. исполнялъ обязанности старшаго врача временнаго госпиталя Краснаго Креста въ Нѣжинѣ.

У Савелія Григорьевича была счастливая практика. Евреи его любили за честное и терпѣливое отношеніе къ пациентамъ. Но за то онъ былъ въ выс-

шей степени требователенъ къ окружающимъ больного, такъ что среди евреевъ сложилась поговорка, что д-ръ Ковнеръ вылечиваетъ «больныхъ», но вгоняетъ въ болѣзнь «здоровыхъ», требуя отъ нихъ самаго педантичнаго ухода за паціентомъ.

Ведя чрезвычайно скромный образъ жизни, не зная, что такое карты и не гоняясь за практикой, С. Г. все свободное время посвящалъ своей давнишней мечтѣ, — написать обширную «Исторію медицины», которая всесторонне разработана за границей, но не имѣетъ ни одного солиднаго научнаго руководства на русскомъ языкѣ.

Онъ зорко слѣдилъ за успѣхами медицины. Слѣдующій фактъ говоритъ о его любознательности. Поѣхавъ въ 1890 г. за границу по болѣзни — онъ сталъ посѣщать лекціи и практическія занятія при университетѣ въ Вѣнѣ и пробылъ тамъ продолжительное время, а лѣтомъ 1896 г. (последнее лѣто въ его жизни), когда онъ поѣхалъ тяжело больной въ Берлинъ, приходилось чуть ли не въ каждомъ письмѣ просить его заниматься исключительно своимъ леченіемъ, а не посѣщеніемъ клиникъ, съ цѣлью пріобрѣтенія новыхъ знаній, и въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: „я чувствую себя лучше и начну бывать въ клиникѣ“. Быть можетъ, этимъ можно объяснить тотъ глубокій интересъ, съ которымъ онъ относился къ своимъ паціентамъ; онъ жилъ ихъ жизнью, волновался и какъ будто переживалъ съ ними всѣ стадіи ихъ болѣзни. Съ какой любовью онъ относился къ своему дѣлу, — могутъ засвидѣтельствовать его больные, пользовавшіеся у него въ больницѣ, среди которыхъ

память о немъ живеть до сихъ поръ. Онъ одинаково относился къ бѣднымъ и богатымъ. Натура глубоко честная и прямая, онъ не нажилъ капиталовъ, не сдѣлалъ себѣ карьеры, потому что часто заступался за бѣдныхъ и беззащитныхъ, чѣмъ воспользовались его недоброжелатели для удаленія его изъ больницы. Вынужденный заниматься частной практикой, С. Г. не разъ выражалъ сожалѣнiе (въ своемъ семейномъ кругу)—что ему приходится столько времени отдавать практикѣ. С. Г. былъ по призванiю кабинетный ученый. Книга была его лучшимъ другомъ. Но это не былъ чело­вѣкъ, замкнувшiйся въ своей спе­циальности. Всесторонне развитой, прекрасно знающiй европейскую и русскую литературы, (онъ въ совершенствѣ владѣлъ новыми языками—нѣмецкимъ, французскимъ и англiйскимъ и всѣ книги читалъ въ оригиналѣ), онъ интересовался всѣми отраслями знанiя. Его любознательность и трудолюбiе были безпримѣрны. Онъ ложился спать въ два часа ночи, а вставалъ очень рано. О, еслибы этому высоко даровитому чело­вѣку дали возможность посвятить себя исключительно наукѣ! Если принять во вниманiе, при какихъ условiяхъ С. Г. писалъ свой колоссальный трудъ „Исторiя медицины“, тогда понятно становится, какую трудную и великую задачу онъ выполнилъ.

Собравъ массу матерiала и научно обработавъ его, С. Г. сталъ помѣщать свои очерки «Исторiя медицины» въ *Кiевскихъ Университетскихъ Извѣстiяхъ*, а затѣмъ, въ 1878 г., имъ былъ изданъ въ Кiевѣ первый выпускъ «Исторiя», въ который вошли:

а) Медицина Востока и б) Медицина въ древней Греціи до Гиппократѣ.

Приводимъ нѣкоторые отзывы объ этомъ замѣчательномъ трудѣ:

„Достоинно удивленія, писалъ, между прочимъ, «Медицинскій Вѣстникъ», что авторъ, живя въ маленькомъ провинціальномъ городѣ, Нѣжинѣ, сумѣлъ побѣдить недостатокъ въ источникахъ для составленія интересныхъ и весьма важныхъ очерковъ по исторіи медицины. Сколько труда, времени, напряженія умственныхъ и физическихъ силъ требовалось для того, чтобы разобратъся въ хаосѣ литературы, выросшей до колоссальныхъ размѣровъ. Сколько бессонныхъ ночей, энергіи и рѣшимости, сколько твердой, желѣзной воли требовалось для того, чтобы не пасть духомъ, не оставить начатаго, не отказываться отъ давно лелѣянной завѣтной мысли и, не взирая ни на что, идти напроломъ всѣмъ препятствіямъ.“

„Слогъ автора, говорится далѣе, отличается легкостью и плавностью. Логичность, ясность и отчетливое изложеніе анализируемыхъ тезисовъ, глубокое пониманіе предмета, громадный запасъ знаній, развертывающійся передъ читателемъ, основательныя лингвистическія свѣдѣнія — все это составляетъ неотъемлемыя достоинства почтеннаго автора“.

„Трудъ г. Ковнера составляетъ драгоценный вкладъ въ русскую литературу Исторіи медицины и заслуживаетъ вниманія, какъ по своей полнотѣ, такъ по ясности и послѣдовательности изложенія“.

Во «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ» (1879 г. № 323,)

въ статьѣ: «Знаемъ ли мы исторію медицины», говорится слѣдующее:

„Трудъ г. Ковнера заслуживаетъ наибѣйшаго вниманія врачей. Судя по той литературѣ, которою пользовался авторъ, и которая по истинѣ громадна, медицина Востока и древней Греціи разработана г. Ковнеромъ весьма тщательно по многочисленнѣйшимъ источникамъ“.

Упомянутый выше профессоръ Кіевскаго университета Вальтеръ такъ отзывается въ «Кіевлянинѣ» о книгѣ Ковнера:

„Книга Ковнера представляетъ весьма талантливо изображенную картину древней медицины. Картины написаны размашистой кистью, лица хорошо сгруппированы, главные великіе дѣятели изложены ясно и подробно, освѣщены ярко. Слогъ живой, безъ фразъ, изложеніе сдѣлано по первоисточникамъ и т. д.

„Я увѣренъ, оканчиваетъ профессоръ свою статью, что всякій развитой, образованный врачъ, прочитавшій разъ книгу г. Ковнера, почувствуетъ, что онъ (т. е. врачъ) сдѣлалъ важный шагъ въ своемъ умственномъ развитіи“.

Савелій Григорьевичъ имѣлъ въ то время и много семейныхъ непріятелей, которые подкапывали его благосостояніе и вредно вліяли на состояніе духа и здоровья. Единственной поддержкой былъ его трудъ, который составлялъ весь смыслъ его жизни. Подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ, но преодо-

лѣвая въ препятствія, С. Г. выпустилъ въ 1883 г. свои «Очерки исторіи медицины», посвященные Гиппократу, а въ 1888 году—третій и послѣдній выпускъ «Исторіи древней медицины», обнимающій періодъ отъ смерти Гиппократа до Галена включительно.

Эти колоссальныя работы (болѣе 1000 страницъ убористой печати) С. Г. вызвали еще больше сочувственныхъ отзывовъ, какъ въ спеціально медицинской литературѣ, такъ и въ общей періодической печати. Такіе отзывы дали: «Военно-медицинскій журналъ» за октябрь 1883 г. и за іюль 1888 г., «Русская мысль» (сентябрь 1889 г.) и друг.

Больной, прикованный къ кровати, С. Г. неустанно работалъ, и въ 1893 г., онъ выпустилъ первую часть «Исторіи средневѣковой медицины», отличающуюся такими же достоинствами, какъ и «Древняя медицина», и вызвавшую столь-же лестные отзывы въ печати.

Такъ, отмѣчая научныя достоинства «Исторіи медицины» Ковнера, «Міръ Божій» (іюль 1895 г.) говоритъ между прочимъ:

„Трудъ д-ра Ковнера представляется въ высшей степени отраднымъ явленіемъ не только въ научномъ отношеніи, но и въ этическомъ. Авторъ не академикъ, не счастливый рантье, обезпеченный матеріально—онъ бѣдный, скромный врачъ, поставленный въ необходимость зарабатывать кусокъ хлѣба тяжелымъ трудомъ практикующаго врача; составленное имъ сочиненіе не имѣетъ никакихъ данныхъ на бы-

строе распространение; г. Ковнеръ напередъ зналъ, что весь тяжелый трудъ составленія подобнаго сочиненія будетъ оплаченъ только удовольствіемъ сознавать, что онъ работаетъ въ пользу науки, которой обучался. и товарищей, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ мало интересуются исторіею своей специальности“.

Изложивъ затѣмъ планъ «Исторіи медицины» и указавъ на ея рѣдкія научныя достоинства, авторъ рецензіи говоритъ въ заключеніи своей статьи:

„Трудъ д-ра Ковнера представляетъ въ высшей степени драгоценный вкладъ въ русскую историческую литературу вообще и медицинскую въ частности, и будетъ считать задачу своей замѣтки вполне достигнутою, если она поспособствуетъ его возможно широкому распространенію не только между врачами, но и въ средѣ всѣхъ образованныхъ людей, интересующихся исторіею естествознанія“.

Такой же обстоятельный отзывъ далъ о книгахъ С. Г. «Сѣверный Вѣстникъ» (мартъ 1895 г.).

«Новости» (№ 183 за 1895 г.) такъ отзываются о сочиненіи д-ра Ковнера:

„Д-ръ Ковнеръ принесъ весь свой досугъ на пользу русской медицинской наукѣ и ея исторіи. Примѣръ, достойный въ наше время удивленія. Мы не ошибемся, если скажемъ, что трудъ д-ра Ковнера выполненъ чрезвычайно добросовѣстно, что богатство собранной имъ литературы не оставляетъ ничего желать“.

„Пожелаемъ д-ру Ковнеру дальнѣйшаго (?) успѣха, пожелаемъ, чтобы его прекрасный, капиталный трудъ имѣлъ широкое распространеніе между врачами, которые, къ сожалѣнію, менѣе всего знакомы съ исторіею своей специальности“.

Увы! «капитальный трудъ» С. Г. не только не имѣлъ «широкаго», но и никакого «распространенія»...

Тѣмъ не менѣе, почти на смертномъ одрѣ, С. Г. успѣлъ еще приготовить къ печати второй и послѣдній выпускъ «Средневѣковой медицины», который частями появился въ 1895 г. въ «*Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ*», но который не вышелъ отдѣльно при жизни автора. Тамъ же былъ помѣщенъ его очеркъ «Хирургія во второй половинѣ среднихъ вѣковъ», и, наконецъ, передъ самой смертью, въ 1896 г., въ тѣхъ же «*Извѣстіяхъ*» былъ напечатанъ его очеркъ «Сифилисъ въ древности и въ средніе вѣка».

Все еще надѣясь на излеченіе своей мучительной болѣзни, С. Г. лѣтомъ 1896 г. поѣхалъ въ Берлинъ посоветоваться съ тамошними врачами. Проживъ тамъ мѣсяца два и не имѣя больше средствъ платить за мѣсто въ клиникѣ, С. Г. въ концѣ августа вынужденъ былъ вернуться въ Кіевъ, гдѣ, какъ на зло, онъ не засталъ своего семейства, почему пришлось лечь въ еврейскую больницу, въ которой, одинокій и забытый всѣми, онъ и скончался 10 сентября 1896 г.

Требованія къ жизни Савелія Григорьевича были крайне ограничены, жилъ онъ чрезвычайно скромно; не смотря на скудные средства свои, онъ

могъ бы просуществовать, еслибы не болѣзнь, которая стала подтачивать его организмъ. Казалось бы, что такому труженику должны были доставить возможность работать на поприщѣ науки. Между тѣмъ онъ никакой пенсіи не получалъ и до послѣдней минуты долженъ былъ думать о кускѣ хлѣба. Мало того, когда онъ, по болѣзни, просилъ пособія на изданіе послѣдняго выпуска (въ Литературномъ фондѣ, такъ какъ изданіе его книги поглощало въпродолженіе многихъ лѣтъ всѣ его заработки, ему послѣ долгихъ усилій и хлопотъ профессора Б., заинтересовавшагося его судьбой, было назначено 200 р!!;— тѣмъ не менѣе онъ не сложилъ оружія до послѣдней минуты и, еще на смертномъ одрѣ продолжалъ писать. Надо замѣтить, что люди, которымъ онъ былъ дорогъ, возмущались что ему „больному“ приходилось заботиться о кускѣ хлѣба. а онъ говорилъ: „никто не виноватъ, что я не обезпечилъ себя.“ А не обезпечилъ онъ себя потому, что всю жизнь поддерживалъ бѣдныхъ родственниковъ и лишь самую ничтожную часть заработка тратилъ на себя, на свои насущныя потребности.

Такъ угасла правдивая и хрустально-чистая жизнь одного изъ усерднѣйшихъ тружениковъ науки.

Къ нему вполне примѣнимы слова:

...„Я умираю
Оттого, что былъ я честенъ,
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.“

Жизнь и дѣятельность этого честнаго, скромнаго труженика найдетъ себѣ достойную оцѣнку въ ближайшемъ будущемъ.

Единственное цѣнное имущество, которое д-ръ Ковнеръ могъ бы оставить своему семейству, это была—его богатая медицинская и историческая библіотека. Но Савелій Григорьевичъ оставилъ эту библіотеку, по завѣщанію, Кіевскому университету, которому она уже передана его семействомъ...

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Источниками для біографіи Спинозы служатъ:

1). Bayle, Dictionnaire philosophique, article Spinoza.

2) La vie et l'esprit de Mr. Benoit de Spinoza, статья, приписываемая ученику Спинозы, амстердамскому врачу Лукъ (Lucas).

3) De tribus impostoribus magnis liber etc. editio secunda cura Sebastiani Kortholti, Hamburgi 1700.

4) La vie de Benoit de Spinoza, tirée des écrits de ce fameux philosophe et du temoignage de plusieurs personnes dignes de foi, qui l'ont connu particulièrement, par Jean Colerus, ministre de l'église luthérienne de la Haye. A la Haye chez Johnson 1706.

5) Refutation des erreurs de Benoit de Spinoza par Mr. de Fénélon, archevêque de Cambrai, par le P. Lami, Bénédictin et par le comte Boullainvilliers, avec *la Vie de Spinoza*, écrite par M. J. Colerus, augmentée de beaucoup de particularités, tirées d'une vie manuscrite, faite par un de ses amis. Bruxelles, 1731.

6) *Das Leben Spinoza's*, von Berthold Auerbach,

Stuttgart, 1841. Эта біографія, предшествующая переводу сочиненій Спинозы, сдѣланному тѣмъ же Ауэрбахомъ, легла главнымъ образомъ въ основаніе біографической части настоящаго очерка.

7) van-Vloten, Baruch d'Espinoza, zijn Leven en Schritten. Amsterdam, 1862. Онъ же дополнилъ изданіе его сочиненій подъ заглавіемъ: Ad B. d'Espinoza. Opera, quae supersunt supplementum. Amsterdam, 1862.

8) Барухъ Спиноза, лекція Куно Фишера, въ „Заграничномъ Вѣстникѣ“ 1865, Т. VII.

9) Epistolae или переписка Спинозы съ друзьями, которая, впрочемъ, заключаетъ очень немного данныхъ о его жизни и личности.

Что касается сочиненій Спинозы, то при ихъ обзорѣ, кромѣ ихъ самихъ, авторъ руководствовался еще отчасти статьей о Спинозѣ Эмиля Сессе, помѣщенной въ философскомъ словарѣ М. Франка (Dictionnaire des sciences philosophiques par M. Franck, Paris, 1852), отчасти извѣстной статьей Гейне о Спинозѣ, отчасти, наконецъ, знаменитымъ и превосходнымъ трудомъ Куно Фишера (Geschichte der neuern Philosophie, erster Band, Mannheim, 1854,—Benedictus Spinoza). При этомъ обзорѣ имѣлось въ виду только сильное изложеніе данныхъ, только рассказать вкратцѣ, до чего додумался Спиноза, не входя въ подробныя изысканія о томъ, справедливы ли его выводы. Вообще, при со-

ставленіи этого очерка авторъ старался сгруппировать вмѣстѣ всѣ важнѣйшія черты изъ жизни и ученія описываемаго лица, старался соединить ихъ, по мѣрѣ силъ и возможности, въ такое связное цѣлое, чтобы этотъ единственный въ своемъ родѣ характеръ обрисовался самъ собой и предсталъ въ своемъ истинномъ и настоящемъ свѣтѣ.

С. К.

I.

Первая пора освобожденія человѣческой мысли отъ оковъ схоластики относится къ началу XVII-го столѣтія. Реформація, если не подрывла совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, значительно поколебала средневѣковое догматическое зданіе. Знаменитый тезисъ Лютера, что проповѣдуемое имъ ученіе можетъ быть опровергнуто только библіей или чисто-разумными доводами, возвратилъ уму человѣка его естественныя права. Съ тѣхъ поръ все въ наукѣ приняло другую фізіономію. Новымъ духомъ, новой жизнью повѣяло на всѣ ея сферы: вошли въ полную силу, съ одной стороны, критическое изученіе библіи, съ другой—изслѣдованіе и изложеніе вѣчныхъ законовъ природы и человѣческаго духа. Съ этого времени начинается полное и свободное процвѣтаніе естественныхъ наукъ; съ этого же времени возникаютъ одно за другимъ новыя міросозерцанія. Философія и теологія, дотолѣ связанныя неразрывными узами, отдѣляются одна отъ другой; первая становится самостоятельной наукой и занимаетъ почетное мѣсто возлѣ послѣдней. На широкую арену мысли выступаетъ теперь почти одновременно рядъ гениальныхъ дѣятелей, единственная забота которыхъ—очистить отъ чуждыхъ элементовъ и поставить на ноги науку, бывшую такъ долго въ услуженіи у гнилой рутинны и мертваго формализма. Отцемъ

новѣйшей философіи является Декартъ. Онъ первый утвердилъ ея автономію и своимъ знаменитымъ *cogito ergo sum* далъ ей твердую точку опоры въ самосознаніи, въ самостоятельномъ бытіи познающаго духа. Правда, онъ не былъ на столько смѣлъ, чтобы совершенно стряхнуть съ себя пыль среднихъ вѣковъ и окончательно отдѣлаться отъ условныхъ, освященныхъ давностью, формулъ; зато, прикрываясь этими формулами, великій мыслитель двухъ столѣтій тѣмъ свободнѣе могъ развивать и проводить въ жизнь свои идеи. Какъ бы то ни было, Декартъ оказалъ философской наукѣ несомнѣнную услугу, и потомство будетъ ему за это вѣчно благодарно. Но съ другой стороны надо замѣтить, что онъ далеко не успѣлъ разрѣшить исконаго антагонизма между двумя извѣстными противоположными міровоззрѣніями, эмпиризмомъ и идеализмомъ, хотя въ его ученіи есть къ тому слабая попытка. Вотъ почему духъ и матерія, міръ идеальный и міръ вещественный являются у него, если не въ разладѣ, то все-таки разобщенными, существующими какъ-то врозь, лишенными внутренней органической связи. Эта разрозненность и разобщенность у Декарта міра идей и міра явленій, это отсутствіе полнаго примирительнаго между ними сочетанія отчасти было причиной односторонности двухъ знаменитыхъ его послѣдователей, Локка и Лейбница. Отчасти потому, что тутъ надобно еще принять въ расчетъ и народные инстинкты, руководившіе ими при созданіи своихъ системъ. И тотъ и другой, правда, воспитывались въ школѣ Декарта; но каждый бралъ у него то, что было родственнѣе его душѣ и съ чѣмъ наиболее

симпатизировалъ его народъ. Одинъ, трезвый и практическій англичанинъ, перенялъ у учителя материалистическую сторону его ученія; другой, глубокомысленный и выспренній нѣмецъ, усвоилъ себѣ его идеальное направленіе.

Былъ еще третій духовный ученикъ Декарта, это—Бенедиктъ Спиноза. Отношенія его къ своему учителю ужъ совсѣмъ иныя. Сначала, кажется, онъ идетъ по его слѣдамъ и даже развиваетъ его; но вдругъ, неизвѣстно вслѣдствіе какого чуда или внутренняго процесса, онъ незамѣтно вырастаетъ изъ-за его плечъ, оставляетъ его далеко за собой, поражаетъ современный міръ цѣлымъ рядомъ возвышенныхъ идей, по однимъ, и блестящихъ парадоксовъ, по другимъ, поднимаетъ противъ и вокругъ себя страшную тревогу и—скрывается въ уединеніи, чтобы спокойно предаваться философскимъ размышленіямъ, результатомъ которыхъ было полное примиреніе между духомъ и матеріей, между міромъ внутреннимъ и внѣшнимъ.

Все оригинально въ Спинозѣ: и его личность, и его слогъ, и его философія, но еще оригинальнѣе, еще загадочнѣе участь его среди людей. Презрѣнный, не признанный современниками, онъ умираетъ въ неизвѣстности и приходитъ въ забвеніе на цѣлое столѣтіе. По истеченіи этого времени, вдругъ, какъ будто волшебной силой, его тѣнь вызывается изъ гроба, воскресаетъ вновь среди отдаленнаго потомства, и имя его покрывается блескомъ небывалой славы. Всѣ съ жадностью бросаются читать его *Этику*; въ ней думаютъ открыть новый міръ, новый горизонтъ, новую, неведомую дотолѣ область знанія. Система его, возражда-

ясь въ новыхъ формахъ, проникаеть въ Германію и оттуда распространяеться въпродолженіе полувѣка по всей Европѣ, а его Богъ, этотъ Богъ, низверженный подобно кумиру семнадцатымъ столѣтіемъ, дѣлается Богомъ Гердера, Лессинга, Гёте, Гейне и многихъ другихъ.

Этотъ безукоризненный мыслитель, бывшій предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ, величаемый одними негодеями, атеистомъ и боготворимый другими чуть ли не на подобіе святаго; этотъ грандіозный, величавый образъ, отъ котораго, по выраженію Гейне, такъ и вѣетъ воздухомъ будущаго, и въ которомъ Шеллингъ видитъ предчувствіе истинной философіи, замѣчательенъ еще въ одномъ отношеніи. Никогда еще жизнь автора не составляла въ такой степени одно нераздѣльное съ его твореніями; никогда еще духъ, проникающій эти творенія, не получалъ такого полного выраженія въ индивидуальной жизни автора. Характеръ Спинозы, личныя несчастья и отчужденность его отъ свѣта и людей весьма часто даютъ ключъ къ его умозрѣніямъ. Вотъ почему его жизнь имѣетъ вѣчное значеніе. Она всегда будетъ служить примѣромъ полнѣйшаго сочетанія природы индивидуальной и общечеловѣческой, ограниченной личности и безсмертнаго мыслителя.

Чѣмъ объяснить явленіе, подобное тому, какое представляетъ собой Спиноза? Гдѣ причины, гдѣ законы, обуславливающіе его необходимость? Трудно дать положительный отвѣтъ на подобный вопросъ. Явленіе это до такой степени своеобразно, такъ выходитъ изъ разряда обыкновенныхъ, что не уклады-

вается ни въ какія рамки и легко ускользаетъ отъ самаго пронизательнаго взора. Одно только можно сказать, что едва-ли другой народъ, кромѣ еврейскаго, былъ бы въ состояннн произвести подобную личность. Тысячелѣтння страданія и гоненія со стороны окружающаго общества заставили евреевъ сосредоточиться въ себѣ самихъ и были такимъ образомъ причиною, если не совершеннаго застоя, то, по крайней мѣрѣ, отчужденія и замкнутости ихъ въ извѣстномъ кругѣ попятій. Тѣмъ рѣзче и рельефнѣе должно было выдаваться въ этой сферѣ каждое усиліе выйти изъ рутинной, избитой колѣн. Эта отчужденность и сосредоточенность налагаютъ особенную печать на всѣхъ отмѣченныхъ природою людей, выросшихъ сначала на такой почвѣ, но потомъ, силою собственнаго генія, вступившихъ на путь самостоятельнаго развитія. Не мѣшаетъ поэтому взглянуть, хотя всколосъ на среду, въ которой воспитывался, и на почву, на которой взросъ Спиноза, т. е. на общество амстердамскихъ евреевъ. Но для этого намъ нужно вернуться нѣсколько назадъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мавританская Испанія сдѣлалась христіанскою, исторія евреевъ въ этой странѣ представляетъ безконечный рядъ страданій. Не было города, гдѣ чернь, предводительствуемая монахами, не воздвигала бы противъ нихъ самыхъ страшныхъ гоненій; евреи стали искать спасенія бѣгствомъ, но бѣльшая часть этихъ бѣглецовъ попадалась въ руки преслѣдователей; не хотѣвшіе принимать христіанство продавались съ аукціона на всѣхъ рынкахъ Испаніи. Не лучше была участь ихъ въ Португаліи. Чтобы спа-

сти жизнь и свободу, тысячи евреевъ стали обращаться въ религію, представителей которой они естественно должны были ненавидѣть, какъ злѣйшихъ враговъ и притѣснителей своихъ. Неудивительно, если, подъ маской строжайшаго католицизма, они оставались въ душѣ евреями, исполняли втайнѣ все обряды, предписываемые религіею предковъ, и только выжидали удобнаго случая, чтобы навсегда оставить за собой страну фанатизма и нетерпимости.

Въ 1391 году весь Пиренейскій полуостровъ былъ уже покрытъ безчисленными толпами этихъ *маррановъ*, какъ называли ихъ испанцы, или *онсимъ* (насилно обращенныхъ), какъ называли ихъ евреи. Многие изъ этихъ маррановъ засѣдали въ судебныхъ мѣстахъ и занимали разныя государственныя должности. Случалось даже, что нѣкоторые изъ нихъ проникали въ монастыри и были членами инквизиціоннаго судилища¹). Съ изгнаніемъ евреевъ изъ Испаніи (1492), число этихъ новообращенныхъ возросло до неимоверной цифры. Само собой разумѣется, они не могли уйти отъ бдительнаго надзора инквизиціи, обладавшей удивительно тонкимъ чутьемъ. Достаточно было самаго ничтожнаго повода, самаго голословнаго обвиненія, чтобы подвергнуть цѣлыя семейства жесточайшимъ и утонченнѣйшимъ пыткамъ. Настрадавшись вдоволь и наскучивши своимъ безвыходнымъ положеніемъ въ отчизнѣ, они рѣшились, наконецъ, бросить страну, во имя религіи попиравшую священнѣйшія человѣ-

ческія права. Обширныя торговыя связи какъ нельзя лучше способствовали эмигрантамъ. Одни изъ нихъ нашли убѣжище въ царствѣ ислама, другіе въ палской области, еще другіе въ свободной Голландіи. Въ Лиссабонѣ былъ даже учрежденъ комитетъ, снабжавшій бѣглецовъ всѣмъ нужнымъ до прибытія ихъ въ Амстердамъ. Трудно рѣшить, жили ли евреи до того времени въ Амстердамѣ, или нѣтъ. По крайней мѣрѣ, синагогъ дотолѣ тамъ не было. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что первые амстердамскіе евреи были бѣглые марраны, поселившіеся въ Голландіи въ царствованіе Филиппа III (1603). Большая часть нынѣшнихъ голландскихъ, и особенно амстердамскихъ евреевъ происходитъ по прямой линіи отъ этихъ бѣглецовъ-маррановъ. При первомъ своемъ появленіи новые пришельцы возбудили въ туземцахъ опасенія, ибо ихъ сначала принимали за католиковъ и нѣскольکو разъ они даже были застигнуты врасплохъ при богослуженіи, но когда убѣдились, что они евреи, всѣ опасенія разсѣялись сами собой и правительство штатовъ даровало имъ совершенную свободу богослуженія, такъ какъ они умножили собой число зажиточныхъ гражданъ и враговъ Испаніи. Вскорѣ возникло нѣсколько синагогъ, а при одной изъ нихъ основана и талмудъ-тора. Наконецъ въ 1671 году выстроена великолѣпная синагога, донныѣ еще возбуждающая любопытство и удивленіе путешественниковъ и нѣскольکو разъ появлявшаяся даже въ гравюрахъ. Жизненная дѣятельность закипѣла во всемъ Амстердамѣ; не только торговля, но и науки были приведены въ цвѣтущее состояніе. Процвѣтанію наукъ не мало способ-

ствовало еще множество типографій, заведенныхъ евреями и выпускавшихъ въ свѣтъ большое количество сочиненій, которыя теперь еще цѣнятся весьма дорого по изяществу отдѣлки и правильности текста.

Къ этому же времени относится попытка евреевъ основать колонію въ Америкѣ. 600 человекъ, и въ ихъ главѣ раввины Моисей-Рафаель д'Агиларъ и Исаакъ Абоабъ, отправились въ 1641 г., съ дозволенія голландскаго правительства, въ Бразилію. Но когда вся Бразилія подпала власти португальцевъ, а слѣдовательно и инквизиціи, переселенцы принуждены были воротиться во-свои.

Вслѣдъ за португальскими евреями въ Амстердамъ прибыли и угнетенные ихъ братья изъ Германіи и Польши, такъ что съ самаго начала пребыванія евреевъ въ этомъ городѣ образовались уже двѣ общины: португальская и польско-германская. Но первая постоянно держала послѣднюю въ почтительномъ отъ себя отдаленіи и отличалась отъ нея какъ нравами, такъ и богослуженіемъ. Это было вотъ по какому поводу. Португальскіе евреи увѣряли, что они прямые потомки царственнаго колѣна Іуды, и вотъ почему даже въ наше время бракъ между потомками португальскихъ выходцевъ и польско-германскими евреями болѣе чѣмъ рѣдкость.

Огромное число раввиновъ расширило въ Амстердамѣ также кругъ раввинскаго знанія. Но и-тутъ португальцы опять рѣзко отличались отъ другихъ со-племенниковъ своихъ: въ то время, какъ нѣмецкіе выходцы ограничивались однимъ раввинскимъ знаніемъ, португальскіе ихъ братья соединяли съ нимъ

еще другія полезныя свѣдѣнія и проникли даже въ область философіи. Напрасно однакожь Іостъ увѣряетъ, что португальскіе евреи „считали свободу мысли величайшимъ своимъ благомъ“¹⁾. Имъ принадлежитъ только инициатива примиренія религіи съ философіей. Извѣстно, что въ началѣ XIII-го вѣка евреи пиренейскаго полуострова перевели съ арабскаго языка на латинскій неизвѣстныя дотолѣ сочиненія Аристотеля, а именно: Физику, Трактатъ о душѣ, Метафизику, Этику, Политику, двѣ книги Аналитики и др. Переводы эти внесли въ религію и науку множество новыхъ понятій, и это шагъ впередъ; но тѣмъ дѣло не оканчивается. Какъ въ христіанскомъ, такъ и въ еврейскомъ ученомъ мѣрѣ остановились на извѣстной точкѣ, и если даже подвигались впередъ, то это было не болѣе, какъ поступательное движеніе среди замкнутаго и рѣзко очерченнаго круга. Что касается собственно португальскихъ выходцевъ, то все, около чего вращались ихъ научныя занятія, это были, съ одной стороны, талмудъ, а съ другой—арабскіе философы, Аристотель, Ибнъ-Эзра и Маймонидъ. Всякая попытка переступить черезъ эту грань преслѣдовалась безъ жалости и пощады. Если бы португальскіе евреи считали свободу мысли своимъ высочайшимъ благомъ, они бы ее уважали въ другихъ; но въ томъ-то и дѣло, что они не только не уважали, но даже преслѣдовали малѣйшее ея проявленіе въ каждомъ членѣ своей общины,—въ чемъ достаточно можетъ убѣдить слѣдующій рассказъ.

¹⁾ Jost, Geschichte der Juden, VIII, S. 245.

II.

Имя Спиноза, или, что все равно, Эспиноза, встречается довольно часто въ лѣтописяхъ исторіи, равно какъ и въ исторіи еврейской литературы. Такъ, на-примѣръ, Іоаннъ Спиноза, родомъ изъ Болевадо, жившій въ царствованіе Карла V, извѣстенъ какъ утонченнѣйшій писатель, храбрый воинъ и искусный дипломатъ въ неаполитанскомъ королевствѣ. Другой, Бенъ-яминъ Эспиноза, итальянскій раввинъ, написалъ комментарий на комментарий Псѣмъ-Эзры къ библіи. Что касается родителей Спинозы, то они, по всему вѣроятію, или сами были марраны, или же потомки маррановъ, поселившихся въ началѣ 17-го столѣтія въ Амстердамъ. Они жили въ красномъ домѣ на Бургвалѣ, не далеко отъ старой португальской синагоги; въ этомъ же домѣ и родился Барухъ Спиноза. День рожденія Баруха—24-ое ноября 1632 года. Родители Баруха (имена ихъ неизвѣстны) принадлежали къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій португальской общины, были вообще люди достаточные и занимались въ Амстердамѣ правильной торговлей; только большого состоянія у нихъ не было. Кромѣ Баруха, они имѣли еще двухъ дочерей: имя старшей—Ревекка; младшая, Миріамъ, была замужемъ за португальскимъ евреемъ Самуиломъ Карцеросомъ.

Спиноза еще съ дѣтства обнаруживалъ счастли-

выя дарованія, пылкую и живую фантазію, глубокую проникательность и быстрое соображеніе. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о домашнемъ воспитаніи Баруха. Такъ мы ничего не знаемъ о его дѣтскихъ впечатлѣніяхъ, о нравственномъ вліяніи матери на развитіе ребенка, о характерѣ и степени участія отца въ этомъ развитіи и т. д. Извѣстно только, что его отецъ, человекъ съ здравымъ умомъ, далъ ему возможно-разумное, по тогдашнимъ понятіямъ, воспитаніе. Въ то время у амстердамскихъ евреевъ, какъ еще и понынѣ во многихъ еврейскихъ общинахъ въ Россіи, общественное воспитаніе было исключительно религіозное; но за то оно утверждалось у нихъ на болѣе широкихъ и болѣе рациональныхъ основаніяхъ. Существовали благоустроенныя школы съ подраздѣленіями на классы; въ каждомъ классѣ преподавалъ особый учитель. Самая программа была гораздо обширнѣе, чѣмъ въ нашихъ хедерахъ: въ составъ ея входила не только талмудическая, но и вся извѣстная тогдашнему міру еврейская письменность. Въ высшемъ классѣ происходили даже диспуты о Маймони-дѣ, Ибнъ-Эзрѣ и другихъ догматикахъ. Время обученія во всѣхъ классахъ было постоянно одинакое: утромъ отъ 8 до 11, послѣ обѣда отъ 2—5 ч. Сверхъ того каждый мальчикъ обучался дома письму и чтенію на отечественномъ языкѣ, равно какъ и письму еврейскому. Причина такого исключительнаго направленія въ воспитаніи очень проста и давно извѣстна: вынужденные обстоятельства держаться въ сторонѣ отъ исторіи, евреи должны были естественно обратиться внутрь, къ своему собственному національному

существованію; но кромѣ религіозныхъ утѣшеній они не нашли въ немъ ничего. Нечего, стало-быть, удивляться, если и въ образованіи и въ домашней жизни у нихъ преобладалъ по преимуществу характеръ религіозный.

И такъ, отецъ Спинозы долженъ былъ заплатить дань духу времени: первое обученіе его Баруха было чисто религіозное. Впослѣдствіи, замѣтивъ любознательность и прилежаніе мальчика, онъ нанялъ какого-то нѣмца для преподаванія ему элементарныхъ правилъ латинскаго языка. Но недостатокъ ли средствъ, или то обстоятельство, что тогдашнимъ евреямъ было доступно только медицинское или теологическое поприще, а можетъ быть то и другое вмѣстѣ, побудило его готовить сына въ богословское званіе, такъ какъ къ медицинскому послѣдній не обнаруживалъ большой склонности.

Обширными познаніями въ еврейскихъ наукахъ Барухъ былъ обязанъ раввину Саулу Леви Мортейрѣ, бывшему деканомъ въ училищѣ, имъ же основанномъ въ 1643 году, подъ названіемъ „вѣнецъ закона“ (כתר תורה). Это былъ человекъ довольно образованный, искренно любившій свой народъ и религію и принадлежавшій къ категоріи тѣхъ теологовъ, которые ищутъ соглашенія между разумомъ и религіей. Онъ оставилъ собраніе рѣчей, статью о безсмертіи души, которое онъ старается доказывать изъ св. писанія, и, наконецъ, историко-философскую апологію юдаизма. Мортейра сначала знакомилъ Спинозу съ библіей, потомъ съ талмудомъ и всей относящейся сюда литературой. Талантливый мальчикъ своими вопросами черѣдко ставилъ втупикъ самого учителя; зато

послѣдній говорилъ всегда съ восторгомъ о его остроуміи и быстрыхъ успѣхахъ въ талмудѣ. Пятнадцати лѣтъ, онъ уже прослылъ за отличнѣйшаго талмудиста. Безукоризненное поведеніе, скромность, пронизательный умъ и обширныя свѣдѣнія въ раввинской письменности вскорѣ доставили ему извѣстность и любовь всей общины. И какъ счастливъ былъ онъ тогда этой любовью! Онъ не зналъ еще о предстоявшихъ ему испытаніяхъ, о вѣчной разлукѣ съ этой синагогой, которой онъ составлялъ красу и гордость, съ этой общиной, среди которой онъ провелъ лучшіе годы жизни. Не долго, однакожь, суждено было ему наслаждаться этимъ счастіемъ. Въ кругу амстердамскихъ евреевъ, около этой поры, случилось происшествіе, которое должно было произвести глубоко-потрясающее впечатлѣніе на беззаботнаго доселѣ Спинозу. Это событіе—страшная смерть Уриеля Акосты. Исторія этого несчастнаго эмигранта исполнена высокаго драматическаго интереса и какъ нельзя вѣрнѣе отражаетъ въ себѣ духъ и характеръ той эпохи.

Габріэль (такъ наименовали Акосту при крещеніи), родомъ изъ Лиссабона, былъ христіанинъ еврейскаго происхожденія въ четвертомъ колѣнѣ. Прадѣдъ его, принявъ христіанство въ 1492 г., втайнѣ пребывалъ вѣрнымъ религіи соплеменниковъ и тоже завѣщалъ потомству. Впрочемъ, вопреки этому завѣщанію, отецъ Габріэля былъ ревностный католикъ и воспитывалъ его въ духѣ строгаго католицизма; это не мѣшало ему, однакожь, дать своему сыну ученое образованіе. Габріэль сначала обучался юридическимъ наукамъ, но потомъ вступилъ въ духовное званіе и

велъ такую безупречную жизнь, что 25 лѣтъ отъ-роду былъ сдѣланъ казначеемъ одной кафедральной церкви. Онъ до мелочности исполнялъ церковные обряды, прилежно читалъ св. писаніе и отцовъ церкви и, надѣленный отъ природы необычайно живымъ и пытливымъ умомъ, часто подвергалъ строгому анализу догматы своей вѣры. Не пришедши ни къ какому положительному результату, умъ его сталъ сильно беспокоиться; досада на себя самого и угрызения совѣсти возростали въ немъ съ каждымъ днемъ. Въ такой нерѣшительности онъ внутренно обратился къ вѣрѣ отцовъ. Не прошло еще года со дня его вступленія въ упомянутую должность, какъ вдругъ онъ рѣшился бросить все: и должность, и католическое духовенство, и прекрасный домъ, которымъ владѣлъ въ одной изъ очаровательнѣйшихъ мѣстностей въ окрестностяхъ Лисабона. Оставивъ письмо, въ которомъ отдавалъ отчетъ въ своихъ служебныхъ занятіяхъ и оправдывалъ свой поступокъ тѣмъ, что не могъ дѣйствовать наперекоръ своимъ убѣжденіямъ,— онъ отправился моремъ въ Амстердамъ вмѣстѣ съ матерью и братомъ, уже заранѣе наставленными въ религіи Моисея, и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ еврейское общество, которое встрѣтило ихъ съ отверстыми объятіями. Скоро, однакожь, онъ долженъ былъ испытать самое горькое разочарованіе, потому что скептической умъ его не могъ не придти въ непріязненное столкновеніе и съ еврейскимъ духовенствомъ. Дѣло вотъ въ чемъ: онъ создалъ себѣ изъ еврейской вѣры идеалъ чистаго мозаизма, а между тѣмъ дѣйствительность представлялась ему въ видѣ безпощадныхъ, деспотическихъ

раввиновъ. Когда Акоста принялся, съ свойственной ему непринужденностью, опровергать ихъ толкованія, они не замедлили предать его проклятію. Съ тѣхъ поръ каждый еврей сталъ бѣжать его, какъ чумы, никто не смѣлъ вымолвить съ нимъ и слова, уличные мальчишки, разжигаемые старшими, бросали въ него грязью, даже въ собственномъ домѣ онъ былъ не совсѣмъ безопасенъ. Въ сильномъ негодованіи на такое обращеніе, онъ написалъ сочиненіе, въ которомъ отрицалъ безсмертіе души и загробное возмездіе на томъ основаніи, что Моисей ничего не говорилъ объ этомъ въ своемъ пятикнижии. Раввины еще до обнаруженія этого сочиненія поручили ученому врачу Соломону ди-Сильвѣ написать опроверженіе. Завязалась жаркая полемика, кончившаяся тѣмъ, что Акосту ввергли въ темницу, гдѣ онъ просидѣлъ 8 дней, и присудили къ пени въ 300 гульденовъ. Утомленный этими преслѣдованіями, онъ рѣшился покориться необходимости и взять свои слова назадъ, надѣясь, что теперь его оставятъ въ покоѣ; но, къ несчастью, случайно открылось, что онъ уговаривалъ двухъ бѣглыхъ маррановъ не принимать іудейства. И вотъ онъ опять преданъ проклятію. Друзья совѣтовали ему вторично покаяться и подчиниться приговору раввиновъ, на что онъ согласился только съ трудомъ. По этому приговору онъ долженъ былъ, одѣтый въ трауръ, съ факеломъ въ рукахъ, явиться въ синагогу и не только принести съ кафедры публичное покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ, но и униженно просить о принятіи въ лоно іудейства. Затѣмъ его повели къ дверямъ синагоги, привязали къ стоявшей тутъ колоннѣ и, раз-

дѣвши до пояса, дали ему 39 ударовъ плетью. Но этимъ не кончилась его пытка. Онъ долженъ былъ еще лечь на порогъ, чтобы дать переступить черезъ свое тѣло всѣмъ присутствовавшимъ. Даже дѣти съ какимъ-то невыразимымъ удовольствіемъ топтали и мучили бѣднаго Акосту. Возмущенный такими недостойными поступками, онъ сталъ скрытенъ и молчаливъ, особенно же избѣгалъ встрѣчи съ однимъ изъ своихъ прежнихъ друзей, котораго считалъ виновникомъ всѣхъ своихъ страданій. Однажды утромъ послѣдній возвращался изъ синагоги, но лишь только поровнялся съ домомъ Акосты, мимо котораго лежала его дорога, вдругъ раздался выстрѣлъ. Онъ обернулся и увидѣлъ у окна человѣка съ пистолетомъ въ рукахъ. Это былъ Акоста, рѣшившійся отмстить за всѣ мученія и обиды, перенесенныя имъ по милости своего мнимаго друга. Онъ былъ отличный стрѣлокъ и надѣялся на свою ловкость и искусство; но на этотъ разъ онъ промахнулся и тутъ же другою пулею раздробилъ себѣ черепъ.

Эта страшная катастрофа, совершившаяся въ 1647 году (въ томъ же самомъ году, когда Баруху минуло 15 лѣтъ), неминуемо должна была поразить впечатлительный умъ мальчика и встревожить спокойствіе, царствовавшее до тѣхъ поръ въ его душѣ. Будучи, безъ сомнѣнія, свидѣтелемъ описанныхъ неистовствъ, онъ вѣрно не разъ возмущался въ душѣ и противъ притѣснителей злополучнаго Акосты, и вотъ гдѣ слѣдуетъ искать зачатки на первыхъ порахъ, правда, безмолвнаго, но впоследствии времени болѣе ощутительнымъ образомъ проявившагося протеста про-

тивъ деспотизма духовенства и виѣшней обрядности. Теперь, навѣрное, впервые внутренней голосъ сталъ ему шептать, что быть-можетъ не всегда равнины такъ непогрѣшимы въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ его дотѣхъ поръ учили.

Между тѣмъ какъ въ средѣ амстердамскихъ евреевъ подобныя неистовства совершились во имя религіи, Барухъ прилежно продолжалъ посѣщать школу Мортейры. Но господствовавшее здѣсь вѣчное однообразіе рано или поздно должно было ему надоѣсть. Во всемъ, что ни обсуждалось здѣсь, онъ былъ какъ дома: онъ зналъ наизусть всѣ остроумныя талмудическія комбинаціи. Чего же еще хотѣли отъ него? Насъ поэтому нимало не удивить, если на урокахъ талмуда онъ часто уносился мыслію въ другія области. Мало-по-малу въ немъ зашевелилось сомнѣніе въ непреложности закона. Видя, въ какое замѣшательство приходилъ его учитель каждый разъ, когда онъ просилъ его объяснить какую-нибудь несообразность, какъ тотъ затруднялся тогда въ отвѣтахъ и какъ мало онъ былъ вообще расположенъ разрѣшать его недоумѣнія, онъ подумалъ, что или учитель еще недостаточно свѣдущъ и не отличается такою глубиною знанія, какъ обыкновенно полагали, или онъ считаетъ его слишкомъ недостойнымъ, чтобы дать ему вкусить отъ древа познанія. Барухъ рѣшился поэтому взяться снова за изученіе библіи и талмуда. Хотя они уже потеряли для него прежнюю прелесть, онъ сталъ, однакожь, еще ревностнѣе заниматься ими, все еще надѣясь найти въ нихъ разрѣшеніе тревожившимъ его вопросамъ. Но, не смотря на всѣ старанія, онъ не могъ пойти ни

до одного положительнаго вывода. Между тѣмъ жажда знанія и стремленіе къ истинѣ не давали ему покоя. Пытливый умъ его устремился на творенія Маймонида и Ибнъ-Эзры, бывшія въ то время въ большомъ ходу. Съ особеннымъ жаромъ принялся онъ читать Ибнъ-Эзру; неясность и шереховатость слога не пугали его. Но его осторожность, таинственность, его манера умышленно замаскировывать свои мысли не могли успокоить Спинозу. Въ душѣ его вставали тысяча сомнѣній, тысяча вопросовъ, одинъ неугомоннѣе и неотвязчивѣе другого. Многіе увѣряютъ, что тутъ именно начало его философскаго духа; но это неправда. Упомянутыя творенія могли, пожалуй, способствовать его развитію, но въ нихъ отнюдь не слѣдуетъ искать зародышей его будущей философіи. Пзвѣстное дѣло, что Маймонида онъ опровергаетъ совсѣмъ, доказывая всю шаткость принциповъ, положенныхъ имъ въ основу своего Море-Невухимъ¹⁾. Отъ Ибнъ-Эзры, онъ заимствовалъ только критическій взглядъ на библію. Въ своемъ знаменитомъ трактатѣ онъ прямо говоритъ: „Ибнъ-Эзра, человѣкъ съ умомъ свободнымъ и замѣчательной ученостью, первый замѣтилъ, что историческія книги библіи (книга V Моисея) писаны позднѣйшими авторами; только ему недоставало духа открыто выступить со своимъ мнѣніемъ и потому онъ высказывалъ его темными, неясными намеками. Въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ мнѣніе Ибнъ-Эзры, что книга I o v a есть только переводъ на еврей-

¹⁾ Tractatus theologico-politicus, cap. 9.

скій языкъ съ другого восточнаго нарѣчія. Очевидно, Спиноза наслѣдовалъ отъ Ибнъ-Эзры только библейскую критику, но изъ этого еще нельзя заключить о зависимости его ученія отъ воззрѣній Ибнъ-Эзры. Что касается знаменитаго Менассе-бень-Израиля (1604—1659), д-ра медицины и богослова (посланнаго амстердамской общиной въ качествѣ уполномоченнаго ходатайствовать у Кромвеля допущенія евреевъ въ Англію), то сомнительно, чтобы онъ былъ первоначальнымъ руководителемъ и покровителемъ Спинозы, какъ это полагаетъ авторъ этюда о Спинозѣ въ „Разсвѣтъ“ за 1880 г. По крайней мѣрѣ, никто изъ біографовъ объ этомъ не говоритъ.

Возвратимся къ душевному настроенію Баруха въ эту раннюю пору его жизни. Внутренній миръ его былъ нарушенъ; безусловная вѣра въ авторитеты утрачена навсегда. Лучшіе представители еврейской науки не удовлетворяли его; онъ жаждалъ истины, ему нуженъ былъ свѣтъ, и онъ нигдѣ его не находилъ; за что ни брался онъ, во всемъ неудача. Въ этой умственной тревогѣ и лихорадочномъ напряженіи онъ вспомнилъ о каббалѣ, о которой всѣ говорили тогда съ удивленіемъ. Онъ ухватился за эту науку, какъ за послѣднее убѣжище и предался ей со свойственнымъ ему рвеніемъ и любознательностью; духъ его уносился далеко, въ недосыгаемыя сферы каббалистическаго умозрѣнія, но онъ и на этотъ разъ не былъ счастливѣе. Онъ старался выдѣлить изъ скорлупы внутреннее ядро и, къ своему величайшему изумленію, увидѣлъ, что скорлупа здѣсь самое главное. Не смотря на то, таинственная оболочка привлекала

его все болѣе и болѣе, онъ все еще не теряет надежды найти разгадку своимъ сомнѣніямъ. Однакожъ, вправѣ ли онъ былъ ожидать этого отъ науки, которая непостижимое объясняетъ еще болѣе непостижимымъ? Правда, иногда, въ этой тьмѣ кромѣшной и показывалось ему что-то, словно блуждающій огонекъ или путеводный столбъ, но все это скоро исчезало безслѣдно и оставляло его еще въ большемъ мракѣ.

Не нашедши удовлетворенія въ памятникахъ родного слова, онъ естественно долженъ былъ обратиться къ литературѣ другихъ народовъ. Особенно привлекала его вниманіе классическая литература древнихъ. Въ то время энтузіазмъ къ классической древности овладѣлъ всѣми свободными умами, но особенно радушный пріемъ она встрѣтила на республиканской почвѣ Нидерландовъ. Латинскій языкъ только что освободился отъ чуждыхъ ему схоластическихъ элементовъ и опять воспринялъ въ себя духъ своей отчизны, только перешелъ въ уста гуманистовъ. Любимымъ занятіемъ послѣднихъ была философія, которая получаетъ поэтому характеръ науки по преимуществу *гуманной* ¹⁾. Случай свелъ Спинозу съ однимъ изъ такихъ гуманистовъ, съ знаменитымъ голландскимъ врачомъ Францискомъ ван-деп-Энде, содержавшимъ нѣчто въ родѣ филологической семинаріи. Вліяніе его на дальнѣйшее развитіе и рѣшительный переломъ въ образѣ мыслей Спинозы не подлежитъ сомнѣнію. Смѣлая и безпкойная голова, жаркій по-

¹⁾ Kuno Fischer, Geschichte der neuern Philosophie, I, 248.

клонникъ Декарта и знатокъ древней классической литературы, онъ слылъ въ Амстердамѣ за отъявленнаго атеиста. Такимъ и выставляется его Колеръ. „Этотъ человекъ—говоритъ онъ—преподавалъ съ такимъ усилѣхомъ, что богатѣйшіе въ городѣ купцы долгое время отдавали къ нему дѣтей на обученіе, пока не оказалось, что кромѣ латыни онъ преподавалъ своимъ воспитанникамъ еще иѣчто другое. Ибо, прибавляетъ Колеръ таинственно, впоследствии узнали, что онъ сѣетъ въ молодыхъ умахъ сѣмена безбожія. Это подтверждается свидѣтельствомъ многихъ лицъ, которыя до сихъ поръ не перестаютъ благословлять память своихъ родителей за то, что они еще во-время успѣли вырвать ихъ изъ когтей сатаны и изъ рукъ такого опаснаго и безбожнаго учителя“ ¹⁾. Разумѣется, не слѣдуетъ слишкомъ довѣрять голландскому пастору, такъ какъ всякое отступленіе отъ рутины нерѣдко клеймилось именемъ безбожія. Этотъ-то врачъ, замѣтивъ дарованія молодого Баруха, предложилъ ему бесплатно посѣщать свое заведеніе. Барухъ, конечно, не заставилъ себя просить и съ восторгомъ принялъ предложеніе. Онъ прилежно занялся изученіемъ латинскаго языка и оказалъ въ немъ такіе успѣхи, что вскорѣ превзошелъ въ этомъ отношеніи своего учителя. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ находящихся у насъ подъ рукой источниковъ не упоминаетъ, на какихъ именно классикахъ воспитывался Спиноза. Какъ бы то ни было, изученіе латинскаго языка не только

¹⁾. La vie de Spinoza par Colerus, 7—8.

увеличило богатый запасъ его языкознанія (онъ давно уже превосходно владѣлъ языками еврейскимъ, португальскимъ, испанскимъ, итальянскимъ, нѣмецкимъ, фламандскимъ и немного греческимъ), но, что еще важнѣе, ввело его въ святилище древности и философіи и обратило его въ самага пламеннаго поклонника гуманизма.

Еще болѣе, чѣмъ школа, Спинозу воспитала самая жизнь. У ван-ден-Энде была дочь, по имени Глара-Марія, хоть и не красавица, но довольно миловидная, знавшая въ совершенствѣ латинскій языкъ и страстно любившая музыку. Личныя достоинства ея подлежали сомнѣнію, но воспитанная въ духѣ отца, она могла въ его отсутствіи заступать его мѣсто и давать уроки его ученикамъ. Имѣя случай часто видѣть ее и говорить съ ней, находишь постоянно въ ея обществѣ, Барухъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ. Въ домѣ ван-ден-Энде міръ представился ему въ совершенно новомъ свѣтѣ; онъ сдѣлался веселъ и развлзень и свободно разсуждалъ о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ. Въ этомъ домѣ онъ, должно быть, впервые познакомился съ Генрихомъ Ольденбургомъ и Людовикомъ Мейеромъ, принадлежавшими къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Ольденбургъ, родомъ изъ Бремена, любилъ политику и точныя науки и принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи лондонской академіи. Его изящныя манеры, свѣтскость, начитанность и симпатическій характеръ очаровали молодого Баруха, привыкшаго видѣть вокругъ себя одни только мрачныя лица. Ольденбургъ

въ свою очередь не могъ не замѣтить глубины и своеобразности сужденій Баруха и полюбилъ его отъ души.

Еще интимнѣе была дружба Людовика Мейера къ Спинозѣ. Хотя онъ былъ врачъ, онъ не уступалъ въ теологическихъ познаніяхъ любому богослову; не менѣе хорошо онъ зналъ исторію, физику и философію. Въ его отношеніяхъ къ Спинозѣ, который прямо называетъ его „*amicе singularis*“, проглядываетъ горячая и непритворная любовь; впрочемъ, онъ не былъ чуждъ нѣкотораго диллетанскаго тщеславія и покровительственнаго тона, который обыкновенно принимаютъ въ отношеніи представителей чистаго мышленія всѣ такъ-называемые эмпирики. Нужно, однакожь, прибавить, что это вытекало у него изъ искренняго сочувствія къ просвѣщенію, потому что онъ былъ самый дѣятельный приверженецъ Яна-де-Витта, представителя этого направленія въ Голландіи. Если въ Ольденбургѣ Баруху нравился свѣтскій человѣкъ и симпатичный характеръ, то съ Людвигомъ Мейеромъ его связывали болѣе духовное общеніе и частныя совмѣстныя занятія.

Что долженъ былъ почувствовать Барухъ, попавши вдругъ въ эту свѣтлую атмосферу! Музыка, нескончаемые разговоры, разборъ важнѣйшихъ міровыхъ вопросовъ—все это было для него такъ ново, заманчиво. Самые счастливые часы были для него тѣ, которые онъ проводилъ въ этомъ домѣ, въ обществѣ своихъ новыхъ друзей и своей юной наставницы. Последняя, впрочемъ, плѣнила его сердце не

одною миловидностью, не одною женственною граціей, но блескомъ остроумія, пронизательностью и необыкновенною живостью характера. Мало-по-малу дружба, завязавшаяся между ними съ перваго же знакомства, перешла въ болѣе серьезное чувство. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляеть дѣло Колеръ, ссылаясь на Бэля и Себастіана Кортгольца. Возможно, что эти отношенія Спинозы къ дочери ван-ден-Энде взволновали и потрясли до глубины все его нравственное существо. Еврей, страстно влюбленный въ христіанскую дѣвушку, онъ неизбежно долженъ былъ наткнуться на преграды, воздвигнутыя между нимъ и ею силою обычая и предразсудковъ. Онъ не могъ не задуматься надъ причинами вѣчной вражды, вѣчнаго раздора между народами и не успокоился до тѣхъ поръ, пока, движимый жизнію и наукой, не разобралъ по одиночкѣ всѣхъ этихъ причинъ и не нашелъ въ себѣ на столько силы воли, чтобы безбоязненно прорвать всѣ плотины и возвыситься надъ всѣми вѣковыми предубѣжденіями. Съ этого момента онъ пересталъ быть сыномъ известной націи: онъ сдѣлался человѣкомъ.

Этотъ внутренній переломъ совершился однако не вдругъ. Въ то время, когда Баруха застала врасплохъ любовь къ юной своей преподавательницѣ, многое, съ чѣмъ душа его сроднилась съ дѣтства и что онъ всосалъ съ молокомъ матери, еще имѣло въ немъ глубокіе корни, хотя съ другой стороны было много и такого, что онъ внутренне порицалъ. Въ такомъ разладѣ съ самимъ собою, онъ прежде всего обратился къ теологіи и такъ пристрастился къ этой наукѣ,

что занимался ею впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Между тѣмъ человѣческая мысль, вырвавшаяся на волю, какъ было сказано выше, въ началѣ 17-го столѣтія, продолжала вырабатывать себѣ новыя міросозерцанія, новыя религіозныя идеалы. Въ ту пору стояла на очереди и задавала тонъ философіи Декарта, достигшаго тогда апогея своей славы, особенно въ Нидерландахъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ самъ учитель и гдѣ кругъ его почитателей, благодаря духу партій, становился все шире и шире. Молодой Спиноза, вокругъ котораго имя Декарта стало произноситься все чаще и чаще, посвятилъ себя вполне изученію его творенія. Можно себѣ представить, съ какимъ жаромъ бросился на нихъ Спиноза. Онъ пожиралъ глазами каждую страницу, каждую строчку. Впослѣдствіи онъ самъ говаривалъ, что въ этихъ твореніяхъ онъ почерпалъ всѣ свои свѣдѣнія въ философіи. Само собою разумѣется, что его пытливый и глубокий отъ природы умъ, требовавшій гораздо болѣе, нежели сколько давали сочиненія Декарта, не могъ удовлетвориться вполне его доктриною. Тѣмъ не менѣе онъ усвоилъ себѣ его методъ и употребилъ въ пользу своей собственной философіи все, что только нашелъ у него хорошаго и вѣрнаго касательно ученія о субстанціи. Духъ сомнѣнія и отрицанія, возведенный Декартомъ въ строгую систему, также окончательно вошелъ въ привычки, въ жизнь и кровь молодого мыслителя. Особенно ему нравилось то положеніе французскаго философа, по которому не слѣдуетъ принимать за истину ничего такого, что бы не могло быть до-

казано неопровержимыми доводами и оправдано разумомъ.

Въ то же время, и также подъ непосредственнымъ вліяніемъ Декартовой философіи, онъ усердно занимался и естественными науками, которыя только что начинали процвѣтать. Онъ изучалъ ихъ, вмѣстѣ съ ван-ден-Энде, Людовикомъ Мейеромъ и Ольденбургомъ, вмѣстѣ съ ними дѣлалъ опыты, что не мало способствовало его успѣхамъ въ естественныхъ наукахъ. Къ сожалѣнію, знакомство съ Декартомъ не дало развиваться въ немъ болѣе прочной привязанности къ этой отрасли знанія.

III.

Чѣмъ болѣе Спиноза увлекался духомъ свободнаго мышленія и изслѣдованія, характеризовавшимъ его эпоху, тѣмъ болѣе онъ удалялся отъ своихъ единовѣрцевъ. Въ этомъ отношеніи его развитіе имѣетъ много аналогическаго съ развитіемъ нѣкоторыхъ христіанскихъ философовъ его времени, съ тою только разницею, что Спиноза былъ гораздо прямѣе и искреннѣе, чѣмъ большая часть его современниковъ. Правда, сначала, замѣтивъ, что за нимъ зорко слѣдятъ и присматриваютъ, онъ сталъ только рѣже посѣщать синагогу и сдѣлался остороженъ и несообщителемъ въ разговорахъ съ раввинами; это, разумѣется, сильно встревожило ихъ умы. Съ другой стороны, его частыя отлучки въ домъ „вольнодумца“ ван-ден-Энде также не могли остаться тайной и его стали подстергать съ большимъ еще ожесточеніемъ. Спиноза крѣпился, сколько было силъ, и продолжалъ хранить

глубокое молчаніе. Но когда тягостный надзоръ смѣнился громомъ проклятій и оскорбленій, онъ не вытерпѣлъ и кончилъ тѣмъ, что совершенно отдѣлился отъ синагоги, къ вѣчному стыду амстердамской общины. Какъ знать, быть-можетъ, не окружи его фанатики своими лазутчиками, не разразись надъ нимъ этотъ громъ проклятій, несчастный Барухъ не рѣшился бы, съ отчаяніемъ въ душѣ и растерзаннымъ сердцемъ, разорвать всѣ связи съ роднымъ племенемъ, съ родною семьей...

О разрывѣ его съ синагогой рассказываютъ слѣдующее. Въ числѣ лицъ, наиболѣе другихъ добивавшихся знакомства Спинозы, было два молодыхъ человека, прикидывавшихся его истинными друзьями. Однажды они заклинали его открыть имъ свою душу, сокровеннѣйшія убѣжденія и настоящій образъ мыслей. Они представляли ему на видъ, что ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ ихъ бояться и что любопытство ихъ не имѣетъ никакого другого источника, кромѣ желанія научиться и найти разрѣшеніе своимъ сомнѣніямъ. Спиноза, озадаченный такою неожиданною рѣчью, счелъ за лучшее промолчать. Но, когда тѣ продолжали настаивать, онъ, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Вѣдь Моисей и пророки давно уже разрѣшили всѣ вопросы и вамъ, какъ истымъ евреямъ, остается только строго придерживаться ихъ рѣшеній, не позволяя себѣ ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Если вѣрить этимъ учителямъ, возразилъ одинъ изъ молодыхъ людей, такъ я, право, не знаю, что мнѣ думать, напримѣръ о безтѣлесности Бога, о безсмертіи души, о существованіи ангеловъ. Какъ

вы думаете, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Спинозѣ, — имѣеть ли Богъ тѣло? есть ли ангелы? безсмертна ли душа?

— Признаюсь, отвѣчалъ Спиноза, что такъ какъ библія ничего не упоминаеть о безтѣлесности Бога, то мы, согласно этому, имѣемъ полное право думать, что Богъ есть тѣло и что онъ притомъ *великъ*, какъ говорятъ пророки. Вѣдь нельзя же представить себѣ величину безъ протяженія, а, слѣдовательно, и безъ тѣла. Касательно духовъ извѣстно положительно, что св. писаніе нигдѣ не говоритъ о нихъ, какъ о вѣчно-сущихъ субстанціяхъ, а только какъ о фантомахъ, которымъ придавали названіе ангеловъ, потому что Богъ употреблялъ ихъ какъ средство для обнаруженія своей воли, по причинѣ ихъ *относительной* невидимости, зависящей оттого, что тѣло ихъ состоитъ изъ тонкой и непрозрачной матеріи, — фантомахъ, которые удобообразимы лишь на столько, на сколько различаютъ изображенія въ зеркалѣ или призраки и видѣнія во время сна или ночью, насколько различалъ, на примѣръ, спящій Іаковъ лѣстницу съ восходящими и нисходящими ангелами. Оттого мы не встрѣчаемъ примѣра, чтобы іудеи отлучали отъ храма саддукеевъ, не вѣровавшихъ въ существованіе ангеловъ потому, что писаніе нигдѣ не говоритъ объ ихъ сотвореніи. Что же касается души, то писаніе вездѣ обозначаетъ этимъ именемъ просто жизнь или все живущее на землѣ. Безполезно было бы поэтому искать въ немъ доказательства въ пользу безсмертія души; сотни мѣстъ скорѣе доказываютъ противное. Впрочемъ, и неумѣстно и некогда говорить теперь объ этомъ.

— То немногое, что вы высказали сейчасъ, возразилъ тотъ же другъ, можетъ, пожалуй, удовлетворить всякаго, менѣ насъ интересующагося этимъ предметомъ; для вашихъ же пріятелей этого мало, намъ нужно что-нибудь посущественнѣе и поосновательнѣе. Вообще это слишкомъ серьезная матерія, чтобы отдѣлаться отъ нея нѣсколькими поверхностными сужденіями.

Спиноза, желавшій только какъ бы поскорѣе окончить непріятный разговоръ, обѣщалъ исполнить ихъ просьбу въ другое время. Однако, онъ всячески старался избѣгать случая, при которомъ подобный разговоръ могъ бы повториться. Сказавши самому себѣ, что любопытство рѣдко вытекаетъ изъ чистаго источника, онъ положилъ себѣ изучить характеръ своихъ пріятелей, но нѣсколько дней внимательнаго наблюденія показали ему въ ихъ характерѣ столько дурныхъ сторонъ, что онъ разошелся съ ними и не вступалъ болѣе ни въ какія разсужденія. Друзья, полагая, что онъ только хочетъ ихъ испытать, нѣкоторое время ворчали; но когда они убѣдились, что нѣтъ болѣе никакой надежды склонить его въ свою пользу, они дали себѣ слово отомстить свою обиду и для вѣрнѣйшаго успѣха стали унижать его въ общественномъ мнѣніи, говоря, что ошибаются тѣ, которые думаютъ, что этотъ молодой человѣкъ будетъ столпомъ синагоги; напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что онъ сдѣлается когда-нибудь ея разрушителемъ, потому что онъ питаетъ только одну ненависть и презрѣніе къ закону Моисееву, въ которомъ, по увѣренію Мортейры, онъ такъ свѣдуецъ. Имъ несомнѣнно извѣстно,

что онъ безбожникъ, и рабби Мортейра въ большомъ заблужденіи, если имѣеть объ немъ такое хорошее мнѣніе: его образъ мыслей, его дѣйствія, его слова приводятъ ихъ только въ содроганіе и ужасъ.

Эти злые наветы, которые они сначала распространяли тайно, перешли скоро въ общій и громкій говоръ. Мнимые друзья Спинозы, увѣрившись, что все уже достаточно подготовлено, что настала пора дѣйствовать рѣшительно, энергически, немедленно подали на него начальникамъ синагоги формальный доносъ и такъ возбудили противъ него умы, что его осудили, почти не выслушавъ. Хотя гнѣвъ кипѣлъ уже въ сердцахъ раввиновъ съ полною силою, но они были настолько благоразумны, что умѣрили первый порывъ негодованія и приказали позвать Спинозу. Онъ, не зная ничего и не чувствуя на своей совѣсти никакого упрека, съ радостью и охотно отправился въ синагогу. Судьи, съ выраженіемъ мрачнаго унынія на лицѣ, съ худо скрытымъ негодованіемъ, объявили ему, что объ немъ, объ этомъ благочестивомъ Барухѣ, подававшемъ столько надеждъ, ходятъ по городу дурные слухи, которые повергаютъ ихъ въ глубокую печаль.

— Мы призвали тебя, говорилъ одинъ изъ нихъ, чтобы услышать истину изъ твоихъ собственныхъ устъ и должны съ сокрушеннымъ сердцемъ требовать у тебя исповѣди, отчета въ твоихъ вѣрованіяхъ, потому что тебя обвиняютъ въ самомъ страшномъ преступленіи—въ поношеніи закона. Мы желаемъ отъ души, чтобы ты оправдался, но горе тебѣ, если тебя обличатъ въ противномъ, потому что нѣтъ

такого наказанія, такой жестокой кары, которая соотвѣтствовала бы твоему тяжкому преступленію. И такъ, заклинаемъ, умоляемъ тебя, признайся чистосердечно въ твоей вишѣ, если ты, дѣйствительно, виновецъ.

Спиноза, разумѣется, далъ отвѣтъ отрицательный. Но присутствовавшіе тутъ же его пріятели, видя, что всѣ ихъ планы готовы разстроиться, нахально выступили впередъ и съ безстыдствомъ стали увѣрять, что Барухъ поднималъ на смѣхъ евреевъ, какъ людей исполненныхъ суевѣрія, рожденныхъ и воспитанныхъ въ невѣжествѣ, не знающихъ, что такое Богъ и имѣющихъ однако претензію и дерзость утверждать, что они выше всѣхъ другихъ націй, что они богоизбранный народъ. Что касается закона, то Спиноза будто-бы говорилъ, что онъ данъ человѣкомъ, смыслившимъ, пожалуй, болѣе ихъ въ дѣлахъ политики, но не ушедшимъ дальше въ познаніи Бога. Все это они весьма искусно скленили съ его отзывами о Богѣ, ангелахъ и душѣ и, разгорячивъ головы присутствовавшихъ, довели до того, что на обвиненнаго со всѣхъ сторонъ посыпались проклятія, прежде чѣмъ онъ успѣлъ оправдаться. Судьи, въ священномъ гнѣвѣ за неуваженіе къ ихъ авторитету, за оскверненіе и поруганіе закона, спрашивали, настаивали, угрожали.

— Если вы призвали меня по доносу столь до-
стовѣрныхъ, по вашему мнѣнію, свидѣтелей, отвѣтилъ Спиноза, то во всякомъ случаѣ вы должны попросить ихъ, по крайней мѣрѣ, подтвердить свои показанія болѣе убѣдительными и неопровержимыми доказательствами.

Но его и слушать не хотѣли, и неистовыя ру-

гательства и унижительная брань продолжали сыпаться на него со всѣхъ сторонъ.

Въ числѣ членовъ раввинскаго судилища былъ и Мортейра. Замѣтивъ, въ какой опасности находился его ученикъ, онъ сталъ увѣщевать его не оскорблять своимъ поведеніемъ старѣйшинъ общины, родныхъ и весь еврейскій народъ.

— Неужели, спросилъ онъ, ты успѣлъ уже забыть добрыя примѣры, преподанные тебѣ мною такъ недавно, неужели это награда за мои труды, за мои заботы о твоёмъ воспитаніи? Неужели ты не знаешь, что рука Всевышняго можетъ сіе же мгновение сразить твою грѣшную голову? Зло и соблазнъ, заключилъ онъ, зашли уже довольно далеко, но все еще не въ такой степени, чтобы уже вовсе невозможно было никакое раскаяніе.

Истощивъ весь запасъ словъ и не успѣвъ однако пошатнуть твердость своего ученика, Мортейра вдругъ перемѣнилъ тонъ и грозно потребовалъ отъ него публичнаго покаянія, прибавивъ, что непременно отлучить его отъ синагоги, если онъ тутъ же не исполнитъ его приказанія.

Но и эти угрозы не могли заставить Спинозу признаться въ преступленіи, въ которомъ онъ не былъ повиненъ. Его неустрашимость и невозмутимое хладнокровіе еще больше раздражали раввина; изрыгнувъ противъ Спинозы нѣсколько бесплодныхъ ругательствъ, онъ вышелъ изъ собранія и поклялся вернуться не иначе, какъ съ анаемой въ устахъ. Впрочемъ, ему какъ-то не вѣрилось, чтобы у его Баруха, у такого славнаго ученика, доставало духа допустить до такого соблазна.

Амстердамскій раввинъ жестоко ошибался. До сихъ поръ онъ зналъ только высокія дарованія своего ученика; теперь же онъ убѣдился, что и въ постоянствѣ и твердости духа онъ не имѣлъ недостатка. Баруху дали время для размышленій. Быть-можетъ, думали, онъ еще опомнится и увидитъ, надъ какою пропастью онъ стоитъ такъ безопасно. Но когда и этотъ срокъ прошелъ, день отлученія Спинозы отъ синагоги былъ назначенъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Между тѣмъ раввины, боявшіеся, чтобы примѣръ его не сдѣлался заразителенъ, и хотѣвшіе во что бы то ни стало удержать его въ своей средѣ, рѣшились испытать еще одно средство. Зная хорошо его бѣдность, они предложили ему годовую пенсію въ 1000 флориновъ, если онъ только возвратится на путь истины. Разумѣется, они не могли избрать средства неудачнѣе и недѣйствительнѣе; Барухъ отказалъ на отрѣзъ, присовокупляя, что еслибы ему сулили сумму вдесятеро больше, онъ и тогда не сумѣлъ бы притворяться и жить подъ ихъ тягостнымъ надзоромъ. Но онъ едва не поплатился жизнью за свою откровенность. Однажды вечеромъ, когда евреи, по окончаніи молитвы въ старой португальской синагогѣ, разошлись по домамъ, Барухъ, разсѣянно и въ раздумьи также шедшій по направленію къ своей квартирѣ, вдругъ увидѣлъ подлѣ себя какую-то таинственную фигуру съ кинжаломъ въ рукахъ. Это былъ одинъ изъ его минимыхъ пріятелей, о которыхъ мы говорили выше. Думая въ своемъ фанатическомъ изступленіи, что убіеніемъ такого еретика можно заслужить вѣчное блаженство, онъ подстерегъ его и, уличивъ удобную ми-

нугу, бросился на него съ яростью и протянулъ уже кинжалъ, чтобы прямо поразить его въ сердце. По счастью, Барухъ во-время успѣлъ замѣтить разбойника и быстрымъ движеніемъ отклонилъ ударъ. Кинжалъ прокололъ только его полукафтанье. Это проколотое полукафтанье онъ хранилъ у себя всю жизнь на память объ этомъ событіи. Амстердамскіе евреи и теперь еще показываютъ то мѣсто вблизи португальской синагоги, гдѣ за нимъ гнался изуверъ. Къ чести синагоги должно сказать, что она не принимала никакого участія въ этомъ гнусномъ замыслѣ, хотя, съ другой стороны, не отказывалась привести въ исполненіе свой приговоръ — предать проклятію безвиннаго Спинозу.

Обрядъ отрѣшенія Баруха отъ синагоги былъ совершенъ въ 1656 году. Старикъ Псаакъ Абоабъ, годъ тому назадъ возвратившійся изъ Бразиліи, торжественно произнесъ анаѹему съ кафедръ португальской синагоги. Онъ читалъ ее при свѣтѣ факеловъ и грозныхъ заунывныхъ звукахъ рога, которые навели панической страхъ на всѣхъ присутствовавшихъ. По окончаніи чтенія, раввинъ потушилъ факелы, какъ бы желая этимъ дать знать, что отселѣ осужденный предоставленъ своему собственному разуму и лишень божественнаго свѣта религіи и небесной благодати. По оглашеніи анаѹемы, Спинозѣ было запрещено являться въ синагогу или въ какое бы то ни было публичное собраніе, сверхъ того ни одинъ правовѣрный еврей не долженъ былъ приближаться къ нему на разстоя-

ни менше четырехъ шаговъ.¹⁾ Когда вѣсть объ этомъ дошла до Синнозы, онъ прехладнокровно замѣтилъ:

¹⁾ Вотъ открытый въ 1862 г. van-Floten'омъ текстъ проклятiя, произнесеннаго надъ Синнозой въ июлѣ 1656 г. (6 аба 5416 по еврейскому лѣтосчисленiю):

„Члены духовнаго правленiя „маамада“ объявляютъ, что давно уже извѣстася о безбожii и скверныхъ мнѣнiяхъ и поступкахъ Баруха д'Эсинозы и неоднократно пытавшися отклонить его отъ дурнаго пути, но, не успѣвъ въ этомъ, а напротивъ, ежедневно убѣждаясь сами и чрезъ многихъ достойныхъ свидѣтелей, изобличавшихъ его и показывавшихъ на него, въ его странныхъ ересеяхъ, доказанныхъ словами и поступками его и удостоившихъ тѣми свидѣтелями въ присутствii сказаннаго д'Эсинозы, и въ виду того, что все это исследовано въ присутствii мудрецовъ,—съ общаго согласiя постановили наложить на д'Эсинозу печать отверженiя и предать его отлученiю и исключенiю изъ среды Израиля, отлучая его теперь по слѣдующему херему (анаемѣ):

„По произволению ангеловъ и приговору святыхъ, отлучаемъ, отвергаемъ и предаемъ осужденiю и проклятiю Баруха д'Эсинозу, съ согласiя Бога Благословеннаго и полномочiя синагогальнаго трибунала и всей святой общины, предъ священными книгами Торы съ шестьюстами тринадцатью въ нихъ начертанными предписанiями, тому проклятiю, которымъ Иисусъ Навинъ проклялъ Иерихонъ, тому проклятiю, которое Елисей изрекъ надъ отроками, и веѣмъ тѣмъ проклятiямъ, которыя написаны въ книгѣ законовъ: да будетъ онъ проклятъ днемъ и ночью, да будетъ проклятъ, когда ложится и когда встанеть, да будетъ проклятъ при выходѣ и входѣ! Да не проститъ ему Адонай во вѣки! Да развратятся противъ него Его гнѣвъ и Его мщенiю надъ человѣкомъ симъ и да тяготятъ надъ нимъ веѣ тѣ проклятiя, которыя написаны въ книгѣ законовъ. Да сотретъ Адонай его имя съ лица земли и отторгнетъ его на погибель отъ веѣхъ колѣнитъ израилевыхъ со веѣми проклятiями твердыни небесной, которыя написаны въ книгѣ законовъ! Вы же, твердо держащiеся Адоная, нашего Бога, веѣ вы нынѣ да здравствуете! Упреждаемъ не входить съ нимъ ни устно, ни письменно въ сношенiя,—не оказывать ему какую-либо услугу, не проживать съ нимъ подъ одною кровлей, не подходить къ нему ближе, чѣмъ на 4 локтя разстоянiя, не читать ничего, писаннаго имъ или о немъ“. Ср. Van-Floten, l. c.; Куно-Фишеръ, l. c. 18, 19, Graetz, *Geschichte der Juden*, X (Notiz 1) и P-ро въ „*Разсѣльтъ*“ 1880, № 44, стр. 1745.

— Пусть себѣ поступаютъ какъ знаютъ, мнѣ рѣшительно все равно; но напрасно запрещаютъ мнѣ съ такою силою то, чего я и не думалъ дѣлать.

Впрочемъ, онъ протестовалъ въ особой запискѣ на испанскомъ языкѣ, которую онъ подалъ раввинамъ и о которой рѣчь впереди.

Хотя онъ давно уже отдѣлился отъ общества фанатиковъ, хотя онъ заранѣе могъ предвидѣть, чѣмъ кончится дѣло, но все-таки этотъ разрывъ былъ для него новымъ, неожиданнымъ ударомъ. Какъ ни равнодушно принялъ онъ вѣсть о своемъ изгнаніи изъ синагоги, она должна была однако лечь тяжелымъ камнемъ на его сердце. Сестры оплакивали его какъ покойника. Тѣ, съ которыми онъ раздѣлялъ и горе и радость, теперь отворачивались отъ него съ презрѣніемъ. Онъ бродилъ какъ тѣнь среди людей, которые прежде любили его такъ пламенно, которые воздавали ему величайшія почести и превозносили до небесъ его дарованія. Невыразимая грусть и тоска овладѣли имъ, когда онъ увидѣлъ, что все кончено, что навсегда и безвозвратно улетѣла молодость со всѣмъ, что въ ней есть родного и задумевнаго, что порваны всѣ нити, связывавшія его съ прошедшимъ, что между нимъ и этимъ прошедшимъ проведена непереступная грань....

Но Спипоза не былъ злопамятенъ. Поступокъ еврейскихъ нанъ не возбудилъ въ немъ ни горечи, ни ненависти къ нимъ. Онъ простилъ ихъ отъ всей души; потому что онъ зналъ, что они не могли поступить иначе, если только хотѣли остаться вѣрны самимъ себѣ.

Булэнвиллье говорить, что онъ нашелъ убожище въ домѣ своего давнишняго пріятеля, доктора ван-ден-Энде, но это неправдоподобно, такъ какъ до разрыва съ синагогой онъ въ этомъ не нуждался, а во время преданія анаоемъ его уже не было въ Амстердамѣ. Но теперь, не смотря на недостатокъ средствъ, онъ могъ безпренятственно продолжать свои ученыя занятія, по временамъ развлекаясь поѣздками въ Амстердамъ, гдѣ радуніе и заботливое вниманіе, съ которыми его встрѣчали въ домѣ ван-ден-Энде подѣйствовали на него успокоительно. Казалось, счастье еще не совсѣмъ погибло для него; у него оставались еще неизмѣнные и преданные друзья, ему улыбался еще привлекательный образъ Клары Маріи. Тихія бесѣды съ однимъ, надежды, которыя подавала ему другая, мало-по-малу изглаживали тяжелыя впечатлѣнія, испытанныя имъ въ послѣднее время. Лицо его все болѣе и болѣе прояснялось при мысли, что можетъ быть ему удастся соединиться бракомъ съ своей возлюбленной и безмятежно провести съ нею остатокъ дней своихъ. Судьба рѣшила иначе.

Въ толгѣ вздыхателей, окружавшихъ дочь ван-ден-Энде, былъ еще одинъ его ученикъ, по имени Теодоръ (или Даркъ) Керкернигъ, родомъ изъ Амстердама и патрицій по происхожденію (его предки принадлежали къ любекской знати). Когда онъ замѣтилъ, что у него есть могущественный соперникъ, имъ овладѣла ревность и онъ сталъ чаще посѣщать домъ своего учителя и усерднѣе домогаться любви его дочери. Сначала она не обращала на это вниманія. Можетъ-быть, перейди Спиноза въ католическую вѣру (Клара Марія

была католичка), она бы и слышать не хотѣла о другомъ. Но Баруху ничто не было такъ ненавистно, какъ двоедушіе; онъ ни за что не согласился бы надѣть на себя маску, подобный поступокъ онъ считалъ святотатствомъ, богохульствомъ. Керкерингъ, разумѣется, видѣлъ очень хорошо, что происходило вокругъ него и потому рѣшился повести свою атаку какъ можно искуснѣе. Для вѣрнѣйшаго успѣха онъ подарилъ Кларѣ Маріи ожерелье въ 300 пистолей (750 руб). Эта тактика возымѣла желанное дѣйствіе: женское сердце не могло устоять противъ такого искушенія. Она тотчасъ же общала свою руку Керкерингу; что же касается Спинозы, то она успокаивала себя на его счетъ слѣдующими софизмами. Барухъ—такъ или почти такъ должна была разсуждать Клара Марія—любить уединеніе, наука — его божество; отказывая ему въ моей рукѣ, я возвращаю ему свободу, возвращаю его самому себѣ. Притомъ, съ одной стороны, нескончаемый рядъ лишеній и нуждъ, съ другой — перспектива блестящей и богатой наслажденіями жизни, да еще вдобавокъ этотъ Керкерингъ, протестантъ, для меня охотно принимаетъ католическую вѣру... подлежитъ ли еще выборъ какому-нибудь сомнѣнію?

Бракосочетаніе Дарка Керкеринга и Клары-Маріи было совершено на другой же день послѣ принятія первымъ римско-католической вѣры. ¹⁾

¹⁾ Такъ какъ мы не возвратимся болѣе къ Керкерингу, то считаемъ излишнимъ прибавить здѣсь, что онъ извѣстенъ въ исторіи медицины своими анатомическими и физиологическими сочиненіями, былъ членомъ лондонскаго королевскаго

Своейравная судьба, кажется, нарочно осудила Спинозу на вѣчное одиночество. Она какъ будто хотѣла этимъ показать, что если человѣкъ не нашель счастья въ другихъ, онъ долженъ искать его въ себѣ самомъ.

Грусть и уныніе снова грозили охватить душу

общества (Royal Society), путешествовалъ, вѣроятно вмѣстѣ съ женою, по Франціи и, наконецъ, поселился въ Гамбургѣ съ цѣлью заняться здѣсь медицинской практикой. Но, не имѣя на это права, такъ какъ онъ не исполнилъ всѣхъ установленныхъ для полученія ученой степени формальностей,—онъ вступилъ въ должность резидента великаго герцога тосканскаго, въ качествѣ котораго оставался въ Гамбургѣ до конца жизни. Онъ умеръ въ 1693 году.

Что касается отношеній Спинозы къ Кларѣ Маріи ван-ден-Энде, то достовѣрность передававшагося изъ поколѣнія въ поколѣніе разсказа объ этихъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ той его части, гдѣ рѣчь идетъ о преподаваніи латыни, въ новѣйшее время сильно пошатнулась отъ хронологическихъ данныхъ, почерпнутыхъ недавно ванъ-Влотеномъ изъ брачныхъ свидѣтельствъ въ Амстердамѣ. Бракъ Дарка Керкеринга, 32 л. отроду, и Клары Маріи ван-ден-Энде, 27 лѣтъ, совершенно былъ 5 февраля 1671 года. Клара Марія во время отлученія Спинозы была 12 лѣтнимъ ребенкомъ, а послѣ того ван-ден-Энде не могъ быть учителемъ Спинозы, слѣдовательно, невозможно, чтобъ дочь его когда-либо давала Спинозѣ уроки латыни. Но такъ какъ самъ Спиноза, по достовѣрному свидѣтельству Колера, не разъ говорилъ о своей склонности, то можно только допустить, что Спиноза, по отлученіи своемъ и удаленіи изъ Амстердама въ Уверкерке, благодаря близости ихъ, могъ поддерживать сношенія съ своими друзьями и посѣщать, между прочимъ, и домъ ван-ден-Энде, дочери которой было тогда 16 лѣтъ. Изъ писемъ Спинозы извѣстно, что онъ не разъ предпринималъ изъ Риннебурга и Воорбурга поѣздки въ Амстердамъ, а именно въ 1661, 1663 и 1665 гг. (Epist IV и IX къ Ольденбургу, Ер. XXXVIII къ Влейенбургу). Въ то время Спиноза могъ укрѣпиться въ своей склонности и помышлять о бракѣ съ дочерью своего учителя, хотя въ своихъ письмахъ даже не упоминаетъ имени ван-ден-Энде. Ср. Куно Фишеръ, *Барухъ Спиноза*, лекція, отгискъ въ „Заграничномъ Вѣстникѣ“ за 1865 г. т. VII, стр. 24.

его и долго боролся съ ними Барухъ. То была борьба на жизнь и на смерть; здѣсь дѣло шло о томъ, чтобы или погибнуть подъ ударами судьбы, или, отрѣшившись отъ всего частнаго, подняться на такую высоту, съ которой можно было бы смотрѣть на водоворотъ жизни съ истинно-олимпійскимъ спокойствіемъ.

Онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Рѣшившись въ самообладающемъ сознаніи покориться необходимости, онъ мало-по-малу дошелъ до того внутренняго спокойствія и безстрастія, которое необходимо для всякаго, кто весь отдался служенію истинѣ.

Если позволено изъ общихъ положеній философа заключать о его душевномъ настроеніи въ тотъ или другой моментъ его жизни, то изъ слѣдующаго мѣста можемъ составить себѣ довольно ясное понятіе о тогдашнемъ настроеніи Спинозы.

„Люди, встрѣтившіе отъ своихъ возлюбленныхъ холодный пріемъ, говоритъ онъ, думаютъ только объ обманчивости чувствъ, о непостоянствѣ и другихъ знаменитыхъ недостаткахъ женщинъ; но лишь только ихъ опять начнутъ принимать благосклонно, они тотчасъ же забываютъ все. Кто же, напротивъ, старается умѣрять свои страсти и душевныя движенія изъ одной любви къ свободѣ, тотъ всячески будетъ стремиться къ познанію добродѣтелей и ихъ причинъ и въ истинномъ ихъ пониманіи найдетъ для себя неизсякаемый источникъ радости; но онъ не станетъ порицать людей и отыскивать въ нихъ недостатки, потому что тогда онъ будетъ наслаждаться только призракомъ свободы, а не истинной свободой“ ¹⁾.

1) Ethica, V, propos. 10.

Передъ нами теперь уже 24-лѣтній Спиноза, закаленный въ испытаніяхъ жизни, рано извѣдавшій ея страданія. Что ему было дѣлать,—ему, разочарованному въ своихъ вѣрованіяхъ, оставленному сестрами, отверженному роднымъ племенемъ, обманутому въ любви? Въ домѣ ван-ден-Энде, послѣ того, что случилось, онъ не могъ болѣе бывать. Быть учителемъ было ему не по сердцу. Помня очень хорошо прекрасныя правила древнихъ представителей синагоги объ этомъ предметѣ, онъ не хотѣлъ идти по избитой колеѣ, не хотѣлъ продавать знаніе и совѣсть за хлѣбъ насущный. Пока есть руки—думалъ онъ—человѣкъ долженъ пропитывать себя собственными трудами, тогда можно, по крайней мѣрѣ, сохранять неприкосновенность своихъ убѣжденій и нѣтъ надобности прилаживать ихъ къ обыденнымъ и будничнымъ требованіямъ рутины. Можетъ-быть, сюда примѣшались еще терпѣніе голландца и гордость испанца. Кто не поставленъ обстоятельствами въ независимое положеніе, тотъ самъ долженъ создать себѣ независимость. И такъ, онъ твердо рѣшился самостоятельно, собственными силами добывать хлѣбъ и истину. Оставалось только избрать ремесло. Декартъ и тутъ явился къ нему на помощь: читая его „Диоптрику“, Спиноза впервые узналъ законы преломленія лучей, равно какъ и первое правильное объясненіе радуги. Выборъ его палъ поэтому на шлифовку оптическихъ стеколъ. Обладая обширными свѣдѣніями въ математикѣ и оптикѣ, онъ вскорѣ достигъ такого совершенства въ своемъ искусствѣ, что къ нему стали обращаться съ заказами со всѣхъ сторонъ.

Свѣтлое чувство радости разлилось по всему существу Спинозы, когда онъ увидѣлъ осуществленіе своей за-вѣтной мечты—независимости въ жизни и въ мысляхъ. До сихъ поръ жизнь его была какимъ-то страннымъ сѣпленіемъ противоположностей; теперь же онъ достигъ *единства*, единства съ самимъ собою, съ друзьями, съ человѣчествомъ. Въ часы досуга у него собирались добрые пріятели и улаждали его уединеніе задушевными разговорами и разсужденіями о высочайшихъ міровыхъ проблемахъ. Только страсти разрозняютъ между собою людей и поселяютъ разладъ въ отдѣльномъ человѣкѣ; разумъ же соединяетъ однихъ и возстановляетъ гармонію и внутренній міръ въ другомъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Тихій дружескій кружокъ разстроился. Ольденбургъ былъ вызванъ въ Лондонъ (гдѣ его назначили членомъ ученаго общества, основаннаго тамъ недавно подъ названіемъ Royal Society,—гдѣ, позднѣе, въ качествѣ секретаря этого общества, онъ издавалъ съ 1674—1677 г. такъ называемыя Transactiones и обнародовалъ много переводовъ и сочиненій на англійскомъ языкѣ, являясь подъ именемъ Грубендоль, откуда, наконецъ, онъ переписывался съ знаменитѣйшими людьми своего времени, также членами общества, каковы, напримѣръ, Ньютонъ, Лейбницъ и др.). Людовика Мейера все болѣе и болѣе поглощали семейныя заботы и медицинская практика. Съ ван-ден-Энде Спиноза послѣднее время видался рѣдко. Былъ у Спинозы еще одинъ пріятель, это—Симонъ де-Фризъ, сынъ богатаго еврейскаго купца, которому Спиноза бесплатно давалъ уроки философіи.

Но лѣта и опытъ слишкомъ отдаляли ихъ другъ отъ друга; они не могли быть интимными друзьями въ полномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, можно сказать, Спиноза остался одинъ въ цѣломъ мірѣ, забытый и покинутый всеми.

Не забывали о немъ только старшины еврейской общины. Для нихъ было мало предать его проклятiю. Считая какъ бы непростительнымъ грѣхомъ дышать однимъ воздухомъ съ „богохульникомъ“, они вошли въ магистратъ съ прошенiемъ объ изгнанiи его изъ города. Магистратъ предоставилъ протестантскому духовенству разсмотрѣть дѣло. Протестантскiе пасторы, сами руководствуясь чувствомъ нетерпимости, побудили магистратъ, „для поддержанiя порядка и субординаціи“, изгнать Баруха на нѣсколько мѣсяцевъ изъ города, въ которомъ находили убѣжище писатели и изгнанники всехъ странъ. Впрочемъ, самъ Спиноза еще ранѣе оставилъ мѣсто, гдѣ онъ столько страдалъ, гдѣ онъ возбуждалъ только отвращенiе и ненависть, гдѣ за нимъ гнались съ кинжалами... Онъ удалился къ одному прiятелю, жившему на дорогѣ между Амстердамомъ и Уверкерке, гдѣ прожилъ слѣдующіе 1656 — 1660 гг., въ загородномъ домѣ этого друга, принадлежавшаго къ гонимой тогда въ Нидерландахъ протестантской сектѣ арминіанъ, ремоистрантовъ или ринсбургцевъ, смѣшавшихся впоследствии съ родственными имъ по убѣжденiямъ менонитами. Эта секта, вмѣнившая себѣ въ обязанность строжайшую чистоту правовъ, образовала въ Нидерландахъ скромную общину безъ священнослужителей, назвавшись „*коллегiantами*“.

Интересно, что опубликованныя ванъ-Влотеномъ въ 1862 г. письма и сочиненія Спинозы найдены въ одномъ сиротскомъ пріютѣ „Коллегіантовъ“ въ Амстердамѣ. Спиноза не могъ не сочувствовать подобной сектѣ, чѣмъ и объясняется поселеніе его въ домѣ друга, принадлежавшаго къ этой сектѣ. Вѣроятно, по этой же причинѣ онъ послѣдовалъ за нимъ около 1660 года, въ лежащей неподалеку отъ Лейдена Ринсбургъ, гдѣ въ 1661 году разставался съ Ольденбургомъ, который отправлялся въ Лондонъ.

IV.

Съ переселеніемъ въ Ринсбургъ, въ жизни Спинозы наступаетъ новый періодъ,—періодъ литературной дѣятельности. Первый трудъ его явился въ свѣтъ подъ заглавіемъ:

„Renati des Cartes principiorum philosophiae pars I et II, more gemeotrico demonstratae, per Benedictum de Spinoza, Amstelodamensem. Accesserunt ejusdem Cogitata Metaphysica, in quibus difficiliores, quae tam in parte metaphysices quam speciali occurrunt, quaestiones breviter explicantur. Amstelodami, apud Johannem Riewertz etc. 1663“. ¹⁾

Предисловіе къ этому сочиненію написано Людовикомъ Мейеромъ. Этотъ мнимый комментарий служить какъ бы провозвѣстникомъ самостоятельныхъ

¹⁾ „Начала философіи“ Рене Декарта, (часть 1 и 2), объясненныя геометрически Бенедиктомъ Спиновой изъ Амстердама. Прилагаются его же Метафизическія Размышленія, въ которыхъ разрѣшаются и излагаются вкратцѣ наиболѣ трудныя вопросы изъ общей и специальной части метафизики.

трудова Спинозы. Хотя онъ, повидимому, придерживался Декарта, нельзя, однако, не замѣтить, что изъ-за положеній французскаго философа выглядываютъ его самостоятельныя воззрѣнія, гораздо рѣшительнѣе выступающія въ „Размышленіяхъ“. Притомъ аналитическій способъ доказыванія, принятый Декартомъ, онъ замѣнилъ способомъ синтетическимъ или геометрическимъ. Замѣчательнѣе рѣзкій тонъ, съ которымъ онъ выступаетъ противъ схоластиковъ; еще замѣчательно, что это единственный трудъ, носящій полное названіе автора. По господствовавшему тогда обычаю, онъ переложилъ свое еврейское имя *Барухъ* на равнозначащее латинское *Бенедиктъ*. Это обстоятельство породило ошибочное мнѣніе, будто Спиноза перешелъ въ христіанскую церковь. Вотъ что онъ самъ говоритъ по поводу своего перваго сочиненія:

„Въ апрѣлѣ — пишетъ онъ въ 1663 г. къ Ольденбургу—я былъ въ Амстердамѣ. Нѣкоторые друзья просили меня дать имъ копію съ одного сочиненьца, въ которомъ я изложилъ, съ геометрическими доказательствами, вторую часть Декартовыхъ „Началъ“ (физику), равно какъ и главнѣйшія основанія метафизики. Я когда-то диктовалъ ихъ одному молодому человѣку (Симону-де-Фризу?), которому не хотѣлъ открыто преподавать мою собственную систему. Прочитавъ это сочиненіе, друзья мои настаивали, чтобы я какъ можно скорѣе обработалъ по такому же способу и первую часть „Началъ“ (метафизику). Согласно ихъ желанію, я тутъ же сѣлъ за работу и, кончивъ въ двѣ недѣли, отдалъ ее друзьямъ, которые теперь стали осыпать меня просьбами позволить имъ

напечатать этотъ трудъ. Я согласился съ условіемъ, чтобы кто-нибудь при мнѣ исправилъ слогъ и написалъ предисловіе, въ которомъ далъ бы замѣтить читателю, что не все то соответствуетъ моимъ убѣжденіямъ, что заключается въ этомъ сочиненіи, и что весьма часто я утверждаю именно противное, какъ это видно изъ многихъ примѣровъ. Все это обѣщаль сдѣлать одинъ другъ, который взялъ на себя заботы по изданію. Вотъ почему я долженъ былъ остаться нѣкоторое время въ Амстердамѣ. По возвращеніи же въ село, въ которомъ я живу теперь, у меня отбою почти нѣтъ отъ друзей, удостоивающихъ меня своими посѣщеніями. Я едва улучилъ минуту, чтобы сообщить вамъ все это и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить причину, почему я далъ согласіе на изданіе упомятаго сочиненія. Дѣло вотъ въ чемъ. Я надѣюсь, что при этомъ случаѣ найдутся, можетъ быть, нѣкоторые знатные соотечественники, которые захотятъ увидѣть въ печати остальные труды мои и вообще все, что я признаю своимъ, и позаботятся поэтому о томъ, чтобы я могъ издать ихъ въ свѣтъ, не навлекая на себя непріятностей. Если надежды мои сбудутся, я тотчасъ же обнародую кое-что; если же нѣтъ, то буду лучше молчать, потому что не хочу противъ воли отечества навязывать людямъ свои убѣжденія и напрасно наживать себѣ враговъ. Итакъ, многоуважаемый другъ, подождите, пока не пришлю или напечатанный „Трактатъ“ или рукопись, какъ вы сами того желаете“. ¹⁾)

¹⁾ Ер. 9.

Очевидно, „Богословско-политическій Трактатъ“ былъ уже готовъ къ печати семь лѣтъ до его выхода въ свѣтъ. Между тѣмъ „Начала“ не имѣли желаннаго успѣха и потому Спиноза, не встрѣчая никакого поощренія, не спѣшилъ обнародованіемъ своихъ остальныхъ трудовъ. Что касается „Началь“, то не считаемъ нужнымъ болѣе распространяться о нихъ, такъ какъ пришлось бы подробно говорить объ ученіи Декарта, что не входитъ въ нашу задачу. Замѣтимъ только, что въ нихъ мастерски изложена и резюмирована вся Декартова философія.

Изъ приведеннаго письма, равно какъ и изъ многихъ другихъ, видно, что Спиноза изъ Ринсбурга часто предпринималъ поѣздки въ Амстердамъ и въ Гагу. Лѣтомъ 1664 года онъ поселился въ Воорбургъ, отстоящемъ на одну милю отъ Гаги, зимою того же года онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Шидамъ, вѣроятно, у жившаго тамъ брата Симона де-Фриза. Въ послѣдніе дни марта 1665 года мы опять видимъ его въ Амстердамѣ, но, возвратившись на этотъ разъ въ Воорбургъ, онъ, кажется, безвыѣздно прожилъ здѣсь пять лѣтъ (до 1669 г.) въ домѣ живописца Даниила Тидемана. Жизнь его въ Воорбургѣ была исключительно раздѣлена между умственными и механическими занятіями. Днемъ онъ занимался своимъ ремесломъ; ночью, отъ 10 до 3 часовъ утра, онъ готовлялъ свои ученые труды. Окрестные поселяне въ одинъ голосъ превозносили его честность, простоту, услужливость и ласковость въ обращеніи. Въ этомъ уединеніи его часто посѣщали гагскіе знакомые, государственные люди, ученые, офицера, купцы и да-

же знатныя дамы. Любопытные путешественники, осматривая достопримѣчательности края, считали своимъ долгомъ посѣтить и страннаго отшельника. Наконецъ, около 1670 года, уступая единодушнымъ просьбамъ своихъ друзей, онъ переселился въ Гагу. Здѣсь онъ сначала квартировалъ у какой-то вдовы ван-Вельденъ на Веерской (набережной). Въ маленькой комнатѣ второго этажа, совѣмъ на заднемъ дворѣ, которую впоследствии занималъ Колеръ и въ ней писалъ біографію Спинозы. Но потомъ (въ 1671 г.), замѣтивъ, что издерживалъ гораздо больше, чѣмъ позволяли средства, отыскалъ себѣ квартиру подешевле у живописца Генриха ван-дер-Спика, на Pavilio-en-gragt, гдѣ остался до конца жизни.

Хотя онъ далъ себѣ слово не обращать вниманія ни на что и жить только для науки, однакоже не всегда могъ сдержать его. Разныя непріятности, раздраженіе умовъ, возбужденное его первымъ дебютомъ, бѣдность, переѣзды съ одного мѣста на другое, мелочныя дразги и домашнія заботы, наконецъ, безпокойство за судьбу своихъ твореній и малая надежда выступить когда-либо съ ними передъ свѣтомъ—все это весьма часто отрывало его отъ занятій и останавливало дальнѣйшій ходъ его трудовъ. Только въ 1670 году, при содѣйствіи преданныхъ друзей, въ томъ числѣ и гротпансіонера Яна де-Витта, удалось ему издать въ свѣтъ свое первое самостоятельное произведеніе, которое вышло подъ заглавіемъ:

„Tractatus theologico-politicus, continens dissertationes aliquot, quibus ostenditur, libertatem philosophandi non tantum salva pietate et reipublicae pace posse con-

cedi, sed eamdem nisi cum pace reipublicae ipsaque pietate tolli non posse“. Hamburgi, apud Henricum Künrath 1670 ¹⁾).

Какъ видно, здѣсь не только нѣтъ имени автора, но даже мѣсто печати и имя типографщика обозначены невѣрно, потому что, по свидѣтельству Колера, „Трактатъ“ былъ напечатанъ не въ Гамбургѣ, а въ Амстердамѣ, у Кристофа Конрада, — обстоятельство, лучше всего доказывающее, съ какими трудностями было сопряжено изданіе „Трактата“.

Свѣжая жизнь вѣетъ отъ всего этого сочиненія. Устами Спинозы говорилъ духъ времени, говорили животрещущія событія дѣйствительности. Стоитъ только вспомнить тогдашнее броженіе умовъ, нескончаемые богословскіе диспуты, борьбу партій, борьбу старыхъ идей съ новыми, — и не трудно убѣдиться, что трактатъ этотъ не былъ явленіемъ случайнымъ, плодомъ сухой уметвенной дѣятельности, не интересующейся ничѣмъ живымъ, но вызванъ насущными и неотразимыми потребностями вѣка. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, Спиноза собралъ и отразилъ всѣ отдѣльныя попытки и стремленія человѣческой мысли къ самостоятельности. Въ этомъ смыслѣ онъ является какъ бы продолжателемъ дѣла реформаціи; то, что та

¹⁾ Богословско-политическій Трактатъ, содержащій нѣсколько разсужденій, въ которыхъ доказывается, что свобода философствованія не только можетъ быть допущена безъ всякаго ущерба для религіи и спокойствія государства, но что, наоборотъ, нельзя посягнуть на свободу философствованія, не посягнувъ въ то же время на религію и спокойствіе государства.

выразила какъ фактъ въ дѣйствительности, онъ довершилъ въ области сознанія.

Онъ задалъ себѣ слѣдующую задачу: разъ навсегда установить отношенія между религіею и разумомъ, между государствомъ и церковью. Не трудно догадаться, что такой умъ, какъ Спиноза, не могъ остановиться ни передъ какими препятствіями, не могъ стѣсняться никакими ни религіозными, ни философскими системами. Въ ветхомъ завѣтѣ онъ видитъ не болѣе, какъ историческій памятникъ, каноническія книги котораго написаны въ разныя времена, а именно, по его мнѣнію, пятикнижіе отчасти возникло уже въ изгнаніи. Съ библіей въ рукахъ, онъ доказалъ, что норму для ея пониманія нужно искать въ ней самой, что между нею и сознаніемъ нѣтъ ничего общаго. Сущность религіи, по его понятіямъ, заключается не въ догматѣ, не въ доктринѣ, не въ богослуженіи, но въ любви къ Богу. Ея лучшее выраженіе — благочестіе и послушаніе, ея лучшей культъ—добродѣтельная жизнь. *Ученія* относятся къ философіи, *дѣла* — къ государству, *убѣжденія* — къ религіи. Отсюда—необходимость строгаго разграниченія, съ одной стороны, между сферою разума и сферою религіи, между философіей и теологіей, съ другой—между государствомъ и церковью. Но въ опредѣленіи отношеній государства и церкви Спиноза пошелъ еще далѣе, и тутъ именно видно вліяніе современныхъ событій на его научныя построенія. Въ то время христіанство раздѣлялось на два лагеря. Государство, немислимое безъ единства, находилось въ весьма шаткомъ и сомнительномъ положеніи лицомъ

къ-лицу съ этимъ порядкомъ вещей. Когда господствовалъ самодержавный католицизмъ, когда существовала единая католическая церковь, о единомъ государствѣ не могло быть и рѣчи, потому что въ интересахъ первой всегда лежала разорванность и разрозненность послѣдняго. Но вотъ реформація разрушила единство церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ внесла въ государственную жизнь фактъ возможности существованія гражданскаго союза между людьми хотя бы и различныхъ вѣроисповѣданій. Вотъ почему государство, уже фактически отдѣленное отъ церкви силою реформаціи, должно было устремиться къ своему всецѣлому и нераздѣльному единству. Въ видахъ этого единства Спиноза требуетъ не только раздѣльности государства и церкви, но и подчиненія церкви государству, требуетъ неограниченности государственной власти не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и въ дѣлахъ вѣры. Впрочемъ, онъ считаетъ эту власть неограниченною только по отношенію къ предметамъ внѣшняго богослуженія; внутреннее же богослуженіе или средства, внутренне располагающія душу къ искреннему почитанію Бога, не подлежатъ никакому принужденію и находятся во власти каждаго человѣка.

Необходимымъ условіемъ единаго государства, управляемаго законами разума, является свобода совѣсти, свобода рѣчи и печати, потому что конечная цѣль государства есть разумная свобода и при образованіи государства каждый можетъ только отказаться отъ права *дѣйствовать* по собственной волѣ, но не можетъ отказаться отъ своего природнаго права *мыслить* какъ угодно и высказывать свои мысли, на

сколько лишь это согласно съ интересами государства. Такимъ образомъ, раздѣльность разума и религіи, государства и церкви не требуютъ непременно, чтобы они были враждебны между собою и взаимно исключали другъ друга. Познаніе вещей нисколько не мѣшаетъ благочестивымъ убѣжденіямъ; напротивъ, чѣмъ жизнь разумнѣе, тѣмъ благочестивѣе становится душа. Точно также невозможно, чтобы государство, которое судить лишь дѣла, а не помыслы, насильно вмѣшивалось въ духовную жизнь человѣка и посягало на его внутреннюю свободу; напротивъ, чѣмъ меньше подвержена опасности внутренняя свобода единичнаго человѣка, тѣмъ прочнѣе и безопаснѣе цѣлое.

Что касается политическихъ убѣжденій самого Спипозы, то онъ является республиканцемъ. Изъ всѣхъ формъ правленія ему наиболѣе нравится демократическая республика, которую онъ считаетъ „наилучшей и наиболѣе приспособленной къ человѣческой природѣ правительственной формой, потому что она (по его словамъ) представляетъ наибольше гарантій прочности и неизблемости государства“. Онъ убѣдительно требуетъ всеобщаго кратковременнаго ополченія и доказываетъ всю пагубность системы Людовика XIV, съ легкой руки котораго все болѣе и болѣе стали распространяться вербуемая и наемная войска, служащая только орудіемъ для порабощенія народовъ. Замѣчательна иронія, съ которой онъ говоритъ о протекторатѣ Кромвеля, котораго онъ называетъ „монархомъ, только съ другимъ именемъ“. Все сочувствіе свое онъ отдаетъ Амстердаму, этому цвѣтущему го-

роду, гдѣ люди всѣхъ націй и сектъ живутъ въ добромъ согласіи и при ввѣреніи кому-либо своихъ капиталовъ спрашиваютъ только, богатъ ли онъ или бѣденъ, честенъ или безчестенъ въ своихъ поступкахъ, нимало не заботясь о религіи и сектѣ, къ которой онъ принадлежитъ, потому что передъ судомъ всѣ равны и нѣтъ такой ненавистной секты, приверженцы которой не пользовались бы защитой и покровительствомъ со стороны верховной власти. ¹⁾

Мы выше сказали, что Спиноза подалъ Амстердамскимъ раввинамъ протестъ противъ своего отлученія отъ синагоги. Основныя положенія этого, никогда впрочемъ не появлявшася въ печати и неизвѣстно куда затерявшася протеста, цѣликомъ вошли въ „Трактатъ“ и составили, такъ сказать, скелеть его. Объ этомъ рассказываютъ Бэль и Колеръ; но въ пользу этого мнѣнія говоритъ еще другой, внутренній аргументъ, это—явная горечь въ отзвахъ Спинозы о евреяхъ. Такъ, напримѣръ, уже въ первой главѣ, гдѣ онъ говоритъ о непризнаніи разума, онъ прибавляетъ, что это имѣло мѣсто особенно у евреевъ, „ставившихъ себя выше всѣхъ и привыкшихъ презирать всѣхъ, а слѣдовательно, и общую всѣмъ науку“. Многія мѣста, не смотря на общее содержаніе, заключаютъ, однако, явные намеки на произнесенную противъ него лично анафему, но коль скоро устаконенъ при-

¹⁾ Tract. theol. polit. въ концѣ.

ципъ государственнаго единства и церковнаго безвластія, церковное отлученіе само собою теряетъ уже всякую силу и значеніе.

Богословско-политическій Трактатъ былъ переведенъ на голландскій языкъ немедленно послѣ своего появленія, но Спиноза помѣшалъ изданію этого перевода. „Професоръ NN ¹⁾—пишетъ онъ 17 февраля 1671 года своему другу Ярригу Теллесу—недавно рассказалъ мнѣ, что онъ слышалъ, будто Богословско-политическій Трактатъ переведенъ на голландскій языкъ и скоро будетъ изданъ однимъ лицомъ, которое онъ не считалъ себя вправѣ назвать по имени. Потому прошу васъ узнать объ этомъ подробно и, если можно, помѣшать переводчику исполнить свое намѣреніе. Это не только мое собственное желаніе, но и желаніе всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ, которымъ было бы больно видѣть мою книгу запрещенною,—что неизбѣжно, если только голландскій переводъ выйдетъ въ свѣтъ. Не сомнѣваюсь, что вы окажете мнѣ эту услугу и тѣмъ послужите самому дѣлу“ ²⁾

То, чего такъ опасались друзья Спинозы, сбы-

¹⁾ Переписка Спинозы, къ сожалѣнію, чрезвычайно искажена издателями и страдаетъ весьма частыми пропусками не только собственныхъ именъ, но даже чиселъ и подробностей, имѣющихъ прямое отношеніе къ личности пишущихъ и къ тогдашнему времени.

²⁾ Ер. 47. Только въ 1694 г. былъ изданъ въ Амстердамѣ голландскій переводъ полнаго собранія сочиненій Спинозы, сдѣланный Генрихомъ Глаземакеромъ (Hendriksen Glasemaker), съ обозначеніемъ времени, какъ и мѣста печати. До какой степени сочиненія Спинозы были въ опалѣ, видно изъ того, что содержатель типографіи Ардъ Водсгикъ за ихъ напечатаніе былъ приговоренъ къ многолѣтнему заключенію въ исправительномъ домѣ.

лось въ очень непродолжительномъ времени: *Трактатъ* былъ конфискованъ и запрещенъ не дальше какъ въ этомъ же году. Тѣмъ не менѣе въ 1673 году онъ снова появился въ печати подъ слѣдующими ложными заглавіями:

1) Первое собраніе историческихъ сочиненій Даниеля Гейнсія, изданіе второе, исправленное и дополненное.

2) Полное собраніе хирургическихъ произведеній д-ра медицины Генриха де Виллакорта, лейбмедика Филиппа IV и потомъ придворнаго врача Карла II.

3) Новый взглядъ на всѣ медицинскія науки— Франциска де-ла-Бозэ-Сильвія.

На французскомъ языкѣ сочиненіе это появилось въ Лейденѣ въ 1678 г. подъ заглавіемъ: *La clef du Sanctuaire*; въ Амстердамѣ подъ названіемъ *Traité des cérémonies des Juifs*, а также *Reflexions curieuses d'un esprit desintéressé*.

Какая буря поднялась противъ Спинозы со всѣхъ сторонъ при первомъ же появленіи *Трактата*! Вся мыслящая европейская публика забила тревогу, и ученые, теологи, литераторы и нелитераторы выступили противъ него съ равною яростію и равнымъ ожесточеніемъ. „Безбожіе! Безбожіе!“ раздалось со всѣхъ концовъ Голландіи, Германіи, Франціи, Англіи, и всевозможныя преслѣдованія обрушились на голову несчастнаго автора. Прежде всего зашумѣли послѣдователи Декарта, къ которымъ обыкновенно причисляли и Спинозу. Ученіе Декарта, какъ извѣстно, весьма легко уживалось съ средневѣковымъ *догматизмомъ* и потому оно нашло себѣ столько приверженцевъ даже

тамъ, гдѣ этого можно было наименѣе ожидать, а въ Нидерландахъ и подавно. Здѣсь оно до того вошло въ моду, что расположило въ свою пользу даже высшія власти и сдѣлалось предметомъ открытаго преподаванія въ школахъ. Вотъ почему послѣдователи Декарта старались разорвать всѣ связи со Спинозой, чтобы такимъ образомъ снять съ себя всякую отвѣтственность за его выводы. Очевидно, они стремились только къ самосохраненію; но въ своемъ стремленіи къ самосохраненію они зашли уже черезчуръ далеко, потому что они не удовольствовались полемическою бранью, а стали просто подавать на Спинозу доносы штатгальтеру и другимъ властямъ.

Еще неистовѣе выступили противъ него богословы. Они вели войну со всею свойственною имъ горячностью и нетерпимостью. Не было браннаго слова, возмутительнаго эпитета, котораго бы не употребляли они для того, чтобы очернить его въ общественномъ мнѣніи. Слово проклятія опять раздалось съ высоты кафедръ и голландскіе пасторы то и дѣло гремѣли противъ ненавистнаго Трактата, который утрехтскій профессоръ богословія Мансфельдъ осуждалъ даже на вѣчный мракъ; *tractatum hunc ad aeternas damnandum tenebras!*

Вообще противниковъ Спинозы можно раздѣлить на двѣ категоріи. Къ первой относятся тѣ изъ многочисленныхъ уже при жизни его приверженцевъ, которые, стремясь къ всевозможной препогандѣ его идей, скрывались передъ публикой подъ личиною непримиримѣйшихъ его враговъ. Этотъ приѣмъ, служившій лишь уловкой для распространенія книги, впоследствии

повторялся довольно часто, и хотя многие изъ поклонниковъ Спинозы повидимому были вынуждены къ подобной осторожности личными отношеніями и общественнымъ положеніемъ, но все-таки нельзя не пожалѣть, что комедія эта продолжалась такъ долго и лишь еще больше запутывала борьбу за новыя идеи. Изъ писателей этой категоріи, возражавшихъ Спинозѣ еще при жизни его, мы можемъ назвать только роттердамскаго ткача Югана Бреденбурга, поклонника Декарта и друга Спинозы, издаваемаго въ 1675 г. „*Enerwatio tract. theol. polit. etc.*“. Статья эта возбудила въ голландской литературѣ весьма жаркую полемику, результатомъ которой было то, что Бреденбурга обличали, наконецъ, въ спинозизмъ. Въ этой полемикѣ принялъ участіе и Исаакъ Оробіо (Разсвѣтъ 1861 № 37), написавшій противъ Бреденбурга свое „*Certamen philosophicum*“. Что касается до писателей этой категоріи, возражавшихъ Спинозѣ послѣ его смерти, то ихъ можно насчитать цѣлый легіонъ. Достоинно примѣчанія, что даже благочестивый Колеръ, не смотря на ожесточенныя нападки противъ амстердамскаго философа,¹⁾ въ сущности является если не поклонникомъ, то, по крайней мѣрѣ, панегиристомъ его; онъ самъ, кажется, не замѣтилъ, что вмѣсто хулы онъ написалъ

¹⁾ Какъ образчикъ приведемъ здѣсь хоть порицаніе, высказываемое Колеромъ по поводу употребленія эпитета „блаженный“ въ счетахъ, представленныхъ циркулярникомъ, гробовщикомъ и портнымъ, послѣ смерти Спинозы, умершаго „отчаяннымъ и нераскаяннымъ грѣшникомъ“.

въ пользу этого „célèbre athée“ самую лучшую аполוגію. ¹⁾

Къ другой категоріи относится цѣлая фаланга ратоборцевъ, которые вполнѣ были увѣрены, что „Трактатъ“ есть порожденіе ада и проповѣдуетъ атеизмъ. Сюда принадлежитъ гагскій пасторъ и приверженецъ Декарта Яковъ Бателерій, роттердамскій богословъ Куйперъ, упомянутый уже выше профессоръ Мансфельдъ, далѣе, любившій побогословствовать подчасъ купецъ ван-Блиенбергъ изъ Дортрехта и безчисленное множество другихъ. Изъ нѣмцевъ назовемъ Петра Музея, Теофила Спицеля и Югана Мая. Всѣ они писали противъ Спинозы на разные лады, кричали, бѣсновались и выбивались изъ силъ, чтобы втоптать въ грязь автора „Трактата“. Но послѣдній спокойно и съ безмолвнымъ достоинствомъ выслушивалъ всѣ эти крики мрачнаго суевѣрія, безсильной злобы и жалкой посредственности, потому что сознавалъ въ глубинѣ души, что имъ совершенно святое, великое дѣло—освобожденіе человѣческой мысли отъ слѣпыхъ авторитетовъ.

¹⁾ Есть даже мнѣніе, что этотъ Колеръ не кто иной, какъ ученикъ и другъ Спинозы Лука. „La vie—говоритъ Biographie Universelle — par Lucas, medecin, Hollandais, qui est caché sous le nom de Colerus, a été publiée en hollandais, la Haye 1706, traduite en francais ibid. 1706 etc.“ (Biogr. Univers. d'après Michaud, publiée par Varoh, Bruxelles 1847, article Spinoza). Не знаемъ, откуда почерпнуто это мнѣніе, но если оно справедливо, то придется, конечно, и Колера причислить къ первой категоріи противниковъ Спинозы.

У.

Хотя буря, поднятая въ Европѣ Богословско-политическимъ Трактатомъ, мало смущала Спинозу, но, съ другой стороны, она все-таки отбила у него охоту издать еще что-либо при жизни.

Такимъ образомъ мы теперь уже будемъ имѣть дѣло собственно съ его такъ-называемыми посмертными сочиненіями (*Opera posthuma*), и если мы рѣшаемся говорить о нихъ теперь, то это потому, что между всѣми его произведеніями существуетъ тѣсная, неразрывная связь.

Мы сказали, что Богословско-политическій Трактатъ есть актъ освобожденія человѣческой мысли отъ авторитетовъ. Но Спиноза не остановился на этомъ подвигѣ. Для достиженія подобной свободы человѣку необходимо знать вѣчные, необходимые законы разума, ибо только исполненіе этихъ законовъ и составляетъ настоящую свободу. Чтобы удовлетворить этой потребности, Спиноза, если не ошибаемся, еще въ 1663 году, приступилъ къ разработкѣ новаго разсужденія: *De intellectus emendatione* (объ усовершенствованіи разума). Здѣсь онъ показываетъ путь и методъ, по которымъ духъ, освобожденный отъ ига всяческихъ авторитетовъ и предоставленный самому себѣ, можетъ дойти до спекулятивнаго сознанія. Стремленіе Спинозы къ освобожденію человѣческаго духа тѣсно совпадаетъ съ его собственнымъ развитіемъ. Это лучше всего видно изъ предисловія къ только-что названному разсужденію.

„Послѣ того — такъ начинается онъ свою статью „Объ усовершенствованіи разума“ — какъ опытъ по-

казалъ мнѣ, что все, что ни дѣлается въ обычной жизни, тщетно и бесполезно, что все, чего я желалъ или боялся, хорошо или дурно лишь на столько, насколько это волнуетъ душу,—я рѣшился, наконецъ, узнать, нѣтъ ли чего-нибудь такого, что въ самомъ дѣлѣ составляло бы добро, давалось бы само собою, одно бы сотрясало душу и по достиженіи чего я могъ бы вкушать вѣчную и постоянную радость. Говорю: *рѣшился наконецъ*, потому что на первый взглядъ казалось неблагоприятнымъ бросить положительное и вѣрное ради неопредѣленнаго и невѣрнаго. Я именно видѣлъ, какія преимущества доставляютъ почести и богатства, видѣлъ, что я долженъ оставить всякое преслѣдованіе ихъ, если только сердечно хочу заяться чѣмъ-нибудь другимъ, — что если, съ одной стороны, я долженъ былъ отказаться отъ нихъ даже въ томъ случаѣ, когда-бы въ нихъ заключалось истинное человѣческое счастье, то, съ другой стороны, я опять-таки былъ далекъ отъ истиннаго счастья, когда стремился исключительно къ нимъ, въ то время какъ я зналъ очень хорошо, что не въ нихъ счастье. Я подумалъ поэтому: нельзя ли создать себѣ новое состояніе, не нарушивъ однако прежняго порядка и прежняго образа жизни, чего я домогался уже неоднократно, но всегда безъ успѣха“..... „Видя, говоритъ онъ далѣе, что богатства, почести и чувственные наслажденія служатъ мнѣ только помѣхой при моихъ стремленіяхъ и стараніяхъ найти себѣ новый образъ жизни, что они до того противоположны послѣднему, что необходимо отречься отъ нихъ или отъ него,—я былъ вынужденъ разслѣдовать, что для меня

полезнѣе, потому что, какъ я уже говорилъ, мнѣ все еще казалось, что я рискую благомъ положительнымъ для какого-то невѣрнаго блага. Но позавявшись этимъ предметомъ нѣсколько подольше, я пришелъ къ слѣдующему результату: отказавшись отъ вышеупомянутыхъ благъ и избравъ новый образъ жизни, я промѣнялъ бы только благо невѣрное по своему свойству, на благо, правда, невѣрное въ разсужденіи своей удободостижимости, но за то прочное по своему свойству, такъ какъ я именно и добивался прочнаго, постояннаго и дѣйствительнаго блага. Дальнѣйшія размышленія повели меня еще дальше: они убѣдили меня въ томъ, что въ подобномъ случаѣ я собственно промѣнялъ бы положительное зло на положительное благо“. Дѣйствительно, продолжаетъ Спиноза, есть много примѣровъ, что богачи до самой смерти своей были преслѣдуемы за свои богатства, что неустрашимые искатели сокровищъ платили жизнью за свою глупость. Не менѣе было такихъ, которые для достиженія или удержанія почестей претерпѣвали всѣ возможныя бѣдствія. Безконечно, наконецъ, число тѣхъ, которые ускорили смерть свою непомѣрнымъ сладострастіемъ. Всѣ эти злополучія показались мнѣ [проистекающими изъ свойствъ предметовъ, къ которымъ тѣ привязывались съ любовью, потому, что по моему, счастье или несчастье заключается только въ природѣ предмета, на который мы переносимъ нашу любовь. Въдъ никто и не вздумаетъ состязаться о предметѣ, котораго не любить,—не почувствуетъ ни жалости, когда онъ погибнетъ, ни зависти, когда увидитъ его во власти другого, ни страха, ни ненависти, словомъ, никакихъ

душевныхъ волненій. Между тѣмъ, все это бываетъ при любви къ скоропреходящимъ и непрочнымъ предметамъ. *Только любовь къ вѣчному и безконечному наполняетъ душу одною радостью и чужда всякой печали, всякаго сожалѣнія.* Вотъ къ чему должны стремиться мы, вотъ чего мы должны добиваться всѣми силами. Признаюсь, хоть я и не понималъ все это ясно, но я долгое время не могъ еще совсѣмъ отрѣшиться отъ всякаго корыстолюбія, честолюбія и чувственныхъ наслажденій“.

„Изъ этихъ размышленій я вынесъ цо крайней мѣрѣ одно, что пока мой умъ былъ занятъ подобными мыслями, онъ естественно отклонялся отъ вышеименованныхъ мнимыхъ благъ, и я сталъ серьезно подумывать о новомъ образѣ жизни, чему я обрадовался немало. Я убѣдился, что зло, о которомъ я говорилъ выше, вовсе не таково, чтобы ужъ рѣшительно нельзя было найти противъ него противоядія. И хотя сначала подобныя промежутки умственного прозрѣнія были рѣдки и кратковременны, но они сдѣлались чаще и продолжительнѣе по мѣрѣ того, какъ для меня становилось яснѣе, въ чемъ состоитъ истинное благо“.

Въ чемъ же полагаетъ Спиноза это истинное благо? Все, говоритъ онъ, совершается въ извѣстномъ, неизмѣнномъ порядкѣ и по извѣстнымъ естественнымъ законамъ. Слабый человѣческій умъ не въ состояніи постигнуть этого порядка. Но такъ какъ человѣкъ все-таки понимаетъ, что возможна болѣе могучая и болѣе совершенная человѣческая природа, то въ немъ естественно пробуждается желаніе искать средства для достиженія подобнаго совер-

шенства. Все, что ведетъ къ такому совершенству, я называю *истиннымъ благомъ*; *высочайшимъ же благомъ* я называю ту степень совершенства, при которой человѣкъ желаетъ, чтобы и всѣ прочіе, если можно, были причастны такому же совершенству, обладали такою же лучшей, облагороженной природой. Въ чемъ состоитъ эта лучшая человѣческая природа, я покажу въ своемъ мѣстѣ; здѣсь замѣчу только, что она есть идея *единства духа съ природой*. И такъ, цѣль, къ которой стремлюсь—сдѣлаться причастнымъ такому совершенству и стараться, чтобы и другіе стремились къ тому же, т. е. *для моего счастья нужно, чтобы другіе сознавали то, что я сознаю, и чтобы ихъ понятія и желанія были согласны съ моими понятіями и желаніями*“.

Для достиженія подобнаго совершенства, полагаетъ Спиноза, мы, во первыхъ, должны хорошо знать нашу собственную и въ извѣстной степени и окружающую насъ природу, во вторыхъ, помощію этого знанія вывести различіе, сходство и противорѣчія между вещами, въ третьихъ, уяснить себѣ, насколько онѣ способны дѣйствовать и насколько страдать, наконецъ, въ четвертыхъ, узнать, въ какомъ отношеніи находится все это къ человѣку. Но прежде всего нужно придумать средство къ лѣченію и просвѣтленію ума, дабы онъ могъ удачно и безошибочно понимать вещи. Съ этой цѣлью Спиноза исчисляетъ всѣ виды познанія (*perceptio*), съ помощію которыхъ мы утверждаемъ или отрицаемъ что-либо; зная ихъ, не трудно избрать тотъ, который наиболѣе пригоденъ для пони-

манія нашей природы, къ усовершенствованію которой мы должны стремиться.

Всѣ формы нашего познаванія, по его мнѣнію, могутъ быть сведены къ четыремъ главнымъ видамъ:

1) Есть познаваніе, приобретаемое по наслышкѣ или помощію извѣстныхъ знаковъ.

2) Есть познаваніе, приобретаемое путемъ смутнаго опыта, т. е. опыта не провѣреннаго и не сознанныаго разумомъ, и называемое такъ потому, что оно намъ случайно такъ представляется и мы не сдѣлали другаго наблюденія, которое бы ему противорѣчило, отчего оно остается во всей своей силѣ.

3) Есть познаваніе, при которомъ мы узнаемъ существо вещи изъ другой вещи, но при этомъ наши понятія неполны и неясны.¹⁾

4) Наконецъ, есть познаваніе, при которомъ вещь познается только изъ ея сущности или знанія ея ближайшей причины.

Такимъ образомъ, самую низшую степень познаванія представляютъ слѣпыя вѣрованія, смутныя впечатлѣнія и неясные образы, которыми довольствуется толпа. Я знаю по наслышкѣ день моего рожденія или что предки мои были такіе-то и такіе-то. Я знаю по смутному опыту, что я умру, потому что я видѣлъ, какъ умирали многіе мнѣ подобные, хотя они не жили въ одно и то же время и не погибли отъ однихъ и тѣхъ же болѣзней. Точно также я

¹⁾ Въ *Этикѣ* (pars II, propos. XI, schol. 2 p. 114 ed. Pauli) третій родъ познаванія Спиноза называетъ: „*scientiam intuitivam*“.

знаю, что масло обладает способностью поддерживать пламя, а вода — тушить его. Эти два первые вида познания полезны въ общежитіи, но они схватываютъ только случайности, скользятъ только по поверхности вещей, но не обнимаютъ ихъ сущности и содержанія. Порожденія случая, а не внутренней дѣятельности мысли, они движутъ и занимаютъ душу, но не просвѣтляютъ ее. Они составляютъ источникъ пагубныхъ страстей, которыя постоянно бросаютъ тѣнь на ясныя понятія ума, отрываютъ душу отъ нея самой, отвлекаютъ ее къ внѣшнимъ предметамъ и смущаютъ ее свѣтлыя созерцанія.

Познание третьяго вида есть первое усиліе, первый шагъ къ освобожденію отъ мрака чувственнаго міра. Оно состоитъ въ томъ, чтобы соединять дѣйствіе съ причиной, явленіе съ закономъ, понятіе съ принципомъ. Такъ поступаютъ геометры, которые приводятъ разнообразныя свойства чиселъ и фигуръ въ правильную систему простыхъ теоремъ и неопровержимыхъ аксіомъ. Такъ поступаетъ вообще умъ философствующій, который при помощи анализа и синтеза нисходитъ отъ общаго къ частному и восходитъ отъ частнаго къ общему, чтобы постоянно умножать, освѣщать и связывать свои выводы. Чего недостаетъ этому виду познания? Ему недостаетъ одной вещи, но самой главной: онъ объясняетъ фактъ закономъ, но не объясняетъ самаго закона; онъ устанавливаетъ слѣдствія на принципахъ, но не устанавливаетъ самыхъ принциповъ, принимая ихъ безусловно; онъ связываетъ мысли въ совершенно правильную цѣпь, но не находитъ для нея перваго звена. II такъ, есть

еще одна степень познания, которая еще выше умозаключенія и которая одна может служить опорой всѣмъ прочимъ видамъ, это — разумное созерцаніе, предметъ котораго—бытіе само-по-себѣ.

Описавъ различные виды познания, Спиноза приступаетъ къ изслѣдованію научнаго значенія каждаго изъ нихъ. Познание первыхъ двухъ видовъ не можетъ доставить точныхъ и раздѣльныхъ понятій; оно не имѣетъ никакой цѣны для науки и потому совершенно изъ нея изгоняется. Къ познанию третьяго вида Спиноза уже менѣе строгъ, потому что оно есть ступень, которая ведетъ къ непосредственному созерцанію. Тѣмъ не менѣе не этотъ видъ должно избрать философу: правда, посредствомъ него мы можемъ составлять себѣ идеи о предметахъ, можемъ въ извѣстной степени дѣлать заключенія и выводы, не опасаясь впасть въ ошибки, но самъ по себѣ этотъ способъ познания не есть еще средство, помощію котораго мы могли бы достигнуть совершенства. Онъ, пожалуй, даетъ достовѣрность, но достовѣрности мало для философа, ему нуженъ свѣтъ. Этотъ свѣтъ философъ можетъ найти только въ разумномъ созерцаніи, гдѣ все ясно и понятно, гдѣ не имѣютъ мѣста ни слѣпцыя вѣрованія, ни чувственныя представленія, ни смутныя идеи. Только этотъ видъ познания безошибоченъ и во всей полнотѣ обнимаетъ сущность вещей, а потому его слѣдуетъ избрать преимущественно передъ другими. И такъ, наивысшій законъ мысли основывать знаніе только на ясныхъ и точныхъ понятіяхъ и пользоваться лишь непосредственнымъ созерцаніемъ, а въ извѣстныхъ

случаяхъ и основанными на немъ умозаключеніями.

Теперь, когда мы знаемъ уже, какой способъ познаванія намъ нужнѣе всего, спрашивается, какъ употребить въ дѣло этотъ способъ, т. е. какой самый лучшій методъ для познаванія вещей этимъ ~~способомъ~~? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно прежде всего объяснить, что такое методъ. По мнѣнію Спинозы, методъ не есть выведеніе заключеній для уразумѣнія причинъ вещей и еще менѣе самое уразумѣніе этихъ причинъ. Методъ есть тотъ процессъ нашей мысли, когда она старается понять *истинную* идею данной вещи, старается отличить ее отъ другихъ идей и изслѣдовать ея природу, дабы такимъ образомъ изучить нашу познавательную дѣятельность и направить умъ на пониманіе вещей по этой нормѣ. При этомъ она какъ бы даетъ уму въ помощь извѣстныя правила и заботится о томъ, чтобы онъ не утомлялъ себя ничѣмъ пустымъ и бесполезнымъ. Слѣдовательно, методъ есть рефлексивное познаваніе или идея самой идеи, разумѣніе самаго разумѣнія, понятіе о самомъ понятіи. Но чѣмъ болѣе умъ нашъ знаетъ, тѣмъ болѣе онъ самопознаетъ себя, тѣмъ лучше онъ понимаетъ какъ свои собственныя силы, такъ и порядокъ окружающей насъ природы. Чѣмъ болѣе умъ понимаетъ свои собственныя силы, тѣмъ легче ему руководить себя и предписывать себѣ правила, а чѣмъ лучше онъ понимаетъ порядокъ природы, тѣмъ легче ему избѣгать всего бесполезнаго, что, какъ сказано, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій хорошаго метода. Спиноза заключаетъ поэтому, что методъ будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше умъ

знаеть вѣшнюю природу, а самый совершенный методъ есть тотъ, который направляетъ умъ къ познаванію всесовершеннаго существа и учитъ владѣть умомъ по нормѣ идеи этого существа.¹⁾

Къ сожалѣнію, это изображеніе генетическаго развитія человѣческаго ума не доведено до конца. Впрочемъ, задача, о которой мы говорили выше и которая состоитъ въ томъ, чтобы привести свободный человѣческій умъ къ познанію своихъ собственныхъ законовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ познанію своей свободы, окончательно рѣшена въ главномъ произведеніи Спинозы—въ его *Этикѣ*.²⁾ Я сказалъ въ *главномъ*; потому что тутъ высказалось все его міросозерцаніе, высказалась *идея абсолютнаго единства*, имѣвшая столь важныя послѣдствія для науки и для жизни и приведшая къ концу борьбу между государствомъ и церковью, между конечностью и вѣчностью. Вотъ почему считаю нужнымъ остановиться на этомъ произведеніи Спинозы нѣсколько долѣе, чѣмъ на предыдущихъ.

✕ На послѣднемъ свиданіи Баруха съ Ольденбургомъ, имѣвшемъ мѣсто, какъ мы видѣли выше, въ Рицбургѣ, у нихъ, между прочимъ, зашла рѣчь о безконечности протяженія и мышленія, о различіи и сходствѣ ихъ атрибутовъ, о способѣ соединенія души съ тѣломъ, наконецъ, объ основаніяхъ Бэконовой и Декартовой философіи. Такъ какъ вопросы эти могли

¹⁾ De intellectus emendatione (соч. Спинозы, изданіе Paulus'a, ч. II, 426).

²⁾ Ethica more geometrico demonstrata.

тогда быть затронуты лишь слегка, то Ольденбургъ по прибытіи въ Лондонъ, въ первомъ же письмѣ отъ 26 августа 1661 года убѣдительно просить Баруха изложить подробности свое мнѣніе объ этихъ предметахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указать на погрѣшности Бэкона и Декарта ¹⁾. Въ отвѣтѣ, послѣдовавшемъ на это письмо, Спиноза, только изъ желанія угодить своему другу, рѣшается непринужденно высказать свой взглядъ на ихъ ученія, потому что, какъ онъ признается, не въ его характерѣ обнаруживать недостатки другихъ. Въ этомъ же отвѣтѣ мы находимъ уже первыя положенія его философіи; для большей вразумительности онъ приложилъ къ нему особый листокъ, гдѣ геометрически объяснилъ положенія эти, составившія потомъ вступленіе въ *Этику*. Съ этого времени Ольденбургъ сталъ такъ часто и такъ неотступно убѣждать Спинозу продолжать свои изслѣдованія, что послѣдній наконецъ въ 1663 году занялся ими серьезно и результаты ихъ изложилъ въ своей *Этикѣ*, оконченной имъ въ 1666 году и съ тѣхъ поръ въ рукописи ходившей по рукамъ до самой кончины автора. *Этика* распадается на слѣдующія части:

- 1) De Deo. Ученіе о субстанціи или Богѣ (метафизика).
- 2) De natura et origine mentis. О природѣ и происхожденіи ума (физика).
3. De origine et natura affectuum. О происхожденіи и природѣ страстей (психологія).

¹⁾ См. Epistolae—письмо 1.

4) De servitute humana seu de affectuum viribus.
О рабствѣ человѣка или о могуществѣ страстей.

5) De potentia intellectus seu de libertate humana.
О силѣ разума или человѣческой свободѣ (Этика).

Мы не станемъ излагать каждую изъ этихъ частей отдѣльно, потому что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы постараемся поэтому, въ слѣдующей главѣ, представить содержаніе Этики только въ общихъ чертахъ и въ возможно-сжатомъ видѣ.

VI.

Для того, чтобы читатель могъ себѣ составить понятіе объ ученіи и самомъ способѣ изложенія Спинозы, считаю нелишнимъ предварительно привести здѣсь 8 *опредѣленій*, данныхъ Спинозой въ началѣ его „*Этики*“, а затѣмъ его 7 *аксіомъ*.

Опредѣленія. I. Я отношу къ тому, что есть причина самого себя, все то, что, по самой своей сущности, должно существовать или что, по природѣ своей, мыслимо только какъ нѣчто существующее. (Очевидно, Спиноза отождествляетъ здѣсь причину и существованіе, дабы устранить всякія могущія возникнуть сомнѣнія и вопросы о причинѣ первой причины.

II. Конечное есть то, что можетъ быть ограничено (*terminari potest*) чѣмъ-либо однороднымъ; тѣло называется конечнымъ, потому что его всегда можно представить себѣ больше, чѣмъ оно есть. Точно также мысль ограничена другими мыслями. Но тѣло не ограничиваетъ собою мысли, и мысль не ограничиваетъ тѣла.

III. Подъ *субстанціею* я разумѣю то, что существуетъ въ самомъ себѣ и что мыслится per se, другими словами — мыслится независимо отъ идей о чемъ-либо другомъ, предшествующемъ ему.

IV. *Аттрибутомъ* я называю то, что представляется сознанию какъ самая сущность субстанціи.

V. Подъ *модусами* я разумѣю проявленія (affectiones) субстанціи, или то, что заключается въ чемъ-либо иномъ, чрезъ посредство чего оно также мыслится.

VI. Богомъ я называю существо абсолютно-безконечное, т. е. Субстанцію, состоящую изъ безконечныхъ аттрибутовъ, изъ которыхъ каждый выражаетъ безконечную и вѣчную сущность.

Объясненіе. Я говорю абсолютно-безконечное, но не безконечное suo genere, ибо то, что безконечно только suo genere, можетъ и не имѣть безконечныхъ аттрибутовъ, но абсолютно-безконечное заключаетъ въ своей сущности все, что только предполагается сущностью, и не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ.

VII. Свободнымъ называется то, что существуетъ только въ силу своей природы и что только ею побуждается къ дѣйствию, необходимо же или, лучше сказать, стѣснено же то, что обязано своимъ существованіемъ чему-либо другому и что дѣйствуетъ по извѣстнымъ и опредѣленнымъ причинамъ.

VIII. Вѣчностью я называю самобытіе, насколько оно мыслится какъ необходимое слѣдствіе, вытекающее изъ простаго опредѣленія чего-либо вѣчнаго.

Аксиомы. I. Все, что есть, есть въ самомъ себѣ или въ чемъ-либо другомъ.

II. Что не можетъ бытьъ понятно чрезъ посредство чего либо другаго (per aliud), должно бытьъ понятно чрезъ посредство самого себя (per se).

III. За всякой причиной необходимо слѣдуетъ дѣйствіе, а если не дано причины, не можетъ послѣдовать и дѣйствія.

IV. Понятіе о дѣйствіи зависитъ отъ понятія о причинѣ и предполагаетъ его (?).

Примѣчаніе. (По Льюису эта аксіома выражена настолько двусмысленно, что она считалась нелѣпой и источникомъ коренной ошибки Спинозы. Но, прибавляетъ онъ, современные понятія о причинѣ и дѣйствіи не соотвѣтствуютъ понятіямъ Спинозы, который этой аксіомой хочетъ сказать, что для полного и совершеннаго пониманія дѣйствія требуется полное и совершенное пониманіе причины, во всемъ ея объемѣ,—а вовсе не то, чтобы не было такихъ сознаваемыхъ нами дѣйствій, причины которыхъ намъ были бы неизвѣстны, напр. ударъ въ темнотѣ отъ невѣдомой причины).

V. Предметы, не имѣющіе между собою ничего общаго, не могутъ бытьъ поняты чрезъ посредство другъ друга, т. е. представленіе объ одномъ предметѣ не предполагаетъ представленія о другомъ.

VI. Истинная идея должна согласоваться съ своимъ объектомъ (*idea vera debet cum suo ideato convenire*).

VII. То, что можетъ бытьъ ясно сознано какъ не-

существующее, не предполагаетъ по своей сущности существованія ¹⁾).

Мы, конечно, не можемъ слѣдить здѣсь за всѣми предложеніями и доказательствами Спинозы, построенными по правиламъ геометріи (*more geometrico*) и вытекающими строго логически изъ его опредѣленій и аксіомъ, а должны ограничиться сжатымъ изложеніемъ его міросозерцанія.

Долгое время Спиноза слылъ за отъявленнаго декартиста; но *Богословско - политическій Трактатъ* и еще болѣе *Этика* показали, что мнѣніе это ни на чемъ не основано. Философія Декарта не произвела, а только вызвала философію Спинозы.

Декартъ представлялъ себѣ міръ явленій и міръ идей—матерію и духъ—какъ протяженіе и мышленіе; то и другое, по его мнѣнію, двѣ различныя субстанціи, которыя получаютъ единство и прочность только черезъ посредство и постоянное содѣйствіе третьяго (Бога), Спиноза доказалъ, что эти двѣ субстанціи только ошибочно называются такъ, потому что каждая изъ нихъ для своего существованія нуждается во внѣшнемъ постороннемъ содѣйствіи, между тѣмъ субстанція, какъ признается самъ же Декартъ, *есть только то, что можетъ существовать само собою и не требуетъ для этого ничьего содѣйствія*. И такъ, по Спинозѣ, есть только одна субстанція. Эта единая субстанція—безкопечна, абсолютна, нераздѣльна. Она

¹⁾ По переводу Льюиса и сдѣланному съ него русскому (Спб. 1885, изд. Вольфсона, стр. 108—110).

есть вѣчная причина и вѣчное слѣдствіе самой себя. Какъ *причина* самой себя, она *свободна*, потому что она не подвержена никакимъ внѣшнимъ вліяніямъ и дѣйствуетъ только по законамъ своей собственной природы. Какъ *слѣдствіе* самой себя, она *необходима*, потому что ея дѣйствія все-таки устанавливаются для нея собственной ея природой и она не можетъ дѣйствовать иначе, какъ по необходимымъ законамъ этой своей природы. Но какъ субстанція есть въ одно и то же время и своя собственная причина и свое собственное слѣдствіе, то ея свобода и ея необходимость также ничѣмъ не различаются между собой и только намъ онѣ представляются отличными одна отъ другой. Какъ слѣдствіе самой себя, субстанція необходима, но эта необходимость есть вмѣстѣ съ тѣмъ и свобода, потому что она вытекаетъ только изъ ея природы. Какъ ни странно на первый взглядъ это тождество свободы и необходимости, но оно совершенно въ духѣ Спинозы. Въ треугольникѣ, на примѣръ, всѣ углы равняются двумъ прямымъ. Это прямо вытекаетъ изъ сущности треугольника и есть поэтому его вѣчная необходимость, но онъ свободенъ, потому что никакая внѣшняя сила не можетъ заставить его обнаруживать подобное свойство. Эта свобода однако отнюдь не есть произволь, потому что треугольникъ не можетъ измѣнить свою природу. Треугольникъ, правда, *самъ*, своей собственной природой, обнаруживаетъ всѣ свои свойства и въ этомъ его свобода; но онъ не можетъ не обнаруживать ихъ, онъ долженъ ихъ обнаруживать, иначе онъ перестанетъ быть самимъ собой. Ясно, что свободная необхо-

димось тутъ равнозначительны. Тоже въ субстанціи, необходимость въ ней свободна, а свобода необходима.

Безконечная субстанція *неопредѣленна* въ томъ смыслѣ, что всякое опредѣленіе есть граница, а всякая граница—отрицаніе; но она въ высшей степени *опредѣленна* въ томъ смыслѣ, что она реальна и совершенна и обладаетъ атрибутами, до того слившимися съ ней, что они не могутъ быть отдѣлены отъ нея и въ дѣйствительности даже ничѣмъ отъ нея не отличаются, ибо уничтожьте атрибуты и вы уничтожите въ то же время и самую субстанцію. Атрибутомъ Спиноза называетъ все, что составляетъ сущность субстанціи. Атрибуты—это силы, управляющія всѣми явленіями и испоконъ вѣка дѣйствующія вездѣ и повсюду. Явленія проходятъ, но силы, дѣйствующія въ нихъ, вѣчны и неизмѣнны. Эти вѣчныя, первобытныя силы или безконечныя атрибуты ничуть не противорѣчатъ понятію субстанціи, а, напротивъ, объясняютъ безконечную полноту ея дѣятельности, изъ которой вѣчно и неустанно вытекаютъ безчисленныя явленія. Безъ атрибутовъ она была бы чѣмъ-то въ родѣ *tabula rasa*, какое-то неможное, косное существо, мѣлъ, лишенный всякаго внутренняго содержанія; только они даютъ ей жизнь и содержаніе, только они, такъ сказать, *приводятъ ее въ дѣйствіе*.

Субстанція проявляетъ себя какъ въ видѣ безконечнаго мышленія, такъ въ видѣ безконечнаго протяженія. Стало быть мышленіе и протяженіе—не субстанція, какъ увѣряетъ Декартъ, а безконечныя атрибуты безконечной субстанціи. И вотъ важный шагъ, сдѣланный Спинозой. Онъ уже шире пони-

маеть и шире старается разрѣшить дуализмъ протяженія и мышленія; это уже не два антагониста, а постоянно сопровождающія одна другую и совокупно дѣйствующія силы одной и той же субстанции: мышленіе никогда не дѣйствуетъ безъ протяженія, протяженіе никогда не дѣйствуетъ безъ мышленія, гдѣ протяженіе, тамъ и мышленіе, гдѣ матерія, тамъ и духъ и наоборотъ. Мы знаемъ лишь *эти* два атрибута безконечной субстанции, но она имѣетъ еще безчисленное множество и другихъ атрибутовъ, которые недоступны человѣческому разуму, потому что *два* атрибута, хотя безконечные, одни не могутъ исчерпать все содержаніе субстанции. „Я не утверждалъ, говоритъ Спиноза, что я совершенно познаю Бога, мнѣ понятны только нѣкоторые изъ его атрибутовъ, но не всѣ и даже не большая часть изъ нихъ; тѣмъ не менѣе познаніе многихъ атрибутовъ ничуть не мѣшаетъ познавать *нѣкоторые* изъ нихъ. Изучая элементы Эвклида, я узналъ, что три угла въ треугольникѣ равняются двумъ прямымъ, это свойство я признавалъ вполнѣ ясно, хотя не понималъ многихъ другихъ“ ¹⁾.

Итакъ, Богъ Спинозы есть абсолютная субстанція, состоящая изъ безчисленнаго множества безконечныхъ атрибутовъ, изъ которыхъ каждый выражаетъ по своему вѣчное и безконечное бытіе. Что касается до конечныхъ предметовъ, то они суть только опредѣленные образы, только видоизмѣненія, modi безконечныхъ атрибутовъ, лишь на время всплывающіе на

¹⁾ Epist. 60.

поверхность жизни, имѣющіе только лишь случай-
ное, преходящее, относительное существованіе и
въ то же время, лишенные всякаго произвола и
всякаго самоопредѣленія. Не отъ нихъ зависитъ—
быть имъ или не быть, а если они уже есть,
то не въ ихъ власти дѣйствовать такъ или иначе,
ибо они могутъ дѣйствовать только такъ, какъ имъ
указываютъ внѣшнія условія. Такимъ образомъ, всѣ
конечные предметы не имѣютъ самостоятельнаго бытія,
но они пристекаютъ изъ вѣчной абсолютной субстан-
ціи, существуютъ не иначе, какъ посредствомъ нея
и въ ней; безъ нея ничто не можетъ существовать,
ничто невымыслимо. Она есть причина самой себя и
всѣхъ отдѣльныхъ предметовъ, но она есть не внѣш-
няя, а внутренняя, *имманентная* причина всего су-
щаго. Субстанція въ своихъ атрибутахъ, по удач-
ному выраженію Спинозы, есть *natura naturans*, суб-
станція въ своихъ *modi* или міръ явленій — *natura*
naturata; съ одной стороны вѣчно дѣятельная, вѣчно
живая, вѣчно зиждущія силы, съ другой стороны—
вѣчное проявленіе, вѣчное воплощеніе этихъ силъ.
Тѣмъ не менѣе субстанція и міръ, *natura naturans*
и *natura naturata*—одно цѣлое, иначе нужно было бы
допустить, что между ними существуетъ или про-
пасть или переходъ; въ первомъ случаѣ нарушилось
бы *единство*, во второмъ—*имманентность* субстанціи.

По тому самому, что субстанція есть *вѣчная*
причина не только самой себя, но и всѣхъ отдѣль-
ныхъ предметовъ, общая связь всѣхъ явленій или
вселенная также вѣчна и необходима. Только от-
дѣльные явленія случайны и преходящи, связь же

всѣхъ явленій вѣчна и необходима, потому что она опредѣляется внутренней необходимостью, вытекающей изъ природы вѣчной субстанціи, которая въ бытіи своемъ слѣдуетъ той же необходимости и свободна лишь въ томъ отношеніи, что дѣйствія ея предписываются ничѣмъ инымъ, какъ только ея собственной природой. Такимъ образомъ, по понятіямъ Спинозы, міръ не созданъ, а постоянно зиждется и есть не произвольный, а необходимый актъ, не разомъ и не вдругъ совершившійся, а совершающійся постоянно, не твореніе, а вѣчное бытіе. Вотъ его собственныя слова: „я, кажется, достаточно доказалъ, что изъ абсолютной силы Божества или безконечной природы все истекло или лучше постоянно истекаетъ съ такою же необходимостью, какъ изъ природы треугольника изъ вѣка въ вѣкъ будетъ слѣдовать, что его углы равны двумъ прямымъ“¹⁾.

Какое мѣсто занимаетъ въ мірѣ человѣкъ и что такое человѣческій духъ по этому ученію?

Мышленіе, какъ атрибутъ безконечной субстанціи, проявляется въ безконечномъ рядѣ образовъ мышленія или *идей*. Этотъ безконечный рядъ идей, вѣчно истекающихъ изъ безконечнаго мышленія, выражаетъ сущность Божества. Точно также безконечное протяженіе проявляется въ безконечномъ рядѣ тѣлъ или образовъ протяженія, которые также выражаютъ сущность Божества, только, разумѣется, выражаютъ совершенно инымъ способомъ, нежели образы мышленія. Далѣе, порядокъ и связь между идеями вполне соот-

¹⁾ Eth. I, prop. 16, scholion.

вѣтствуетъ порядку и связи между тѣлами ¹⁾). Но такъ какъ идея и тѣло суть оба выраженія одной и той же субстанціи, то отсюда слѣдуетъ, что каждому тѣлу или образу безконечнаго протяженія необходимо должна соответствовать особенная идея или образъ безконечнаго мышленія, и подобно тому какъ протяженіе и мышленіе не суть двѣ субстанціи, а безконечные атрибуты, составляющіе одну и ту же субстанцію, точно также извѣстный образъ протяженія и идея этого образа протяженія въ сущности составляютъ одинъ и тотъ же предметъ, только выраженный двумя различными способами.

Теперь не трудно опредѣлить себѣ человѣка Спинозы. Это—существо, состоящее изъ извѣстныхъ модификацій божественныхъ атрибутовъ и отражающее въ опредѣленной степени божественную природу. Человѣческій духъ есть образъ безконечнаго мышленія, человѣческое тѣло есть образъ безконечнаго протяженія; первый есть идея, второе—предметъ этой идеи. И такъ, человѣческій духъ есть идея человѣческаго тѣла, а человѣкъ есть не что иное, какъ тождество души и тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, эти образы проявленія божественной субстанціи различаются другъ отъ друга только потому, что они выражаютъ божественную сущность различными способами, одинъ въ сферѣ мышленія, другой въ сферѣ протяженія; но они вмѣстѣ съ тѣмъ тождественны, потому что представляютъ одинъ и тотъ же моментъ безконечной

¹⁾ Ibid. II, prop. 7.

дѣятельности. Что въ вѣчной субстанціи воплощается въ тѣло, то она мыслить какъ душа, и все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ человѣка. Человѣческая душа есть невидимое тѣло; человѣческое тѣло есть видимая душа. Душа и тѣло составляютъ одинъ и тотъ же лучъ божественнаго свѣта, который, проходя сквозь призму нашего сознанія, преломляется и дѣлится на два.

Слѣдствіе такого ученія очевидно. Это — одушевленность всей природы; потому что не только человѣкъ, но и всѣ тѣла природы суть *modi* или опредѣленные образы бытія, представляющіе отдѣльныя формы протяженія въ сочетаніи съ соотвѣстственными образами мышленія или оживляющими ихъ идеями. И вотъ еще одинъ пунктъ, въ которомъ Спиноза расходится съ Декартомъ. Извѣстно, что Декартъ признавалъ жизнь и мысль только въ человѣкѣ; все остальное въ его глазахъ безжизненная, инертная матерія; даже животныя съ высшей организаціей суть для него лишь автоматы, въ которыхъ все совершается по законамъ механики. Эта теорія животныхъ машинъ ставитъ человѣка неизмѣримо выше всѣхъ другихъ существъ, но, не говоря уже о томъ, что она противорѣчитъ опыту и здравому смыслу, она, можно сказать, разрываетъ несомнѣнную связь, существующую между всѣми животными и отрицаетъ всякій прогрессъ въ природѣ.

Спиноза не задумывается наполнить эту пропасть, которую Декартъ раскрылъ между человѣкомъ и другими существами, но этимъ онъ ничуть не унижаетъ человѣка, потому что, по его понятіямъ, со-

вершенство идеи измѣряется совершенствомъ тѣла и наоборотъ. Тѣло человѣческое сложно, такъ какъ оно составлено изъ многихъ простѣйшихъ тѣлъ; поэтому и идея этого тѣла, т. е. душа, должна быть сложная, составленная изъ многихъ идей. Чѣмъ тѣло сложнѣе, тѣмъ оно способнѣе разомъ понять и обнять многое. Далѣе, чѣмъ тѣло независимѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и чѣмъ оно способнѣе заставлятъ другія тѣла испытывать эти дѣйствія на себѣ, тѣмъ душа способнѣе къ полному и ясному пониманію вещей. И вотъ въ этомъ и заключается превосходство души человѣка, что она способна многое понять и обнять разомъ, такъ какъ и тѣло человѣческое болѣе, чѣмъ всякое другое, способно многое сдѣлать вдругъ и сильно дѣйствовать на другія тѣла. Всѣмъ же простѣйшимъ тѣламъ и менѣе совершеннымъ организаціямъ соотвѣтствуютъ и души или идеи менѣе совершенныя; наконецъ, самое смутное сознаніе существуетъ въ области инерціи и совершенной пассивности, которая составляетъ самую низшую грань въ царствѣ бытія, подобно тому какъ абсолютная дѣятельность субстанціи есть наивысшій предѣлъ ея.

Далѣе, учить Спиноза, въ душѣ нѣтъ абсолютной или свободной воли, но она побуждается къ тому или другому хотѣнію извѣстной причиной, которая въ свою очередь опредѣляется другой причиной, а эта послѣдняя опять другою и такъ дальше до безконечности. Онъ разсуждаетъ такъ: душа есть извѣстный образъ бытія, извѣстный *modus*, въ которомъ проявило себя мышленіе; но такъ какъ только одна субстанція дѣйствуетъ по законамъ своей собственной

природы, никѣмъ не стѣсняемая въ своихъ дѣйствіяхъ, и какъ поэтому только одна она есть свободная причина своихъ дѣйствій, то упомянутый образъ мышленія не можетъ быть свободной причиной своихъ дѣйствій или не можетъ обладать абсолютной способностью хотѣть или не хотѣть, и для того, чтобы захотѣть то или другое, она должна быть побуждаема извѣстной причиной, которая въ свою очередь опредѣляется другой причиной, а эта еще другой и т. д. Точно также можно доказать, что въ душѣ нѣтъ абсолютной способности пониманія, а существуютъ только отдѣльныя понятія. Отсюда слѣдуетъ, что подобныя способности — или вымысль, или метафизическія отвлеченія и что умъ и воля относятся къ той или другой идеѣ, къ тому или другому хотѣнію, какъ бѣлизна къ тому или другому бѣлому предмету, какъ *каменность* (lapideitas) къ тому или другому камню, какъ человѣчество къ Петру или къ Павлу.

Причина же, почему люди считаютъ себя свободными, заключается въ томъ, что они рождаются съ совершеннымъ незнаніемъ причинъ, обусловливающихъ то или другое явленіе.¹⁾ Имъ извѣстенъ только фактъ хотѣнія, они знаютъ только одно, что они *хотятъ, стремятся* къ чему-нибудь, но они не думаютъ справляться о причинахъ, движущихъ ими при томъ или другомъ хотѣніи (и очень натурально, потому что они ихъ не знаютъ), и вотъ сознаніе этого факта

¹⁾ Eth. II, prop. 48, Scholion.

и заставляет ихъ полагать, что воля ихъ свободна. ¹⁾

Неудивительно послѣ этого, если для Спинозы умъ и воля одно и тоже. Въ самомъ дѣлѣ, воля, по его мнѣнію, есть не желаніе, не склонность, съ которой душа стремится пріобрѣсть или оттолкнуть что-либо, а способность, посредствомъ которой она утверждаетъ или отрицаетъ все истинное или ложное. Но, по предыдущему, свободной воли или абсолютной способности хотѣть или не хотѣть нѣтъ въ душѣ, а есть только отдѣльныя хотѣнія, потому что какъ умъ, такъ и воля суть только *общія* представленія, которыя въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ отдѣльныхъ представлений, изъ которыхъ они составлены. Слѣ-

¹⁾ Особенно горькій упрекъ со стороны Спинозы вышала въ этомъ отношеніи теорія Декарта объ абсолютной волѣ души. Послѣдній полагаетъ, что душа заключается въ той части мозга, которая извѣстна въ анатоміи подъ именемъ конического прибавка (*conarium, glandula pinealis*) и заключена между сосудистыми ворсинками средняго сосудистаго сплетенія мозга (*plexus choroideus medius*). Этому прибавку, висящему, по мнѣнію Декарта, въ самомъ центрѣ мозга, душа можетъ по произволу сообщать самыя разнообразныя колебанія и такимъ образомъ воспринимать посредствомъ него все впечатлѣнія и возбужденія внѣшняго міра. Каждому желанію души, полагаетъ Декартъ, соответствуетъ извѣстное движеніе конического прибавка и это движеніе сообщается ему абсолютной волей души; такъ, при желаніи смотрѣть на отдаленные предметы врачекъ расширяется только волей души и пр. и пр. — Спинозу крайне поражаетъ, какимъ образомъ мыслитель, твердо рѣшившійся не утверждать ничего такого, что не вытекало бы изъ ясныхъ и раздѣльныхъ понятій, могъ вдаваться въ такія темныя и мистическія гаданія и допускать столь неосновательныя гипотезы. Притомъ, совершенно справедливо прибавляетъ Спиноза, коническій прибавокъ вовсе не расположенъ въ среднѣмъ мозга такъ, чтобы онъ могъ двигаться столь легко и столь многоразличнымъ образомъ, какъ принимаетъ Декартъ; да къ тому же не всѣ нервы доходятъ до желудочковъ мозга (см. *Eth. V, praefatio*).

довательно, когда мы говоримъ: душа хочетъ, то это значитъ, что въ данный моментъ въ ней есть то или другое положеніе или то или другое отрицаніе, потому что каждое хотѣніе есть извѣстное состояніе *мысли*, особенный процессъ духовной дѣятельности, при которомъ душа утверждаетъ или отрицаетъ истинное или ложное. Отсюда мы видимъ, что воля есть собственно тотъ же умъ, только уже не сознающій, а утверждающій или отрицающій. Воля и умъ представляютъ различныя стороны, различныя состоянія одного и того же духовнаго бытія, и въ процессъ духовной дѣятельности отождествляются, такъ какъ воля не можетъ ни утверждать, ни отрицать того, что умъ ^{не}сознаетъ какъ истину или ложь, короче, такъ какъ воля не можетъ не *признавать* того, что умъ *сознаетъ*.

Перейдемъ теперь къ правоученію Спинозы. Легко догадаться, что у Спинозы мы не найдемъ правоученій и практическихъ правилъ для человѣческой жизни. Онъ сталъ въ этомъ отношеніи на совершенно иную точку зрѣнія, нежели другіе мыслители. Многие; говоритъ онъ, писавшіе объ образѣ жизни людей и свойствахъ ихъ душевныхъ движеній, кажется, имѣли въ виду неестественныя явленія, слѣдующія одному общему закону природы, а явленія совершающіяся гдѣ-то вѣ ея предѣловъ; по ихъ понятіямъ, человѣкъ, среди окружающей его природы, есть какое-то государство въ государствѣ (*imperium in imperio*); они думаютъ, что человѣкъ скорѣе нарушаетъ собой порядокъ природы, чѣмъ подчиняется ему,— что онъ

вполнѣ властенъ надъ своими поступками и опредѣляется къ дѣйствию только своей собственной волею. Вотъ почему причины человѣческаго безсилія и человѣческаго непостоянства они приписывали какимъ-то недостаткамъ человѣческой природы, которую они поэтому осмѣивали, оплакивали, поносили или презирали. Но, продолжаетъ Спиноза, въ природѣ не происходитъ ничего такого, что можно было бы вмѣнить ей въ недостатокъ; природа вездѣ и всегда одинакова; ея силы, ея дѣятельность, т. е. законы, по которымъ все въ ней совершается и переходитъ изъ одного состоянiя въ другое, вѣчны и неизмѣнны, а потому свойства всѣхъ безъ исключенiя предметовъ должны быть объяснены только общими законами природы. ¹⁾ И такъ, человѣкъ не выдѣленъ изъ общихъ законовъ природы, онъ поневолѣ есть предметъ въ ряду другихъ предметовъ, изъ среды которыхъ никакая сила не въ состоянiи его исторгнуть. Онъ есть явленiе, тѣсно связанное съ другими естественными явленiями, и потому въ немъ не слѣдуетъ искать никакихъ нравственныхъ качествъ, какъ не слѣдуетъ ихъ искать въ остальной природѣ. Понятiя о добрѣ и злѣ, о совершенствѣ и несовершенствѣ не примѣнимы поэтому къ человѣку. Смѣшно бы было, напримѣръ, называть теплоту добромъ, а холодъ зломъ, какъ-будто теплота и холодъ не суть естественныя свойства воздуха, какъ будто можно какой бы то ни было вещи вмѣнять въ заслугу ея качества или ея природу. „И старался, говоритъ Спиноза, въ началѣ своего *Trac-*

¹⁾ *Ethica* III, *prae-fatio*,

tatus politicus, приучить себя смотрѣть на человѣческія страсти, каковы любовь, ненависть, гнѣвъ, зависть, честолюбіе, состраданіе и всѣ другія душевныя движенія, не какъ на пороки, а какъ на свойства человѣческой природы, необходимо присущія ей и составляющія ея неотъемлемую принадлежность, подобно тому какъ къ природѣ воздуха необходимо принадлежить теплота, холодъ, вѣтеръ, громъ и другія тому подобныя явленія, которыя, конечно, неудобны, но все-таки неизбѣжны и зависятъ отъ извѣстныхъ причинъ“. Согласно съ этимъ нельзя назвать любовь и состраданіе добромъ, а ненависть и зависть зломъ. Это не болѣе какъ естественныя побужденія, постоянно господствующія надъ человѣческой душой и постоянно движущія ея. Такимъ образомъ, человѣкъ не обязанъ дѣйствовать по какимъ бы то ни было сверхъестественнымъ законамъ, а потому, говоря словами Куно-Фишера, возлагать на него отвѣтственность за его поступки имѣло бы такой же смыслъ, какъ подвергать отвѣтственности облака за то, что они накапливаютъ въ себѣ слишкомъ много электричества и своими разрушительными молніями зажигаютъ дома и убиваютъ людей. Человѣкъ дѣйствуетъ такъ, а не иначе, потому что онъ не можетъ иначе дѣйствовать, потому что онъ живетъ не особнякомъ, а въ связи съ окружающими его явленіями, съ которыми онъ находится въ постоянномъ взаимодействіи. Итакъ, Спиноза отнимаетъ у человѣка всякое произвольное дѣйствіе. Въ чемъ же заключается послѣ того человѣческая свобода, эта главная проблема его Этики? Какъ разрѣшаетъ онъ эту проблему?

Понятіе о человѣческой свободѣ непосредственно проистекаетъ изъ понятія о человѣческой природѣ вообще. Человѣкъ есть предметъ, находящійся въ тѣсной связи съ прочими предметами. Изъ его собственной природы слѣдуетъ то, что слѣдуетъ вообще изъ природы каждаго предмета и что Спиноза считаетъ положительнымъ существомъ каждаго предмета, а именно стремленіе пребывать въ своемъ бытіи, сохранять и расширять свое бытіе, соблюдать свое благо. Это естественное побужденіе къ самосохраненію, къ расширенію своего бытія,—это врожденное стремленіе соблюдать свое благо и есть собственно воля человѣческая, потому что она желаетъ и утверждаетъ только то, что полезно для человѣка и отрицаетъ все, что вредно для него.

Изъ связи человѣка съ прочими предметами слѣдуетъ, что онъ опредѣляется и возбуждается извнѣ самымъ многоразличнымъ образомъ и что онъ постоянно подверженъ внѣшнимъ вліяніямъ, которыя онъ ощущаетъ, какъ впечатлѣнія. Эти впечатлѣнія человѣкъ воспринимаетъ и претерпѣваетъ, т. е. онъ *страдаетъ*. Мы страдаемъ, когда въ насъ или внѣ насъ происходитъ нѣчто такое, чему мы только отчасти причиной. Мы дѣйствуемъ, когда въ насъ или внѣ насъ происходитъ нѣчто такое, чего мы составляемъ полную причину, т. е. когда изъ нашего существа слѣдуетъ съ необходимостью что-нибудь такое, что вполне можетъ быть объяснено только нашимъ существомъ ¹⁾. Слѣдовательно, все, что вытекаетъ изъ одной

¹⁾ Eth. III, def. 2.

только природы человѣка, есть его дѣйствіе; все, что слѣдуетъ одновременно и изъ природы человѣка и изъ окружающихъ его предметовъ, есть его страданіе. Поэтому стремленіе человѣка къ сохраненію и расширенію своего бытія есть его *дѣйствіе*, а возбужденія или ощущенія, получаемыя имъ извнѣ, составляютъ его *страданіе* (отчего они справедливо называются *страстями* affectus). Не будь міра явленій, постоянно напорающаго на него извнѣ, онъ бы дѣйствовалъ только; не чувствуя онъ влеченія къ сохраненію своего бытія, онъ бы только страдалъ, потому что онъ находился бы исключительно подъ гнетомъ внѣшняго міра, подъ необузданнымъ владычествомъ страстей. Но такъ какъ и то и другое имѣетъ мѣсто въ одно и тоже время, то человѣкъ не есть *только* дѣйствующее или *только* страдающее существо, но онъ попеременно то дѣйствуетъ, то страдаетъ, испытываетъ то радостныя, то болѣзненныя ощущенія. Страдать—значитъ быть подверженнымъ могуществу природы; это могущество ставитъ человѣку препоны на каждомъ шагу, постоянно напоминаетъ ему его безсиліе, его ограниченность. Уничтожить окружающіе предметы онъ не властенъ, онъ, такъ сказать, долженъ терпѣть ихъ существованіе.¹⁾ Но есть одно средство, съ помощью котораго онъ можетъ отнять у нихъ непосредственное ихъ могущество и вліяніе на него, это — превратить ихъ въ свой предметъ, т. е. *созерцать* ихъ. Это созерцаніе природы вытекаетъ

¹⁾ К. Fischer, Geschichte der neuern Philosophie, I, 513.

исключительно изъ существа человѣка, потому что онъ есть мыслящее существо. Итакъ, человѣкъ можетъ освободиться отъ напора внѣшняго міра, съ помощью своей мыслительной способности. Но умъ можетъ имѣть о предметахъ смутныя и ясныя понятія. *Смутныя* понятія онъ имѣеть тогда, когда они суть представленія ощущеній, потому что ощущенія не суть самые предметы, а только ихъ отраженія или оттиски (*imagines*). Представленія зависятъ отъ ума, ощущенія отъ предметовъ, а какъ безъ ощущеній не было бы и самыхъ представлений, то умъ есть только отчасти причина представлений. *Ясныя* понятія умъ имѣеть тогда, когда онъ есть единственная причина этихъ понятій или представлений, т. е., когда эти представленія вытекаютъ изъ чисто-духовной мыслительной способности безъ всякаго участія матеріальныхъ ощущеній. Въ первомъ случаѣ умъ *страдаетъ*, во второмъ онъ *дѣйствуетъ*. Итакъ, *дѣятельность* ума заключается только въ ясныхъ и различныхъ понятіяхъ. Но всякая дѣятельность предполагаетъ силу, страданіе или недѣятельность — безсиліе. Сила для Спинозы совпадаетъ съ добродѣтелью, потому что добродѣтель (*virtus*) есть, по его мнѣнію, естественная сила каждой вещи или способность ея проявить то, что необходимо вытекаетъ изъ ея природы.¹⁾ Контрастъ добродѣтели есть поэтому не порокъ, а безсиліе. Добродѣтель солнца есть свѣтъ, потому что онъ его сила, добродѣтель всякаго существа есть его

¹⁾ Eth. IV, definitio, 8, также prop. 18, scholion.

же дѣйствія, ибо въ нихъ сила. Въ чемъ-же заключается добродѣтель человѣка? Очевидно, въ его силѣ или дѣятельности, т. е. способности дѣйствовать по законамъ своей собственной природы. Такая способность исключительно свойственна только его мыслящей природѣ и притомъ не въ ея смутныхъ, безсвязныхъ представленіяхъ, а въ ея ясныхъ и раздѣльныхъ понятіяхъ. Человѣческая добродѣтель состоитъ поэтому въ мышленіи, въ ясномъ пониманіи вещей, которое и есть его сила, могущество. Но съ другой стороны, мы должны помнить, что дѣйствительная сила человѣка, какъ и всякаго другого предмета, есть его природное стремленіе къ самосохраненію, къ расширенію своего бытія, къ самостоятельной дѣятельности, т. е. стремленіе къ превращенію пассивнаго состоянія страсти въ активное состояніе мысли¹⁾. Поэтому неудивительно, если для Спинозы стремиться къ расширенію своего бытія, дѣйствовать добродѣтельно и дѣйствовать подъ руководствомъ разума—выраженія равнозначительныя. Понятно также, почему въ добродѣтельной жизни, въ жизни по разуму, въ торжествѣ разума надъ страстями онъ полагаетъ истинную свободу человѣческаго духа, потому что только при такой жизни человѣкъ дѣйствуетъ по законамъ своей природы и побуждается къ дѣйствію причинами, которыя могутъ быть поняты только изъ его собственнаго существа.

Мы сказали выше: *пассивное состояніе страсти.*

¹⁾ К. Fischer., Geschichte der neuern Philosophie, I, 518.

Это выраженіе не совсѣмъ правильно. Если вникнуть въ дѣло нѣсколько глубже, то легко усмотрѣть, что страсть не есть чисто-пассивное состояніе. Человѣкъ *дѣйствуетъ*, когда онъ поступаетъ по законамъ своей природы, онъ *страдаетъ*, когда онъ ограниченъ въ своемъ дѣйствиіи. Странаніе поэтому есть собственно *ограниченное дѣйствіе* и уже въ самыхъ страстяхъ мы должны искать зачатковъ дѣятельности ¹⁾). Страсти возбуждаются въ человѣкѣ внѣшними впечатлѣніями. Одни изъ этихъ впечатлѣній напоминаютъ ему болѣе его силу, другія—его слабость, одни увеличиваютъ его бытіе, другія уменьшаютъ его; поэтому и страсти, волнующія человеческую душу, бываютъ или расширяющія или умаляющія его бытіе. Когда способность дѣятельности увеличивается, то бытіе человѣка расширяется и онъ достигаетъ высшей степени совершенства. Когда его дѣятельность стѣснена, то бытіе его уменьшается и онъ нисходитъ на низшую степень совершенства. Переходъ отъ меньшаго совершенства къ большому есть *радость*, отъ большаго къ меньшему—*печаль* ²⁾). Это-основныя страсти человеческой природы, всѣ прочія суть только ихъ видоизмѣненія. Итакъ, есть радостныя и печальныя волненія, первыя означаютъ расширенное, послѣднія—стѣсненное бытіе. Но человѣкъ отъ природы стремится къ приращенію и обогащенію своего бытія; поэтому чувство приращеннаго бытія гораздо

¹⁾ Ibid. 519.

²⁾ Eth. III, propos. 59, defin. 2—3.

пріятіе для человѣка, чѣмъ чувство удрученнаго и стѣсненнаго бытія; ему радость всегда милѣе, чѣмъ печаль, которая причиняетъ ему только муки и терзанія. Такимъ образомъ, пока человѣкъ находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ ви́шняго міра, онъ поневолѣ подверженъ страстямъ и попеременно испытываетъ то радость, то печаль, то любовь, то ненависть. Любовь есть радость, сопровождаемая представленіемъ ви́шней причины, отъ которой она происходитъ; точно также ненависть есть печаль, сопровождаемая представленіемъ ея ви́шней причины ¹⁾. Человѣкъ по природѣ своей необходимо чувствуетъ радость въ дѣйствіи, печаль въ страданіи, любовь въ радости, ненависть въ печали, въ немъ постоянно борются между собою радостныя и печальныя ощущенія, страсти постоянно смѣняются одна другой и поддерживаютъ душу въ безпрестанной тревогѣ.

Что становится съ человѣческой волей въ этой борьбѣ страстей? Какъ врожденное, естественное стремленіе къ расширенному бытію къ дѣятельности, она необходимо должна принимать сторону радостныхъ ощущеній и энергически противодѣйствовать печальнымъ, должна чувствовать невозбранное, неудержимое влеченіе къ первымъ и отталкиваться послѣдними. Съ другой стороны человѣкъ стремится не только расширить свое бытіе, но и пребывать въ немъ. Человѣческая воля поэтому не только должна стремиться къ расширенному и радостно ощущаемому бытію, но должна также стараться

¹⁾ Eth. III, propos. 59, def. 6—7.

постоянно поддерживать это состояніе радостно ощущаемаго бытія, должна стараться пребывать въ радости, увѣковѣчить ее и освободиться отъ всякой печали, потому что та только, радость вѣчна и постоянна, къ которой не примѣшивается никакое чувство печали.

Въ чемъ-же заключается вѣчная радость? Если я привязываюсь къ какому-нибудь отдѣльному предмету, простираю руку за отдѣльнымъ благомъ, восхищаюсь отдѣльнымъ явленіемъ, то радость моя проходитъ, какъ скоро исчезнетъ предметъ, къ которому я привязывался, благо, къ которому стремился, явленіе, которымъ восхищался. Напротивъ, радость моя вѣчна, когда она проистекаетъ изъ неизмѣнной связи всѣхъ предметовъ или вселенной, и какъ во вселенной я усматриваю ея вѣчную причину или Бога, то Богъ есть самый вѣчный, самый неизсякаемый источникъ радости. Преходящая радость есть только одна счастливо прожитая минута, вѣчная же радость не знаетъ времени, для нея нѣтъ ни прошедшаго ни будущаго, а только вѣчное настоящее. Это состояніе вѣчной радости Спиноза называетъ *блаженствомъ*. Обыкновенная радость есть только стремленіе, блаженство—удовлетворенное стремленіе.

Одинъ изъ непреложныхъ законовъ нашей природы тотъ, что мы тогда только вполне радуемся, когда раздѣляемъ нашу радость съ другимъ. Радость поэтому есть согласіе нашего существа съ другимъ и это опредѣленіе ничуть не противорѣчитъ приведенному выше; потому что подобное согласіе есть переходъ отъ меньшаго совершенства къ большему.

Сообразно съ этимъ вѣчная радость есть согласіе нашего существа съ вѣчнымъ существомъ, и какъ такое согласіе достигается только посредствомъ познанія или разумнаго созерцанія вѣчнаго существа, то высочайшая радость заключается въ познаніи Бога. Если высочайшая радость заключается въ *познаніи* Бога, то въ ней необходимо соприсутствуетъ представленіе вѣчной причины, изъ которой она истекаетъ. Но по предыдущему радость, сопровождаемая представленіемъ внѣшней причины, отъ которой она происходитъ, есть *любовь*. Поэтому самая высочайшая, самая вѣчная радость есть *разумная любовь къ Богу*. Въ этой любви человѣкъ достигаетъ наивысшей свободы, потому что онъ сознательно и добровольно подчиняется общему порядку природы и вступаетъ въ согласное единеніе съ остальнымъ міромъ. Всѣ страсти, всѣ желанія, силіящіяся приковывать его къ отдѣльнымъ и преходящимъ предметамъ, умолкаютъ, а смутныя, безсвязныя представленія проясняются въ одно разумное пониманіе вѣчнаго порядка вселенной въ одно свѣтлое созерцаніе безконечной божественной природы.

„Изъ всего, что я сказалъ, заключаетъ Спиноза свою Этику, ясно, насколько мудрецъ могущественнѣе необразованнаго человѣка, подверженнаго тревоженіямъ страстей. Ибо необразованный человѣкъ, не говоря уже о постоянной тревогѣ вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ и о рѣшительной неспособности его достигнуть когда-либо истиннаго душевнаго спокойствія, живетъ, не сознавая ни себя, ни Бога, ни окружающихъ его предметовъ, и перестаетъ жить, лишь

только перестаетъ страдать. Другое дѣло мудрецъ: его душу едва что-либо въ состояніи встревожить, напротивъ, сознавая себя, Бога и нѣкоторую вѣчную необходимость окружающихъ его предметовъ, онъ никогда не перестаетъ жить и постоянно наслаждается истиннымъ, ничѣмъ невозмутимымъ душевнымъ спокойствіемъ“.

VII.

Конечнымъ результатомъ *Этики* явилась, какъ мы видѣли, свобода человѣческой природы, состоящая исключительно въ жизни подъ руководствомъ разума и въ разумной любви къ Богу. Но не все люди могутъ достигнуть подобной свободы, не все управляются однимъ разумомъ, напротивъ, гораздо чаще люди слѣдуютъ внушеніямъ своихъ страстей. И не удивительно: природу нельзя заключить въ тѣсныя рамки нашего разума, она дѣйствуетъ не по законамъ человѣческаго разума, ставящимъ выше всего пользу и сохраненіе человѣка, а по безчисленному множеству другихъ законовъ, обуславливающихъ вѣчный порядокъ всей природы. Когда поэтому что-либо въ природѣ намъ кажется смѣшнымъ, недѣльнымъ или дурнымъ, то это происходитъ оттого, что мы знаемъ вещи только отчасти, не имѣя часто понятія о порядкѣ и связи цѣлой природы, и желаемъ, чтобы все совершалось по предписаніямъ нашего разума, тогда какъ большею частью то, что разумъ признаетъ зломъ, есть только зло по отношенію къ нашей природѣ,

но не есть зло по отношенію къ порядку и законамъ всей природы ¹⁾).

Итакъ, если единственными двигателями чело-вѣческихъ дѣйствій чаще всего бываютъ страсти, то спрашивается, чѣмъ обезпечивается вышеупомянутая свобода? Очевидно, она никогда не будетъ существовать на дѣлѣ, пока самой жизни чело-вѣка постоянно будетъ угрожать опасность, пока онъ не будетъ защищенъ отъ внѣшняго напора враждебныхъ силъ, безпрестанно и своекорыстно стремящихся расширить себя на счетъ другихъ силъ. Единственное средство противъ такихъ насильныхъ эгоистическихъ стремленій—общество; чело-вѣкъ необходимо живетъ въ обществѣ, и Спиноза, конечно, имѣвшій въ виду изучить всю чело-вѣческую природу, оставилъ-бы значительный пробѣлъ въ своей философіи, еслибы не разсмотрѣлъ чело-вѣка со стороны его общественной жизни. Эту задачу онъ исполнилъ въ своемъ „*Tractatus politicus*“, который хотя и недоконченъ, но все-таки представляетъ достаточно данныхъ для того, чтобы судить о его политическихъ воззрѣніяхъ. Нельзя съ точностью опредѣлить, когда именно написанъ этотъ трактатъ; извѣстно только, что онъ есть послѣднее произведеніе его пера и составленъ имъ незадолго передъ смертью.

Политическій трактатъ служить въ одно и тоже время дополненіемъ и Этики и Богословско-политическаго Трактата. Онъ дополняетъ Этику, потому

¹⁾ Tract. polit. Cap. 1, § 8.

что политическая и гражданская жизнь есть хотя отрицательное, однакоже необходимое условіе для свободного развитія человѣческой природы. Онъ дополняетъ Богословско-политическій Трактатъ, потому что въ послѣднемъ Спиноза, по-видимому, склоняется въ пользу демократіи и только ее считаетъ приспособленной вполнѣ для естественной свободы человѣка, между тѣмъ какъ въ Политическомъ Трактатѣ Спиноза занимается прискиваніемъ раціональныхъ основаній вообще для всѣхъ безъ исключенія государственныхъ формъ. Впрочемъ, и тутъ замѣтно нѣкоторое пристрастіе, но уже не къ демократической, а къ аристократической республикѣ,— пристрастіе, навѣянное, можетъ быть Яномъ де-Виттомъ, который, какъ извѣстно, все мечталъ о счастливой срединѣ между демократическою распущенностью, граничащей весьма близко съ безначаліемъ, и централизаціей, которая легко можетъ перейти въ деспотизмъ.

Такъ какъ всѣ общественныя отношенія опредѣляются правами, дающими отдѣльнымъ людямъ возможность жить въ обществѣ, и какъ человѣкъ не составляетъ исключенія изъ всей природы и въ правахъ своихъ ничѣмъ не отличается отъ всякой другой естественной вещи, то Спиноза прежде всего приступаетъ къ опредѣленію *естественнаго права*. „Подъ именемъ естественнаго права, говоритъ онъ, я разумѣю не что иное, какъ собственные законы или собственное могущество природы. Поэтому во всей природѣ, а слѣдовательно и во всѣхъ отдѣльныхъ существахъ, естественное право простирается на столько, на сколько простирается ея могущество; поэтому

все, что человекъ совершаетъ въ силу своихъ естественныхъ законовъ, онъ совершаетъ съ величайшимъ природнымъ правомъ и его право на природу измѣряется его силой“¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнiю, что природа имѣетъ верховное право вообще на все, что находится въ ея власти; но какъ всеобъемлющее могущество природы есть не что иное, какъ силы всѣхъ отдѣльныхъ предметовъ, вмѣстѣ взятыхъ, то выходитъ, что всякій человекъ имѣетъ право верховной власти надъ всѣмъ, чѣмъ только въ состоянiи онъ завладѣть. Такимъ образомъ до учрежденiя государства не можетъ быть рѣчи ни о справедливости, ни о несправедливости, ни о добрѣ, ни о злѣ. Можно ли назвать несправедливостью болѣзненное состоянiе, глухость и тому подобное? То и другое есть только безсилiе, немощь или точнѣе въ высшей степени ограниченная сила. Поэтому дуракъ имѣетъ такое же право на глухость, какъ умный человекъ на умъ. Тупоумный столь же мало обязанъ жить подъ руководствомъ разума, сколько больной имѣетъ здоровое тѣло²⁾. Отъ природы каждому должно быть позволено обнаруживать свои свойства, и если эти свойства кажутся намъ недостатками, то не слѣдуетъ забывать, что это *природные* недостатки. Этимъ однакоже отнюдь не открывается свободное поле для человѣческой злобы, какъ думаютъ многiе. Все, что

¹⁾ Tract. polit. Cap. II, § 4.

²⁾ Ibid. Cap. II, § 18.

недостаточно и ограничено, уже тѣмъ самымъ доказываетъ свою несостоятельность и вооружаться противъ того, что само-по-себѣ жалко и ничтожно, значило бы сражаться съ призраками ¹⁾).

Если право человѣка тождественно съ его силой, то, какъ природный эгоистъ, онъ въ первобытномъ состояніи естественно долженъ стремиться къ увеличенію своего права и своей силы насчетъ чужого права и чужой силы. Отсюда слѣдуетъ, что люди-враги отъ природы и естественное право состоитъ собственно въ борьбѣ всѣхъ со всѣми. Рыбы отъ природы устроены для того, чтобы плавать въ водѣ, а большія созданы для того, чтобы пожирать меньшихъ, слѣдовательно, по естественному закону всѣ онѣ имѣютъ право плавать въ водѣ, а большія надѣлены правомъ пожирать меньшихъ. Вотъ картина естественнаго состоянія. Ясно, что такое состояніе не можетъ продолжаться долго, потому что никто не захотѣлъ бы жить въ постоянномъ страхѣ, окруженный ненавистью, обманомъ и разными неистовыми страстями, — что неизбежно, если каждый человѣкъ будетъ дѣлать что угодно и не предоставитъ своему разуму болѣе власти, чѣмъ своимъ страстямъ. Вотъ почему каждый прилагаетъ всѣ свои усилія, чтобы избѣгнуть такого состоянія. Итакъ, если съ одной

¹⁾ Такіе выводы, конечно, оригинальны, но совершенно въ духѣ Спинозы. Не должно упускать изъ виду, что мы имѣемъ адѣсь дѣло съ мыслителемъ, у котораго совершенно иной взглядъ на вещи и иныя понятія, расходящіяся не въ одномъ отношеніи съ понятіями и взглядами, составляющими достояніе нашего времени.

стороны люди, лишены взаимныхъ услугъ и взаимной помощи и не управляемые разумомъ, по необходимости ведутъ жалкую и несчастную жизнь, то съ другой стороны ясно, что для того, чтобы вести счастливую и безопасную жизнь, они должны были согласиться между собою жить такъ, чтобы всё вмѣстѣ обладали тѣмъ примитивнымъ правомъ на вещи, которымъ былъ надѣленъ отъ природы каждый изъ нихъ, отдѣльно взятый. Отказаться отъ своего собственнаго могущества и внушеній своихъ собственныхъ, индивидуальныхъ инстинктовъ они не могли, потому что это значило бы отказаться отъ своей природы. Имъ поэтому оставался только одинъ выходъ—соединить свои частныя, отдѣльныя права и силы въ одно общее могущество, которое, разумѣется, гораздо сильнѣе каждаго отдѣльнаго могущества порознь и потому самому имѣеть надъ нимъ право верховной власти, право сдерживать его эгоистическія стремленія. Эта верховная власть общаго надъ частнымъ, цѣлаго надъ единицею, называется *государствомъ*. Слѣдовательно, государство въ глазахъ Спинозы есть результатъ взаимнаго соглашенія сдѣлки. Но значеніе каждой сдѣлки измѣряется пользою, которая отъ нея проистекаетъ. Какъ скоро какой-нибудь договоръ перестаетъ приносить пользу, тотчасъ уничтожается и теряетъ свою силу и самъ договоръ. Было бы поэтому нелѣпо связать кого-либо словомъ на вѣчныя времена, еслибы въ тоже время не позаботились о томъ, чтобы нарушеніе договора причиняло клятвопреступному гораздо больше вреда нежели пользы. Это должно имѣть мѣсто особенно при

образованіи государства. Средствомъ къ соблюденію каждымъ общественнаго договора служить, по мнѣнію Спинозы, неограниченная власть государства, которая можетъ сосредоточиться въ рукахъ одного, нѣкоторыхъ и многихъ. Мы бы далеко вышли за предѣлы нашей статьи, еслибы стали вдаваться во всѣ подробности Политическаго Трактата и разсматривать выводы Спинозы касательно каждой изъ этихъ формъ правленія. Притомъ самый предметъ по свойству своему слишкомъ неудобенъ, чтобы распространяться о немъ больше. Мы прибавимъ только, что какова бы ни была форма государства, въ его основѣ всегда лежитъ одна и та же идея—власть законовъ и повиновеніе особъ. Безъ этого условія немислимо никакое государство. Далѣе, только въ государствѣ получаютъ значеніе понятія о справедливости и несправедливости. Все, что согласно съ интересами государства, т. е. съ общественной безопасностью, *справедливо*, все, противорѣчащее этимъ интересамъ, *несправедливо*. Заслуги и преступленія суть неморальные, а чисто-соціальныя, гражданскія понятія, тѣсно связанныя съ понятіемъ объ интересахъ государства. Но государство Спинозы отнюдь не исключаетъ естественнаго права личности; въ результатѣ элементъ его все-таки есть не кто другой, какъ отдѣльная личность, естественное существо, *часть природы*. Естественное право не уничтожается, напротивъ того, *осуществляется* въ государствѣ, тутъ уничтожается только опасная, но не правомѣрная сторона первобытнаго состоянія, только борьба, но не право личностей. Вся разница между естественною и гражд-

данскою жизнью—миръ и безопасность. Стремленіе къ безопасности есть единственная причина, изъ которой необходимо вытекаетъ общество, которое есть поэтому необходимое естественное явленіе. Спиноза въ своей *Политикѣ* остается вѣренъ началамъ своей философіи. Ничто не выдѣлимо изъ общихъ законовъ природы, государство также есть слѣдствіе этихъ законовъ, какъ и всякое другое явленіе, оно, по предыдущему, есть, пожалуй, сдѣлка, но оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ *необходимая* сдѣлка, необходимый естественный союзъ людей, возникшій вслѣдствіе общей нужды и общей опасности, и имѣющій отъ природы такое же естественное право, какъ и всякая другая вещь. „Право государства, говоритъ Спиноза, есть собственно право природы, которое опредѣляется не могуществомъ одного лица, а массою, управляемою какъ бы однимъ духомъ. Тѣло и духъ цѣлаго государства, подобно каждому отдѣльному человѣку въ естественномъ состояніи, имѣютъ столько же права, сколько они имѣютъ силы; поэтому право каждаго гражданина будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ больше могущество государства, и каждый дѣлаетъ и имѣетъ по праву только то, что допускается общественной волей государства. Если государство даетъ одному гражданину право и, слѣдовательно, власть жить по своей волѣ, то тѣмъ самымъ оно отказывается отъ своего права въ пользу того, кому оно предоставило такую власть. Если оно даетъ такую власть двумъ или болѣе гражданамъ, то тѣмъ самымъ оно раздѣлило съ ними свою власть. Если, наконецъ, оно предоставляетъ такую власть каждому отдѣльному

гражданину, то тѣмъ самымъ оно разрушаетъ само себя, перестаетъ быть государствомъ и тогда все возвращается опять къ первобытному естественному состоянію природы. Отсюда слѣдуетъ, что по установленію государства гражданину никакъ не можетъ быть позволено жить по своей] волѣ и быть своимъ собственнымъ судьей. Но если взвѣситъ хорошенько, то, *гражданская жизнь нисколько не исключаетъ естественнаго права каждой отдѣльной личности*. Какъ въ естественномъ, такъ и въ гражданскомъ быту, человѣкъ дѣйствуетъ только по законамъ своей природы и заботится только о своей выгодѣ. Человѣкъ, говорю, въ томъ и другомъ состояніи движется надеждой и страхомъ дѣлать одно и не дѣлать другого; главная же разница между природою и государствомъ состоитъ въ томъ, что въ государствѣ всѣ боятся одного и того же, и безопасность есть единственный интересъ и жизненный принципъ всѣхъ и cadaго. Это не уничтожаетъ однакоже свободы сужденія въ каждомъ недѣлимомъ, потому что кто повинуется законамъ государства, — изъ страха ли передъ его могуществомъ или изъ любви къ спокойствію, все равно, — тотъ въ сущности заботится о своей выгодѣ по своему собственному благоусмотрѣнію“ ¹⁾).

Итакъ, всѣ недѣлимья, лицомъ къ лицу съ государствомъ, суть его *подданные*, равно обязанные по-

¹⁾ Tract. polit. Cap. III, §§ 2—3.

виноваться его постановленіямъ и черезъ то получающіе характеръ *политически-равныхъ гражданъ*. Но, не смотря на такое подчиненное отношеніе недѣлимыхъ къ государству, оно все-таки не можетъ уничтожить ихъ естественныхъ правъ, а можетъ только ограничивать ихъ, на сколько этого требуетъ общественная безопасность. Граждански-политическое равенство и рядомъ съ нимъ естественная свобода личности, спокойствіе общества и рядомъ съ нимъ независимость внутренняго человѣка — вотъ идеаль Спинозова государства. Какъ практическое учрежденіе, имѣющее цѣлью общественное благо, государство можетъ требовать отъ каждаго недѣлимаго лишь столько, сколько нужно для сохраненія цѣлаго, все же внутреннія проявленія человѣческой природы, не имѣющія прямого отношенія къ государству и не приносящія ему существенной пользы, должны жить своею отдѣльною жизнью. Безопасность, говоритъ Спиноза, есть добродѣтель государства, свобода духа есть *частная* добродѣтель ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ онъ указываетъ на несостоятельность и несообразность академій, устраиваемыхъ *государствомъ*. Эти академіи, по его мнѣнію, способствуютъ не усовершенствованію, а скорѣе стѣсненію умственной дѣятельности ²⁾. Философія, искусство, религія должны вести въ государствѣ безмятежную, одинокую и, такъ-сказать, *частную* жизнь. Разныя теоріи и доктрины въ

1) Ibid. Cap. I § 7 при концѣ.

2) Ibid. Cap. VIII § 49.

сущности безвредны для государства и становятся для него опасными только тогда, когда их подавляют. Это стремление изолировать область мысли от государства, отдалить ее от внѣшнихъ вліяній свойственно не только Спинозѣ, но вообще всѣмъ подобнымъ ему натурамъ, всѣмъ великимъ мыслителямъ и художникамъ (Гёте) съ подобнымъ, чисто спекулятивнымъ направленіемъ ума: сами, склонные къ созерцанію и уединенію, они желаютъ, чтобы вообще всѣ внутреннія проявленія развивались въ созерцательномъ уединеніи, вдали отъ сферы внѣшней, государственной жизни. Вотъ что Гёте заставляетъ сказать поэта, ставя его лицомъ-къ-лицу съ государственнымъ человѣкомъ.

Frei will ich sein im Denken und im Dichten;
Im Handeln schränkt genug die Welt mich ein!

Чтобы не возвращаться болѣе къ сочиненіямъ Спинозы, упомянемъ еще о его *Перепискѣ* и „*Еврейской Грамматикѣ*“. Письма его къ Ольденбургу, Симонуде-Фриззу, Людовику Мейеру, Блейнбергу и многимъ поименованнымъ друзьямъ представляютъ весьма важное пособіе при изученіи *Этики*; нѣкоторыя вещи изложены тутъ съ гораздо большею ясностью, чѣмъ въ самой *Этикѣ*. Въ этой перепискѣ сохранилось также одно письмо Лейбница и отвѣтъ Спинозы касательно оптическихъ вопросовъ. Бертольдъ Ауэрбахъ, которому мы главнымъ образомъ слѣдовали при составленіи этого очерка и преимущественно при изложеніи собственно-описательной его части, — сожалѣ-

еть, что Лейбницъ не вступилъ въ болѣе близкія сношенія съ Спинозой; но оно иначе и быть не могло. Лейбницъ инстинктивно избѣгалъ всякой встрѣчи съ нимъ въ области философіи, потому что зналъ очень хорошо, какой онъ опасный антагонистъ. Впрочемъ, въ недавнее время въ полномъ собраніи сочиненій Лейбница, изданномъ въ Парижѣ Фуше де Каррелемъ (Fouché de Carreil), вмѣстѣ съ письмами Лейбница, Боссюэта, Пелиссона и Малакуса появились и 10 писемъ Спинозы о соединеніи протестантовъ съ католиками.

Что касается Еврейской Грамматки, то она подобно Политическому Трактату и статья „Объ усовершенствованіи разума“, дошла до насъ только въ видѣ отрывка. Спиноза первый попытался логически объяснить законы еврейскаго языка и изложить грамматику послѣдняго на манеръ грамматики другихъ языковъ, безъ всякихъ затѣй и хитросплетеній, которыя господствовали въ ней до его времени. Онъ первый сталъ смотрѣть на еврейскій языкъ, какъ на живой организмъ, далеко выходящій за предѣлы библіи. Сколько намъ извѣстно, отрывокъ этотъ не переведенъ еще ни на какой языкъ. Даже Ауэрбахъ, этотъ добросовѣстнѣйшій изъ переводчиковъ Спинозы, почему-то считалъ лишнимъ дать этому отрывку мѣсто въ своемъ трудѣ. Такое невниманіе непростительно особенно со стороны такъ-называемыхъ „hébraisants“ и всего болѣе со стороны еврейскихъ ученыхъ, достаточно свѣдущихъ въ латинскомъ и еврейскомъ языкахъ, чтобы сумѣть передать грамма-

тику Спинозы на языкѣ, для изученія котораго она собственно записана.

Этимъ кончаемъ краткій обзоръ сочиненій нашего философа, чтобы послѣдовать за нимъ изъ области мысли опять въ міръ жизни.

VIII.

Въ лицѣ Спинозы вполнѣ осуществился тотъ благостный образъ истиннаго мудреца, который носился передъ его глазами въ то время, когда онъ дописывалъ послѣднія строки своей *Этики*. Подобно тому какъ онъ *внутренно* освободилъ себя отъ всѣхъ случайностей и переменъ, точно также онъ создалъ себѣ и виѣшнюю обстановку жизни, свободную и независимую. Мы обязаны Колеру многими любопытными подробностями о частной жизни нашего мыслителя, и наивность, съ которою онъ ихъ рассказываетъ, лучше всего ручается за ихъ достовѣрность и правдивость.

„Трудно почти представить, говорить Колеръ, до какой степени умѣренно и скромно жилъ Спиноза,—не потому, чтобы онъ былъ уже доведенъ до такой крайности: многіе напротивъ предлагали ему и кошелькъ свой и всякаго рода помощь; но дѣло въ томъ, что онъ былъ воздерженъ отъ природы и довольствовался малымъ. Это доказываютъ мелкіе счеты, найденные въ его бумагахъ ¹⁾. Онъ аккуратно провѣрялъ

¹⁾ Изъ нихъ мы узнаемъ, напр., что разъ онъ цѣлый день довольствовался молочнымъ супомъ на маслѣ, что ему обходилось въ 3 су и кружкой пива въ 1½ су; другой разъ—овся-

свои счета каждые три мѣсяца, дабы израсходовать ни больше ни меньше чѣмъ позволяли средства. Однажды, когда его спросили, отчего онъ живетъ такъ скромно, онъ отвѣчалъ:

— „Я подобенъ змѣѣ, которая держитъ хвостъ между зубами, образуя такимъ образомъ кругъ. Впрочемъ, я никогда и не думалъ собрать больше, нежели сколько нужно для приличныхъ похоронъ”¹⁾.

Эта необычайная умѣренность становится понятною, когда вспомнимъ, каково было его тѣлосложеніе. Онъ былъ очень слабъ и худощавъ и имѣлъ чахоточный видъ. Кстати о его наружности. Намъ давно бы уже пора остановиться нѣсколько на его благородныхъ и поразительныхъ чертахъ. Онъ былъ человѣкъ средняго роста. Овальная, прекрасно очерченная голова, окаймленная черными, роскошно вьющимися волосами, смуглое, пріятное лице, черные, блестящіе и чрезвычайно оживленные глаза, длинныя брови и, наконецъ, сильно развитый и почти острый подбородокъ—все это достаточно обнаруживало южное и съ тѣмъ вмѣстѣ восточное происхожденіе. Привычка мысли сказывалась во всѣхъ чертахъ его лица, особенно же на лбу и въ кроткомъ, но серьезномъ взглядѣ. Колеръ видитъ на этомъ челѣ печать отверженія,—„да, отверженія, прибавляетъ Гегель, но не пассивнаго а активнаго: это — философъ, отвер-

ной крупной на маслѣ и съ изюмомъ, стоившей ему 4½ су и пр. и пр. Въ этихъ же счетахъ упоминается, много-много, о двухъ полубутылкахъ вина ежемѣсячно.

¹⁾ Colerus—Vie de Spinoza 65—66.

гающій заблужденія и безумныя страсти людей“. Его портретъ, между прочими, сдѣлалъ и хозяинъ его квартиры ван-дер-Сликъ. Въ Вольфенбютельской библіотекѣ находится портретъ Спинозы, писанный масляными красками и купленный изъ коллекціи вещей, оставшихся послѣ одного амстердамскаго филолога. Самый лучший портретъ его былъ сдѣланъ въ Голландіи въ 1695 г.

О своемъ туалетѣ Спиноза заботился мало. „Одежда на немъ, прибавляетъ Колеръ, была не лучше одежды самаго простаго мѣщанина (*du plus simple bourgeois*)“. Но это нерадѣніе не доходило у него до цинизма; онъ строго соблюдалъ чистоту и аккуратность въ своемъ нарядѣ. „Не безпорядокъ и небрежность въ нарядѣ, говаривалъ онъ, дѣлаютъ насъ учеными; эта небрежность, часто притворная, есть скорѣе признакъ низшей души, въ которой не обитаетъ мудрость и въ которой науки находятъ лишь перяшество да испорченность“.

Онъ отлично владѣлъ собою, какъ въ минуты гнѣва, такъ и въ то время, когда съ нимъ случалась какая-нибудь неприятность. На его лицѣ никогда нельзя было прочесть какого-нибудь волненія; его никогда не видали ни слишкомъ печальнымъ, ни слишкомъ веселымъ. Его хорошія манеры, тихая и пріятная рѣчь, любезность и вмѣстѣ съ тѣмъ простота въ обращеніи привлекали къ нему всѣхъ, кто только имѣлъ съ нимъ дѣло. Когда кого-нибудь изъ домашнихъ постигала болѣзнь или горе, онъ утѣшалъ несчастнаго и убѣждалъ терпѣливо переносить

всѣмъ страданія, какъ нѣчто неизбежное и посылаемое свыше ¹⁾. Дѣтей онъ увѣщевалъ усердно посѣщать церковь и безпрекословно повиноваться родителямъ. Когда домашніе возвращались изъ церкви, онъ часто спрашивалъ, какое впечатлѣніе произвела на нихъ проповѣдь и что выносили они изъ нея назидательнаго и полезнаго для души. Колеръ рассказываетъ, что Спиноза глубоко уважалъ его предшественника, доктора *Кордеса*, какъ человѣка добраго, ученаго и во всѣхъ отношеніяхъ примѣрнаго. Порой онъ ходилъ даже слушать его проповѣди и нерѣдко похвалялъ его искусство въ толкованіи библіи, умѣнье пользоваться ею кстати и особенно ясность изложенія. Въ тоже время онъ постоянно твердилъ и совѣтовалъ домашнимъ не пропускать ни одной проповѣди такого дѣльнаго человѣка. Однажды хозяйка спросила его:

— Какъ вы думаете, найду ли я спасеніе въ той вѣрѣ, которую я исповѣдую?

— Религія ваша хороша, отвѣчалъ Спиноза, вамъ нечего искать другой, ни сомнѣваться въ ея спасающей силѣ, лишь бы только вы были благочестивы и вели мирную и спокойную жизнь.

Въ домѣ едва замѣчали его присутствіе. Онъ рѣдко выходилъ и, по выраженію одного изъ его біографовъ (Кортгольца), былъ какъ бы похороненъ въ своей комнатѣ: *quasi in musco suo sepultus*. Слу-

¹⁾ Il parlait souvent à son hôtesse, particulièrement dans le temps de ses couches,—присовокупляетъ Колеръ.

чалось, впрочемъ, что, сильно уставши отъ усидчивыхъ занятій и слишкомъ напряженной работы мысли, онъ отправлялся внизъ къ своимъ домохозяевамъ и болталъ съ ними о всякой всячинѣ. Особенно любилъ онъ отдыхать въ ихъ кругу передъ тѣмъ, какъ ложился спать. Онъ былъ чрезвычайно разговорчивъ и общителенъ, юморъ его былъ весьма пріятенъ и остроумныя шутки его всегда вызывали улыбку „даже у людей серьезныхъ“.

Иногда въ часы отдыха онъ занимался рисованіемъ. Онъ удачно снималъ портреты чернилами или углемъ. Колеръ увѣряетъ, что онъ видѣлъ цѣлый альбомъ съ изображеніями его друзей и вообще лицъ, дѣлавшихъ ему когда-либо визиты. Между этими эскизами былъ одинъ, представлявшій рыбака въ рубашкѣ, съ неведомъ на правомъ плечѣ и въ позѣ знаменитаго предводителя неаполитанскихъ мятежниковъ Мазаниелло, точь-въ-точь какимъ описываетъ его исторія и изображаютъ живописцы. Но это былъ не кто иной, какъ самъ Спиноза. Трудно объяснить, что за фантазія пришла ему изобразить себя въ такомъ странномъ нарядѣ. Въ этомъ же альбомѣ Колеръ нашелъ портреты многихъ замѣчательныхъ людей того времени, о которыхъ онъ почему-то считаетъ нужнымъ умалчивать.

Любилъ Спиноза и покурить порой; иногда съ этимъ удовольствіемъ онъ соединялъ еще другое: чтобы отдохнуть нѣсколько подольше, онъ, съ трубкой во рту, хваталъ мухъ, которыхъ бросалъ въ паутину, или отыскивалъ пауковъ, которыхъ заставлялъ драться, и смотрѣлъ на наступавшій бой съ такимъ наслаж-

деніемъ, что нерѣдко бывало вдругъ разразится громкимъ и звучнымъ хохотомъ, который какъ-то дико раздавался среди обычной тишины, царствовавшей въ его комнатѣ.

Часто онъ дѣлалъ также продолжительныя микроскопическія наблюденія надъ различными частями мелкихъ насѣкомыхъ, — наблюденія, доставлявшія ему видимое удовольствіе и приносившія не малую пользу его философскимъ изслѣдованіямъ.

Вотъ каковъ былъ человекъ, котораго уединеніе пытались нарушить богатства, слава, почести и вниманіе сильныхъ міра сего. Но онъ такъ былъ счастливъ и доволенъ своею независимостью и своимъ скромнымъ положеніемъ, что не поддавался искушенію и безъ особенныхъ усилій могъ отказаться отъ всѣхъ этихъ соблазнительныхъ и заманчивыхъ обаяній свѣта.

Мы уже выше говорили, что онъ пріобрѣталъ средства къ жизни только шлифовкою стѣколъ. Подарковъ онъ не хотѣлъ принимать ни за что. Единственная услуга, къ принятію которой могли его склонять, — это брать на себя сбытъ вышлифованныхъ имъ стѣколъ. Если какой-нибудь богатый другъ хотѣлъ быть ему полезнымъ, онъ могъ сдѣлать это не иначе, какъ заказавъ ему нѣсколько тысячъ стѣколъ, которыя будто бы назначались для продажи и которыя, разумѣется, преспокойно оставались въ кабинетѣ богача или дарились знакомымъ. Въ подобныхъ случаяхъ Спиноза бралъ себѣ изъ вырученныхъ денегъ только самое необходимое, остальные же онъ отчасти раздавалъ бѣднымъ, отчасти употре-

блялъ на то, чтобы отдавать на обученіе дѣтей немущихъ родителей. Кромѣ того онъ весьма часто ссужалъ деньгами нуждавшихся пріятелей и притомъ съ такою щедростью и безпечностью, какъ будто ихъ у него была пропасть. Однажды ему объявили, что одинъ изъ его должниковъ, отъ котораго ему слѣдовало получить 200 флориновъ, обанкротился. Нимало не смутясь этимъ извѣстіемъ, онъ только проговорилъ, улыбаясь:

— Я долженъ ограничить свои расходы, дабы вознаградить потерянное. Этой цѣной я куплю себѣ равнодушіе.

Когда умеръ его отецъ, сестры (неизвѣстно почему, быть можетъ вслѣдствіе тяготѣвшаго надъ нимъ раввинскаго проклятія) вздумали лишить его части наслѣдства, принадлежавшей ему по закону. Онъ подалъ жалобу въ судъ и, разумѣется, выигралъ процессъ. Но когда дѣло дошло до дѣлежа, онъ взялъ себѣ только кровать съ принадлежавшею къ ней занавѣскою, все же остальное оставилъ сестрамъ, говоря, что хотѣлъ только научить ихъ быть справедливыми въ отношеніи къ ближнему.

Вотъ еще одинъ изъ тысячи примѣровъ его высокаго безкорыстія. Его другъ и ученикъ Симонъ-де-Фризъ подарилъ ему однажды 2000 флориновъ, чтобы дать ему возможность вести жизнь получше той, которую онъ велъ. Но Спиноза вѣжливо отказался подъ предлогомъ, что ни въ чемъ не нуждается и что эти деньги послужили бы только къ тому, чтобы отвлечь его отъ занятій.

— Природа, присовокунилъ онъ, довольствуется малымъ, почему-жъ и мнѣ не довольствоваться тѣмъ, что имѣю?

Тотъ же Симонъ-де Фризь, умирая бездѣтнымъ холостякомъ, захотѣлъ было сдѣлать его наслѣдникомъ всѣхъ своихъ богатствъ; но Спиноза, узнавъ объ этомъ, отказался наотрѣзъ и указалъ на брата Симона, проживавшаго въ Шидамѣ, какъ на единственнаго законнаго его наслѣдника. Де-Фризь сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ пользу брата, но вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ Спинозѣ ежегодную пенсію въ 500 флориновъ. Спиноза и этого не захотѣлъ принять и насилу только могли вынудить у него согласіе на полученіе 300 флориновъ въ годъ.

Эту пенсію онъ получалъ до самой своей кончины. Такимъ образомъ мы видимъ, что подъ конецъ жизни обстоятельства его приняли нѣсколько лучшей, противъ прежняго, оборотъ.

Самые искреннѣйшіе враги его должны были отдавать ему справедливость въ этомъ отношеніи. Мы останавливаемся на этихъ, по видимому, мелкихъ подробностяхъ потому, что кромѣ безбожія, славолубія и пр. Спинозѣ приходилось неоднократно выслушивать еще упрекъ въ жадности къ деньгамъ. Последнее обвиненіе повторялось такъ часто, что онъ вынужденъ былъ самъ защитити себя противъ подобной клеветы. „Атеисты, пишетъ онъ между прочимъ къ Исааку Оробию, обыкновенно помышляютъ только о томъ, какъ бы добыть себѣ побольше богатствъ и почетныхъ мѣстъ; между тѣмъ всякому,

хоть сколько-нибудь знающему меня, извѣстно, что я всегда презиралъ и то и другое“ 1).

Что такое вся жизнь Спинозы, какъ не одинъ высокій подвигъ безкорыстія, самозабвенія? Это самозабвеніе, это отсутствіе всякаго эгоизма изъ жизни перешло на его ученіе. „Всѣ предрассудки, говоритъ онъ, зависятъ отъ того, что люди воображаютъ себя центромъ всего міра, думаютъ, что все создано для нихъ и судятъ обо всемъ только по отношенію къ себѣ“ 2). Эта сторона его характера особенно ярко обрисовывается въ предисловіи къ статьѣ „De intellectus emendatione“, изъ котораго мы уже сдѣлали нѣсколько выписокъ и въ которомъ лучше чѣмъ гдѣ-либо становится нагляднымъ это взаимодѣйствіе у Спинозы между жизнію и философіей, это просачиваніе жизненныхъ элементовъ въ теорію и обратное воздѣйствіе теоріи на жизненную практику.

Спиноза былъ одинъ изъ самыхъ пламенныхъ почитателей и друзей Яна-де-Витта, съ благороднымъ рвеніемъ сторожившаго права ре публики и всѣми мѣрами препятствовавшаго избранію принца Вильгельма въ пожизненные штатгальтеры. Они занимались вмѣстѣ математическими науками; извѣстно также, что гротспансіонеръ часто обращался къ Спинозѣ за совѣтами въ политическихъ вопросахъ и такимъ образомъ послѣдній невольно принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Но между тѣмъ какъ друзья

1) Письмо 49.

2) См. Appendix къ 1-й части Этики.

предавались этимъ мирнымъ занятіямъ и совѣщаніямъ, надъ ихъ отечествомъ собиралась гроза. Наступилъ 1672 годъ. Блестящій Людовикъ XIV, извѣстный своими эксцентричностями и любившій подъ часъ ни съ того ни съ сего выкинуть штуку, дабы заставить говорить о себѣ и удивляться его геніальнымъ замысламъ, вдругъ, безъ всякой основательной причины, напалъ на Нидерланды и въ короткое время ему, или лучше Тюреню и принцу Конде, удалось покорить многія провинціи, въ томъ числѣ и Утрехтъ, гдѣ располагалась главная квартира французскаго лагеря. Нидерланды раздѣлились на двѣ партіи: къ первой пристали республиканцы и въ ихъ главѣ Янъ-де-Виттъ, ко второй — приверженцы принца Оранскаго. Послѣдняя, пользуясь повсемѣстнымъ раздраженіемъ умовъ и всеобщимъ неудовольствіемъ народа, болѣе всѣхъ чувствовавшаго тягость войны, распустила слухъ, будто Янъ-де-Виттъ и его приверженцы намѣрены предать отечество въ руки непріятеля, лишь бы не дать восторжествовать принцу Вильгельму. Этого было довольно. Безумная и легковѣрная толпа съ яростью кипулась на Яна-де-Витта и его братьевъ и совершила одно изъ тѣхъ преступленій, отъ которыхъ еще до сихъ поръ содрогаются челоуѣческое сердце. Но если отдаленнѣйшія поколѣнія съ омерзѣніемъ отворачиваются отъ этого возмутительнаго и безпримѣрнаго въ исторіи событія, то какъ должно было оно подѣйствовать на кроткаго Спинозу, которому довелось видѣть собственными глазами, какъ безславный и глубоко падшій народъ растерзалъ на части его друга и друга свободы? Говорять, что онъ плакалъ

какъ ребенокъ, какъ давно не плакалъ со времени своего удаленія въ уединеніе. Какое трогательное зрѣлище непонятый и непризнанный мыслитель, проливающий слезы надъ истерзаннымъ трупомъ непонятаго великаго гражданина!

Это скорбное настроеніе его духа было однакожь непродолжительно; онъ вскорѣ пришелъ въ себя и когда одинъ изъ пріятелей выразилъ ему весь ужасъ, который возбуждало въ немъ это гнусное злодѣяніе, Спиноза сказалъ:

— Что за польза отъ нашей мудрости, если мы, подобно толпѣ, будемъ склонять голову передъ ударами судьбы, будемъ поддаваться душевнымъ потрясеніямъ и не съумѣемъ во время опомниться и пересилить себя?

Нѣкоторые рассказываютъ, что знаменитый гос-пансіонеръ незадолго передъ смертью назначилъ ему пожизненную пенсію въ 200 флориновъ ежегодно, но что наслѣдники отказались исполнить волю покойнаго. Спиноза выслушалъ ихъ отказъ съ такою безпечностью и такимъ равнодушіемъ, что они устыдились своего поступка и только съ трудомъ могли уговорить его удержать за собою право, которое они такъ несправедливо вздумали у него оспаривать.

По смерти Яна-де-Витта, всѣ друзья и приверженцы его сдѣлались жертвой всевозможныхъ преслѣдованій. Скоро и Спиноза чуть не подвергся той же участи. Дѣло было слѣдующимъ образомъ. Въ то время въ Утрехтѣ стоялъ отрядъ служившихъ у французскаго короля швейцарцевъ. Ихъ начальникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тогдашній комендантъ города, пол-

ковникъ Ступъ (Stoupe), завель со Спинозой переписку и въ одномъ письмѣ прислалъ ему приглашеніе отъ принца Конде прїѣхать въ Утрехтъ и паспортъ для свободнаго проѣзда. Ступъ утверждалъ, что принцъ очень желаетъ его видѣть и обѣщаетъ ему свое покровительство. Какъ ни щекотливо и непріятно было положеніе, въ которое поставило Спинозу это приглашеніе, отказаться было неловко. Спиноза поѣхалъ. Но когда онъ прибылъ въ Утрехтъ, Конде уже тамъ не было, потому что онъ долженъ былъ провожать короля, оставившаго городъ 18 іюля 1672 года. Луксембургъ, оставшійся тамъ для охраненія покоренныхъ провинцій, принялъ Спинозу со всею вѣжливостью и любезностью, къ которой только способенъ французъ, и передалъ ему просьбу Конде ждаты его прїѣзда. Ступъ и другіе офицеры увѣряли, что принцъ очень расположенъ къ нему и обѣщався выхлопотать ему пенсію у Людовика, если только онъ согласится посвятить послѣднему какое-нибудь сочиненіе. Спиноза, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшительно отказался и уѣхалъ обратно въ Гагу. Но каково было его удивленіе, когда, послѣ его возвращенія, во всемъ гагскомъ народонаселеніи обнаружилось какое-то страшное и непопятное движеніе. Загадка вскорѣ объяснилась. Его считали шпиономъ и стали уже даже перешептываться между собою, какъ бы скорѣе отдѣлаться отъ этого опаснаго человека, „который, находясь въ столь явныхъ сношеніяхъ съ врагомъ, безъ сомнѣнія готовилъ измѣну республикѣ“. Ван-дер-Спикъ сильно перепугался и, въ страхѣ за свой домъ и за Спинозу, прибѣжалъ

въ комнату послѣдняго ни живъ, ни мертвъ, спрашивая, что имъ дѣлать? Спиноза успокоивалъ и утѣшалъ его, какъ только могъ.

— Не опасайтесь за меня, говорилъ онъ, мнѣ легко оправдаться, многіе, и въ томъ числѣ знатные соотечественники, знаютъ очень хорошо, зачѣмъ я ѣхалъ въ Утрехтъ. Но что бы ни случилось, будьте увѣрены, при малѣйшемъ шумѣ, который произведетъ народъ у вашихъ дверей, я тотчасъ же выйду самъ къ толпѣ, хотя бы мнѣ пришлось испытать участь несчастныхъ де-Виттовъ. Я добрый республиканецъ и всегда помышлялъ только о славѣ и благоденствіи нашего государства.

Къ счастью, народъ образумился и, убѣдившись въ неосновательности своихъ подозрѣній, пріутихъ.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что тотъ же Ступъ, о которомъ мы упоминали выше, издавъ во время своего пребыванія въ Утрехтѣ книгу подъ заглавіемъ „La religion des Hollandais“, въ которой между прочимъ упрекаетъ протестантскихъ богослововъ, что у нихъ подъ носомъ былъ напечатанъ Богословско-политическій Трактатъ и однакоже никто еще не взялъ на себя труда возразить автору. Ступъ, очевидно хотѣлъ пошутить, но его не поняли и вотъ въ 1657 г. профессоръ гренингенскаго университета Браунъ написалъ противъ него цѣлый трактатъ, гдѣ онъ исчисляетъ всѣ статьи, появившіяся въ разное время противъ Спинозы и защищаетъ религіозность обитателей генеральныхъ штатовъ, которую Ступъ выставилъ въ такомъ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Полгода спустя послѣ вышеописанной исторіи еще одно событіе едва не нарушило мирнаго теченія жизни Спинозы и не произвело совершеннаго переворота въ его судьбѣ. Курфирсть пфальцскій, Карлъ Людовикъ, предложилъ ему кафедру философіи въ гейдельбергскомъ университетѣ, въ томъ самомъ университетѣ, гдѣ сто лѣтъ спустя другіе мыслители проповѣдывали воззрѣнія, аналогическія воззрѣніямъ Спинозы. Это случилось вотъ по какому поводу. Въ то время при пфальцскомъ дворѣ жилъ нѣкто Шевро (Chevreau), природный англичанинъ, ученый, эстетикъ и поэтъ, много путешествовавшій на своемъ вѣку и побывавшій при разныхъ дворахъ. Однажды онъ завелъ рѣчь о Спинозѣ и отозвался о немъ съ большимъ уваженіемъ, хотя, какъ онъ говорилъ, этотъ „еврей-протестантъ“ (juif protestant) былъ ему извѣстенъ только по первой и второй части Декартовыхъ „Началъ“. Курфирсть отыскалъ эту книгу въ своей библіотекѣ и, прочитавъ въ ней нѣсколько главъ, возымѣлъ мысль вызвать автора въ Гейдельбергъ для занятія профессорской должности. Онъ еще болѣе укрѣпился въ своемъ намѣреніи, когда прочелъ все сочиненіе и когда, кромѣ того, познакомился еще съ Богословско-политическимъ Трактатомъ. Профессоръ богословія Фабрицій получилъ приказаніе написать Спинозѣ. Вотъ его письмо отъ 16 Февраля 1673 года (Ер. 53).

„М. Г.!

„Пишу къ вамъ по порученію его высочества курфирста пфальцскаго. Признаюсь, я до сихъ поръ

не зналъ о васъ, но его высочество очень благосклоненъ къ вамъ. Онъ поручаетъ мнѣ спросить васъ, не желаете ли принять мѣсто ординарнаго профессора философіи въ его университетъ. Жалованье выдается ежегодно, какъ и другимъ ординарнымъ профессорамъ. Вы нигдѣ не найдете государя, который бы лучше умѣлъ цѣнить гениальныхъ людей, къ числу которыхъ онъ относитъ и васъ. *Вы будете пользоваться совершенной свободой (философствованія ¹⁾): онъ только выражаетъ надежду, что вы не злоупотребите этой свободой въ подрывъ и во вредъ господствующей религіи и пр.*

Не говоря уже о томъ, что въ глазахъ свѣта Спиноза былъ все еще тотъ же еврей, поступокъ мелкаго нѣмецкаго владѣтеля поражаетъ насъ еще тѣмъ, что онъ не раздѣлялъ общаго предубѣжденія противъ Спинозы, какъ мыслителя, и желалъ его видѣть наставникомъ юношества.

Спиноза однако не принялъ его предложенія. «Такъ какъ я никогда не думалъ сдѣлаться публичнымъ преподавателемъ, пишетъ онъ Фабрицію 30 марта 1673 г.—то не могъ рѣшиться, воспользоваться настоящимъ случаемъ, хотя довольно долго обдумывалъ это дѣло. Во первыхъ, я не могу посвятить себя обученію юношества, не причиняя въ тоже время ущерба дѣлу философіи; во вторыхъ, не знаю, въ какихъ предѣлахъ должна заключаться эта свобода преподаванія, дабы я не показался подкапывающимъ господствующую религію. Вѣдь расколы происходятъ

1) Cum amplissima philosophandi libertate.

не отъ истиннаго, неподдѣльнаго религіознаго рвенія, но отъ различнаго характера людей и отъ страсти ихъ во всемъ противорѣчить другъ другу,—страсти, пріучившей ихъ осуждать и извращать все, что говоритъ другой, хотя бы этотъ другой говорилъ сущую правду. Если я испыталъ это уже въ моей частной, одинокой жизни, то что же было бы со мною, еслибъ я принялъ предложенную должность? Итакъ, вы видите, мнѣ нужно не улучшение моей участи, но спокойствіе; оно для меня всего дороже, а чтеніе университетскихъ лекцій, конечно, не дастъ мнѣ его.»

Такимъ образомъ Спинозу не прельстило даже почетное званіе профессора и жизнь его опять потекла своимъ обычнымъ чередомъ, опять сталъ онъ, не смотря на слабость здоровья, усердно и неутомимо работать надъ своими стеклами и идеями. Нельзя, право, не удивляться неутомимой дѣятельности этого сухощаваго и чахоточнаго оптика. Двадцать лѣтъ страдалъ онъ чахоткой и только строгой и правильной діетой удалось ему продлить свою жизнь и сохранить энергію и свѣжесть духа. Въ 1674 г. болѣзнь его однако усилилась. Въ томъ же году его постигло новое горе—смерть стариннаго пріятеля его ван-ден-Энде, уже нѣсколько лѣтъ проживавшаго во Франціи и занимавшагося тамъ медицинской практикой. Этотъ, какъ мы уже видѣли, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный человекъ кончилъ свою жизнь самымъ трагическимъ образомъ. Космополитъ по убѣжденіямъ, онъ тѣмъ не менѣе горячо любилъ отчизну и сердце его обливалось кровью при мысли, что она изнемогаетъ подъ тяжкимъ чужеземнымъ гнетомъ, что

цвѣтуція ея провинціи опустошены и раззорены до-гла французскимъ оружіемъ. Онъ рѣшился поэтому во что-бы то ни стало освободить отечество отъ ига французовъ и для этого составилъ въ Нормандіи вмѣстѣ съ кавалеромъ Роганомъ заговоръ, въ которомъ, предполагалось, будетъ участвовать все народонаселеніе этой провинціи, въ видахъ возвращенія своихъ старинныхъ правъ и привилегій. Ван-ден-Энде рассчитывалъ отвлечь такимъ образомъ вниманіе короля отъ Нидерландовъ и заставить его заняться внутренними дѣлами. И, дѣйствительно, еслибы заговоръ былъ веденъ осторожно, то Людовику нужно было бы употребить часть военныхъ силъ для прекращенія внутреннихъ беспорядковъ въ самой Франціи. Въ этомъ заговорѣ приняли участіе и Нидерланды, которые съ этой цѣлью уже снарядили нѣсколько кораблей. Но когда нидерландскіе корабли показались у береговъ Нормандіи уже было поздно: заговоръ былъ открытъ, а ван-ден-Энде, какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей, повѣшенъ въ Парижѣ 24 ноября 1674 года.

Не смотря на это новое горе, не смотря на то, что здоровье Спинозы со дня на день становилось все хуже и хуже, умъ его продолжалъ работать съ прежней энергіей. Въ 1675 г. онъ пытался издать уже давнымъ давно оконченную Этику.

«Я былъ въ Амстердамѣ — пишетъ онъ лѣтомъ того же года къ Ольденбургу¹⁾ — съ цѣлью издать книгу, о которой я вамъ писалъ (Этику). Но между

¹⁾ Ер. 19.

тѣмъ, какъ я хлопоталъ по этому дѣлу, повсюду разнесся слухъ, что я печатаю книгу о Богѣ, въ которой будто стараюсь опровергнуть его существованіе. Слухъ этотъ былъ принятъ всѣми почти единодушно за несомнѣнную истину. Нѣкоторые богословы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы донести на меня штатгальтеру и властямъ. Кромѣ того эти недалекіе картезіанцы, подозрѣваемые въ приверженности къ моимъ воззрѣніямъ, не переставали и теперь еще не перестаютъ осыпать проклятіями мои воззрѣнія и сочиненія; дабы такимъ образомъ отстранить отъ себя всякое подозрѣніе. Все это я узналъ отъ людей, заслуживающихъ довѣрія. Они рассказываютъ также, что упомянутые богословы стараются вредить мнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Вотъ почему я рѣшился отложить приготовленное мною изданіе до болѣе благопріятнаго времени». Въ заключеніе онъ проситъ Ольденбурга указать ему тѣ мѣста въ Б. П. Трактатѣ, которыя болѣе другихъ бросаются въ глаза, потому что онъ намѣревался издать его во второй разъ съ примѣчаніями и объясненіями, имѣвшими цѣлью разсвѣять всѣ предразсудки и предубѣжденія, образовавшіяся въ публикѣ на его счетъ. Но и это изданіе, подобно изданію Этики, не состоялось при его жизни.

Нельзя не пожалѣть, что показанія біографовъ о послѣднихъ годахъ его жизни такъ скудны и неудовлетворительны. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе всего этого времени умъ его постоянно работалъ надъ высшими задачами человѣческаго мышленія. Въ письмѣ отъ 15 іюля

1676 г. ¹⁾ онъ обѣщается одному непоименованному другу, «если только останется въ живыхъ», представить ясныя доказательства, что одного понятія о протяженіи недостаточно для объясненія разнообразія вещей. Въ томъ же письмѣ онъ спрашиваетъ: «вышелъ ли въ свѣтъ трактатъ Huet'a, о которомъ я вамъ писалъ прежде и который направленъ противъ Богословско-политическаго Трактата? Если да, то не можете ли прислать мнѣ одинъ экземпляръ? Напишите также, что новаго открыто недавно на счетъ преломленія лучей?» — Такимъ образомъ мы видимъ, что пытливый умъ его постоянно былъ занятъ самыми разнообразными вопросами и до конца его жизни сохранилъ вполнѣ всю свою живость и энергію. Онъ давно уже предпринялъ голландскій переводъ библіи и приготовилъ уже пятикнижіе Моисея, но, говорятъ, не за долго предъ смертію сжегъ его вмѣстѣ съ своимъ сочиненіемъ: *De Iride* (о радугѣ). Онъ задумалъ также руководство къ алгебрѣ и началъ уже составлять статью о движеніи, «Общій взглядъ на физику» и «Методъ для надлежащаго руководствованія разума при исканіи неизвѣстныхъ истинъ». Но внезапная смерть разстроила всѣ эти планы.

Съ 1677 года онъ сталъ незамѣтно угасать и все чаще и чаще чувствовалъ слабость и утомленіе. Нужно замѣтить, что во все время болѣзни, онъ переносилъ страданія съ такою стоическою твердостью и такимъ спокойствіемъ духа, что находилъ въ себѣ довольно силы упрекать даже другихъ, когда они жало-

¹⁾ Ер. 72.

вались на свои недуги и слишкомъ много выказывали раздражительности и малодушія. Но какъ бы ни былъ онъ слабъ, все-таки болѣзнь его ни хозяину, ни другимъ домашнимъ, ни даже ему самому не внушала серьезныхъ опасеній. Смерть уже приближалась къ нему и никто не подозрѣвалъ, что она такъ близка.

20 Февраля 1677 г., въ субботу предъ постомъ, хозяинъ Спинозы отправился вмѣстѣ съ женой въ церковь. Когда они возвратились, а это было около четырехъ часовъ по полудни, Спиноза пошелъ къ нимъ внизъ и завелъ разговоръ, который продолжался довольно долго и предметъ котораго составляла рѣчь пастора; затѣмъ, выкуривъ трубку, онъ отправился на верхъ въ свою комнату и легъ спать раньше обыкновеннаго. На другой день рано по утру, онъ опять пошелъ къ хозяевамъ и разговаривалъ съ ними, пока не ушли въ церковь. Между тѣмъ пріѣхалъ Людовикъ Мейеръ, которому онъ написалъ о своей болѣзни, самъ, впрочемъ, не зная еще, въ какой онъ находился опасности. Докторъ послалъ за старымъ пѣтухомъ и велѣлъ тотчасъ же сварить, такъ чтобы къ двѣнадцати часамъ былъ готовъ супъ для больного. Пришедши домой, ванъ-дер-Спикъ съ женой увидѣли съ непритворной радостью, что Спиноза ѣлъ свой супъ съ отличнымъ аппетитомъ, и отъ души поздравили его по этому поводу. Послѣ обѣда ван-дер-Спики опять отправились въ церковь, поручивъ больного попеченіямъ Людовика Мейера. Они вернулись не позже какъ чрезъ часъ и не захотѣли вѣрять собственнымъ глазамъ: передъ ними лежалъ только неподвижный, бездыханный трупъ!

«Спинозъ, говоритъ точный до мелочности биографъ ¹⁾, было тогда отроду только 44 года, 2 мѣсяца и 27 дней. День его смерти—21 февраля 1677 года. Людовикъ Мейеръ уѣхалъ вечеромъ того же дня. Ему некогда было дожидаться похоронъ, которыя происходили 25 февраля. Покойника провожали многія знатныя особы и шесть каретъ, а по возвращеніи съ похоронъ, самые близкіе друзья и нѣкоторые сосѣди были угощены виномъ, по обычаю края».

Наслѣдниками Спинозы явились сестра его Ревека и Даниэль Карцероисъ, сынъ другой сестры Миріамъ. Но они не хотѣли взять на себя похоронныхъ издержекъ и другихъ обязательствъ по наслѣдству; кому-же они подумали, что при раздѣлѣ не много достанется на долю cadaго и потому отказались отъ своего права.

Братъ Симона-де-Фриза, изъ Шидама, поручилъ Іоанну Ривертсу, другу Спинозы и издателю его сочиненій, заплатить мелкіе долги, оставшіеся послѣ покойника; впрочемъ это было совершенно лишнее, потому что изъ денегъ, вырученныхъ за вещи Спинозы, за вычетомъ всѣхъ издержекъ, осталась довольно значительная сумма.

Посмертныя сочиненія Спинозы появились въ печати еще въ самый годъ его кончины. Издателями были Ярикъ Іеллесъ и Людовикъ Мейеръ. Первый написалъ предисловіе на голландскомъ языкѣ, второй перевелъ его на латинскій. Предисловіе это, кромѣ

¹⁾ Колеръ.

оправданія ученія Спинозы съ библейски-религіозной точки зрѣнія, содержитъ еще въ себѣ нѣсколько скудныхъ біографическихъ замѣтокъ. Вотъ списокъ сочиненій, вошедшихъ въ составъ этого изданія и извѣстныхъ подъ названіемъ: «Opera Posthuma»: 1). *Ethica, more geometrico demonstrata et in quinque partes distincta.* 2). *Tractatus Politicus.* 3). *De Emendatione intellectus.* 4). *Epistolae.* 5). *Compendium gramatices linguae hebraeae.*

IX.

Quando quidem lex divina naturalis ex sola *consideratione* humanae naturae intelligatur, certum est, nos eam aequae concipere posse in Adamo, ac alio quocunque homine, aequae in homine, qui inter homines vivit, ac in homine, qui solitariam vitam agit.

(Tract th. pol cap IV, 210 editio Pauli). Такъ какъ божественно-естественный законъ можетъ быть постигнуть уже изъ одного *созерцанія* чело-вѣческой природы, то несомнѣнно, что мы можемъ одинаково понять этотъ законъ какъ въ Адамѣ, такъ и во всякомъ другомъ чело-вѣкѣ, какъ въ чело-вѣкѣ, живущемъ среди другихъ людей, такъ и въ чело-вѣкѣ, ведущемъ одинокую жизнь.

Приведенныя слова Спиноза оправдалъ какъ въ своей жизни, такъ и въ своихъ сочиненіяхъ. Вся

жизнь его, какъ и мысль, есть полнѣйшее выраженіе спокойнаго сознательнаго созерцанія. Не тревожимый никакими слухами извнѣ, не связанный ни общественными, ни семейными узлами, вѣчно неизмѣнный, вѣчно хладнокровный, онъ спокойно вдумывался въ природу человѣческаго духа и изучалъ его вѣчные законы. Только жизни и мысли, обращенной внутрь, на самое себя, только свободному спекулятивному уму дано схватить во всей сущности и чистотѣ все общечеловѣческое, вѣчное и безконечное и выдѣлить изъ міра случайностей неизмѣнные и непреложные законы.

Многіе именно это чисто спекулятивный складъ ума вмѣняютъ Спинозѣ въ недостатокъ и видятъ въ немъ причину его стремленія выводить законы путемъ одного только чистаго отвлеченія, при полномъ пренебреженіи къ опыту. Они тѣмъ безпощаднѣе къ Спинозѣ, что онъ былъ отцемъ такъ-называемой спекулятивной философіи, т. е. философіи, которая все объясняетъ однимъ только умомъ, безъ всякой помощи со стороны опыта, и которая по ихъ мнѣнію не болѣе какъ призракъ, химера. Но они забываютъ, во первыхъ, что выводы Спинозы нисколько не противорѣчатъ опыту, во вторыхъ, что опытъ можетъ служить вѣрнымъ руководителемъ только до извѣстнаго предѣла, что кромѣ чувственныхъ, несвязныхъ представленій онъ не можетъ дать ничего, что его царство оканчивается тамъ, гдѣ начинается царство свѣтлаго, созерцающаго разума, который одинъ только способенъ возвыситься до настоящаго и истиннаго пониманія сущности вещей. Да и сами-то эмпи-

рики, такъ усердно ратующіе противъ самостоятельнаго мышленія, не тѣже ли метафизики по большей части? Любопытно, что въ то время какъ одни (позитивисты) упрекаютъ Спинозу за слишкомъ метафизическое основаніе его ученія, другіе (идеалисты) видятъ въ этомъ ученіи скорѣе выраженіе натуралистическаго матеріализма, считая его недостаточно метафизическимъ въ смыслѣ критическаго идеализма. Такъ Льюисъ, находя систему Спинозы „строго логичной, производящей впечатлѣніе властной, неотразимой логики и никѣмъ еще не опровергнутой на той почвѣ, на которой стоялъ Спиноза,“ въ тоже время признаетъ, что умъ отказывается принять его заключенія и единственный выходъ видить въ отрицаніи исходной точки этой системы, т. е. метафизики вообще ¹⁾. Съ другой стороны, приверженцы Конта и Шопенгауэра и ихъ чисто-мистическаго трансцендентальнаго понятія воли находятъ, что у Спинозы нѣтъ ничего, кромѣ природы, никакихъ сверхчувственныхъ основъ міра, что весь складъ этой системы — чисто матеріалистическій (напр. по поводу теоріи познанія: „сознаніе, по Спинозѣ, не что иное какъ матерія“ и т. д.) и что даже высшій, интуитивный родъ познанія Спинозы („scientia intuitiva“) не можетъ вырваться изъ міра механической причинности и есть не болѣе какъ „высшій родъ достовѣрнаго опыта, высшее эмпирическое обобщеніе, понятія же о свободной волѣ, о безсмертіи чужды духу осно-

¹⁾ Льюисъ, I. с., 119.

внѣхъ началъ натуралистическаго пантеизма“. ¹⁾ Такимъ образомъ, то, въ чемъ одни видятъ недостатокъ (метафизическая отправная точка), другіе считали бы достоинствомъ, еслибъ оно было выражено въ болѣе рельефной формѣ и на оборотъ. Но въ томъ то и дѣло, что ученіе Спинозы представляетъ гармоническое сліяніе противоположныхъ началъ. Онъ былъ, по прекрасному выраженію Куно Фишера, воплощенное *cogito ergo sum*, и, дѣйствительно, до такого совершенства, до такой виртуозности въ дѣлѣ мышленія, въ самостоятельной дѣятельности познающаго духа, особенно въ его время, еще не доходилъ никто.

Спинозѣ, конечно, были небезъизвѣстны всѣ терніи самостоятельнаго мышленія, предоставленнаго самому себѣ, онъ зналъ, какъ уютно и сладко отдыхать на мягкомъ лонѣ рутины и опыта, но только самостоятельное мышленіе казалось ему достойнымъ человѣка. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу къ Блейенбергу. «И если даже плодъ, который я уже сорвалъ съ естественнаго познанія, окажется когда-нибудь ложнымъ и поддѣльнымъ, я и тогда не перестану быть счастливымъ, потому что я наслаждаюсь и стараюсь проводить жизнь не въ сѣтованіяхъ и стонахъ, а въ спокойствіи, радости и весельи, отчего я становлюсь одною степенью выше и совершеннѣе. Между тѣмъ я сознаю (а это доставляетъ мнѣ самое высочайшее удовольствіе и спокойствіе духа), что все совершается

¹⁾ А. Волинскій, *Литературныя замѣтки* въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, апрѣль 1892 г., стр. 174, 183 и множество другихъ.

(по могуществу и неизмѣнному опредѣленію совершеннѣйшаго существа» ¹⁾).

Читатели навѣрное помнятъ, какая органическая связь существуетъ между всѣми произведеніями Спинозы. Всѣ они, какъ мы видѣли, проникнуты одною мыслию: освобожденіемъ, человѣческаго духа и отыскиваніемъ первообраза, чтобы не сказать идеала свободнаго человѣка (слово идеаль тутъ было бы неумѣстно, потому что для Спинозы не существуетъ идеаловъ, а есть только дѣйствительныя, естественныя явленія). Что побудило его искать этотъ первообразъ и въ какомъ отношеніи находится къ нему онъ самъ? Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать самая жизнь великаго мыслителя. Тотъ, кто подобно ему не избѣгнулъ религіозныхъ гоненій въ свободнѣйшей изъ республикъ и не могъ соединить свою судьбу съ любимой женщиной единственно по причинѣ своего происхожденія, на чью голову обрушились несчастіе за несчастіемъ, ударъ за ударомъ, противъ кого, наконецъ, люди испробовали все, что только можетъ выдумать ослѣпленный фанатизмъ: подкупъ, покушеніе на жизнь, проклятіе и изгнаніе,—тотъ не могъ не призадуматься крѣпко надъ многосложными проявленіями человѣческой природы и не задать себѣ вопроса: въ чемъ состоитъ истинная человѣческая свобода? Мы видѣли, что эта свобода состоитъ для него въ разумной любви къ Богу, въ жизни по разуму, въ торжествѣ разума надъ страстями. Удиви-

¹⁾ Ер. 34 р. 565.

тельно, съ какимъ хладнокровіемъ онъ относится къ человѣческимъ страстямъ; много нужно было самообладанія и безстрастія, чтобы рѣшиться геометрически объяснить душевныя волненія и стараться изслѣдовать ихъ на подобіе того, какъ изслѣдуютъ свойства линий, плоскостей и тѣлъ ¹⁾. Но дѣло въ томъ, что онъ самъ былъ тотъ свободный человѣкъ, котораго отыскивалъ, какъ образецъ для всѣхъ временъ и народовъ. Насъ поражаетъ величіемъ эта глубокосдержанная натура, эта объективность въ жизни и произведеніяхъ. Онъ страхнулъ съ себя всякое личное, эгоистическое чувство, все индивидуальное, субъективное, и его собственное я слилось съ безконечностью вселенной. Вотъ почему тысяча противорѣчій и контрастовъ между явленіями, отдѣльно взятыми, разрѣшилась для него въ такое чудное, гармоническое единство. Но это отступленіе личности на задній планъ, это закланіе конечной субъективности въ пользу безконечнаго, объективнаго, это постоянное созерцаніе вѣчнаго не доходитъ у него до аскетизма и нисколько не исключаетъ наслажденій и радостей, а только умѣряетъ, просвѣтляетъ и сглаживаетъ все, что есть въ нихъ лишняго и чрезмѣрнаго. «Только мрачное и угрюмое суевѣріе, говоритъ онъ, запрещаетъ радоваться. Неужели утолять голодь и жажду есть болѣе настоящая потребность, чѣмъ разгонять скуку и печаль? Вотъ мой взглядъ и мое мнѣніе никакое высшее существо и никто кромѣ завистливаго

¹⁾ Eth. III praefatio въ концѣ.

не может радоваться моему безсилію или моему несчастію, или вмѣнять намъ въ добродѣтель слезы, рыданія, страхъ и тому подобные признаки немощнаго духа. Напротивъ, чѣмъ болѣе испытываемъ радости, тѣмъ къ большему переходимъ совершенству, т. е. тѣмъ болѣе дѣлаемся мы причастными божественной природѣ. Оттого мудрецъ находитъ удовольствіе во всемъ и наслаждается всѣмъ, разумѣется, не до пресыщенія, потому что это не значитъ наслаждаться. Мудрецъ, говорю, находитъ удовольствіе въ хорошей и умѣренной пищѣ, освѣжаетъ себя пріятными напитками, наслаждается запахомъ и красотой растений, изящными нарядами, музыкой, турнирами и другими подобными вещами, которыя можетъ доставлять себѣ каждый, не причиняя вреда никому, потому что человѣческое тѣло состоитъ изъ различныхъ частей различнаго свойства, требующихъ все новой и разнообразной пищи, такъ чтобы все тѣло было въ равной степени способно ко всему, что только вытекаетъ изъ его природы, и чтобы слѣдовательно и духъ сдѣлался способнымъ многое разомъ обнять и многое разомъ понять. Итакъ, жизнь, устроенная *подобнымъ* образомъ, какъ нельзя лучше согласна съ нашими принципами, какъ и со всеобщей практикой, а потому она есть самая лучшая и если только можно совѣтовать какой-либо образъ жизни, такъ ужъ, конечно этотъ ¹⁾»

Ни въ одномъ философѣ, повторяемъ, жизнь и мысль не дошли до такой слитности, до такого пре-

¹⁾ Eth. IV, prop. 45, scholion ad coroll. 2.

краснаго и полнаго созвучія, какъ въ Спинозѣ. Этотъ художникъ, этотъ виртуозъ въ дѣлѣ мышленія есть вмѣстѣ съ тѣмъ наивный образецъ высочайшаго этического характера, который ни разу не измѣнилъ себѣ въ продолженіе всей своей многотрудной жизни. Стремленіе къ добру или къ истинѣ есть для него равно естественная потребность и естественная склонность, и потому онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ: «я избѣгаю зла или стараюсь избѣгать его, *потому что оно прямо противорѣчитъ моей природѣ* и отвлекало бы меня отъ познанія Бога и разумной къ нему любви»²⁾).

Вотъ почему, какъ въ ряду философскихъ системъ ученіе Спинозы стоитъ совершенно особнякомъ, такъ и черты его характера представляютъ единственный въ своемъ родѣ образецъ высокаго, нравственнаго совершенства. Его безкорыстіе, говоритъ Вормеръ, доходило до отреченія отъ законнаго права на славу, какъ доказываетъ его просьба необъявлять его имени при изданіи его посмертныхъ сочиненій. Изъ инстинктивнаго отвращенія къ раздорамъ онъ избѣгалъ всякаго рода полемики, даже съ врагами въ философіи, оставивъ безъ отвѣта пренебрежительныя и завистливыя отзывы Малевбранша и Лейбница. Онъ былъ добръ, чувствителенъ, терпимъ („спасеніе можно найти во всякой вѣрѣ“), умъ не причинялъ ущерба сердцу, онъ любилъ всѣхъ проявилъ необычайную энергію въ превратностяхъ жизни рядомъ съ уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ.

²⁾ Ер. 34.

Наконецъ, прибавимъ нѣсколько словъ объ отношеніи Спинозы къ еврейству. По мнѣнію Вормса, отлученіе отъ синагоги не даетъ основанія считать его чуждымъ іудаизму, основной принципъ коего—отрицаніе неподвижной догматики. „Доктрина, подчиняющая вся и все Божеству продолжалась, признающая человѣка ничтожнымъ и имѣющимъ значеніе только какъ часть безконечнаго; метафизическій догматъ: «Богъ великъ;» мораль гласящая: „люби Бога паче всего“ и т. д., все это—принципъ, іудаизма и вмѣстѣ центръ тяжести всей системы Спинозы. Онъ оставилъ обрядъ предковъ, но сохранилъ ихъ духъ и ему онъ обязанъ въ значительной степени своею силою“¹⁾.

Въ заключеніе представимъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній на счетъ ученія Спинозы.

До Куно Фишера господствовало мнѣніе, что это ученіе есть чистый пантеизмъ, такъ что одно постоянно и безусловно отождествлялось съ другимъ. К. Фишеръ²⁾ неоспоримо доказалъ, что спинозизмъ относится къ пантеизму, какъ видъ къ своему роду, и что всѣ критики Спинозы, ему предшествовавшіе, тѣмъ именно погрѣшали противъ истины, что они или роду приписывали то, что принадлежитъ только виду или наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ единственный смыслъ пантеизма тотъ, что Богъ есть вѣчный поря-

¹⁾ Ср. Рѣчь Вормса въ „Восходѣ“, за 1894 г., августъ.

²⁾ К. Fischer, *Geschichte der neuern Philosophie*, I, 554 и слѣд. (изд. Mannheim, 1854 г), котораго придерживаемся здѣсь при дальнѣйшемъ изложеніи.

докъ вселенной. Торжество Бога и вѣчнаго порядка вселенной существуетъ и въ ученіи Спинозы: этого было достаточно, чтобы признать въ этомъ ученіи исключительный пантеизмъ. Но въ сущности этимъ опредѣляется только родовое значеніе міросозерцанія Спинозы, и жестоко ошибаются тѣ, которые хотятъ выдавать пантеизмъ за его характеристическую особенность. Это заблужденіе неминуемо влечетъ за собою другое: разъ принявши родъ за видъ, обыкновенно впадаютъ въ противоположную ошибку, принимая, наоборотъ, извѣстную форму пантеизма за самый пантеизмъ и перенося на послѣдній всѣ видовыя свойства первой. Вслѣдствіе такого заблужденія, многіе считаютъ Спинозу родоначальникомъ пантеизма, тогда какъ положительно извѣстно, что пантеизмъ ведетъ свое начало съ самой глубокой древности и обнимаетъ собою множество философскихъ системъ, къ которымъ, конечно, принадлежитъ и ученіе Спинозы. Теперь, спрашивается, въ чемъ заключается видовое значеніе этого ученія? Въ разное время о немъ существовали самыя различныя мнѣнія. Одни говорили, что оно есть чистый атеизмъ, другіе видѣли въ немъ фатализмъ, третьи — каббалистическое міросозерцаніе. Но оно не есть ни то, ни другое, ни третье.

Ученіе Спинозы не есть атеизмъ. Подъ именемъ атеизма разумѣютъ обыкновенно отрицаніе Бога и эгоистическую привязанность къ отдѣльнымъ и преходящимъ предметамъ. Упрекать Спинозу въ отрицаніи Бога значитъ ни строчки не понимать въ ее гученіи. Этотъ упрекъ основывается по большей части на

слѣдующей аргументаціи: Спиноза называетъ субстанцію Богомъ или природой, слѣдовательно, онъ обоготворяетъ видимый міръ, всѣ существующіе предметы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и каждый отдѣльный предметъ, — что, очевидно, составляетъ прямое отрицаніе Бога. Но между этимъ ученіемъ и спинозизмомъ нѣтъ ничего общаго. Богъ Спинозы есть внутренняя и вѣчная причина всего сущаго, безконечное существо, имѣющее безконечное бытіе и исключющее всякое опредѣленіе, какъ границу, и всякую границу, какъ отрицаніе. Такое высокое понятіе о Богѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить, чтобы Онъ былъ заключенъ въ тѣсныя предѣлы какого-нибудь отдѣльнаго существованія или даже всего конечнаго міра, разсматриваемаго какъ хаотическій агрегатъ отдѣльныхъ предметовъ. Вмѣсто того, чтобы сказать: Спиноза отрицаетъ Бога, скорѣе можно сказать: онъ отрицаетъ человѣка, — какъ довольно вѣрно замѣчаетъ Гейне ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, для Спинозы, собственно говоря, существуетъ только субстанція, только она имѣетъ истинное бытіе, всѣ же отдѣльные предметы суть только *modi*, или случайныя, преходящія явленія. Еще нелѣпѣе утверждать, что основаніе спинозовой системы есть эгоизмъ; нелѣпость такого мнѣнія бросается въ глаза даже при поверхностномъ знакомствѣ съ его жизнію и ученіемъ. Кто не знаетъ, что безкорыстіе есть коренное свойство его характера и краеугольный камень всего сооруженнаго

¹⁾ Ученіе Спинозы можно даже назвать *акосмизмомъ*.

имъ зданія? И такъ, только злоба и невѣжество могутъ укорять его въ атеизмъ; впрочемъ, онъ самъ предвидѣлъ подобный упрекъ. «Къ несчастію, восклицаетъ онъ, дѣло дошло уже до того, что тѣ, которые откровенно сознаются, что не имѣютъ никакого понятія о Богѣ, не краснѣя, обвиняютъ мыслителей въ атеизмъ!»¹⁾

Ученіе Спинозы не есть фатализмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Спинозова теорія міра есть теорія необходимости, но это отнюдь не фаталистическая необходимость. Объяснимъ это примѣромъ. Въ кругѣ, какъ извѣстно, всѣ радіусы равны между собою, это есть его необходимое свойство; однако же никто не скажетъ, что эта необходимость приходитъ кругу извнѣ, вслѣдствіе какого-то таинственнаго и неизбѣжнаго предопредѣленія судьбы; напротивъ, всякій согласится, что она есть внутренняя необходимость и прямо вытекаетъ изъ природы самаго круга. Точно такъ же необходимость, проповѣдуемая Спинозой, не есть какая-то неразумная сила, находящаяся гдѣ-то внѣ міра и слѣпо владычествующая надъ безвольными существами, нѣтъ,—она есть не предопредѣленіе, не рокъ, не фатумъ, но внутренній естественный законъ, управляющій вселенной. До какой степени Спиноза былъ далекъ отъ мысли построить фаталистическую теорію міра, лучше всего видно изъ слѣдующихъ словъ его: «подчинить Бога фатуму есть величайшій абсурдъ, ибо мы показали, что Онъ есть первая и единствен-

¹⁾ Tract. theol. pol. Cap. II, p. 173.

ная *свободная* причина какъ сущности, такъ и бытія всѣхъ вещей ¹⁾».

Ученіе Спинозы не есть теорія эманации. Эта теорія представляетъ себѣ міръ какъ истечение Божества, совершившееся посредствомъ особеннаго процесса, слѣдовательно, она предполагаетъ въ Богѣ такое состояніе, которое предшествовало этому процессу истечения, и тѣмъ самымъ превращаетъ его въ какое-то измѣняемое и непостоянное существо, — понятіе, уничтожающее всякую абсолютность и необходимость въ верховномъ существѣ. Поэтому, мнѣніе, что міровоззрѣніе Спинозы состоитъ въ кровномъ родствѣ съ каббалой и ея ученіемъ объ эманации, не имѣетъ никакого основанія. Это подтверждается еще безцеремоннымъ и презрительнымъ отзывомъ его о представителяхъ послѣдней: «я читалъ и зналъ также нѣкоторыхъ болтуновъ-каббалистовъ — говоритъ онъ въ девятой главѣ Богословско-политическаго Трактата — и не могъ надивиться ихъ нелѣпымъ бреднямъ и бессмыслию ²⁾»

Наконецъ, *ученіе Спинозы не есть теизмъ*, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся. Теизмъ учитъ: Богъ есть личное, отдѣльное отъ природы и по тому самому виѣмировое или надміровое существо. Такое представленіе діаметрально-противоположно воззрѣніямъ Спинозы. Его субстанція абсолютна, безконечна и не допускаетъ никакихъ ограниченій, потому что *omnis determinatio est negatio*. Итакъ, въ суб-

¹⁾ Eth. I. prop. 33, schol. 2.

²⁾ Tract. theol.-politicus, Thes. IX (ed Pauli, 297).

станціи невозможно никакое опредѣленіе, и она по-
этому *неопредѣленна*. Если она неопредѣленна, то
она вмѣстѣ съ тѣмъ *безразлична*, а, слѣдовательно,
и *безлична*. Далѣе, эта субстанція есть не внѣшняя,
а внутренняя причина всего сущаго и потому, по
Спинозѣ, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть
отдѣлена отъ природы и существовать гдѣ-то внѣ ея
предѣловъ или надъ нею.

Изъ всѣхъ видовъ теизма только одинъ нѣсколько
родственъ Спинозѣ, а именно, *монотеизмъ*, потому что
этотъ послѣдній утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, *един-
ство* Божіе, хотя ограничиваетъ это единство, пред-
ставляя себѣ Бога, какъ нѣчто противоположное міру.
Въ этомъ смыслѣ Спиноза есть истый сынъ юдаизма,
съ тою только разницею, что его Богъ есть не нѣчто
отдѣльное отъ природы, не какое-то сверхъ-естест-
венное существо, стоящее лицомъ-къ-лицу съ мі-
ромъ, а составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное и гар-
моническое цѣлое. Еврей-Спиноза есть послѣдова-
тель *единого* Бога, философъ-Спиноза *мыслитъ* этого
единого Бога и тѣмъ самымъ уничтожаетъ всякій
дуализмъ между Нимъ и міромъ, потому что, по спра-
ведливому замѣчанію Фишера, мысль всегда уничто-
жаетъ дуализмъ. Что Спиноза старается только *мы-
слить* Бога, а не воображать его, доказываетъ шесть-
десятое письмо: «На вопросъ твой, — пишетъ онъ
здѣсь, — имѣю ли я о Богѣ такое же ясное *понятіе*, какъ
о треугольникѣ, я отвѣчу: да. Если же спросишь:
могу ли себѣ представить Бога въ такомъ же ясномъ
образѣ, какъ треугольникъ, я отвѣчу: нѣтъ, потому что
Бога мы можемъ только *постигать*, а не *воображать*».

Въ чемъ же послѣ этого заключаются сущность и характеристическія особенности спинозизма? Во-первыхъ въ его *натуралистическомъ міросозерцаніи*; для него все есть природа: субстанція есть безконечная природа, атрибуты ея суть безконечныя силы природы, *modi* суть явленія природы, духъ есть такое же явленіе природы, какъ и тѣло, однимъ словомъ, для него ничего нѣтъ сверхъестественнаго. Во-вторыхъ, и это самое главное, *въ причинной связи всѣхъ вещей*: субстанція есть причина, атрибуты—силы, предметы—слѣдствія. Очевидно, тутъ не можетъ быть рѣчи ни о цѣляхъ, ни объ идеалахъ, ни о добрѣ, ни о злѣ, потому что въ непрерывной причинной связи всѣхъ вещей каждое частное явленіе есть причина одними и, слѣдствіе другихъ, явленій, опредѣляется одними, и въ свою очередь, опредѣляетъ и обусловливаетъ другія, и если даже каждая вещь, взятая отдѣльно, сама по себѣ, случайна и преходяща, такъ какъ не отъ нея зависитъ ея возникновеніе, и не въ ней заключаются причины ея существованія, то въ общей связи и въ общемъ порядкѣ цѣлой природы всѣ явленія равно необходимы и равно естественны.

Но по ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что, по настоящему, натурализмъ не можетъ служить *видовымъ* признакомъ ученія Спинозы въ тѣсномъ смыслѣ слова, потому что онъ не исчерпываетъ всего содержанія послѣдняго и свойственъ также другимъ пантеистамъ, какъ напримѣръ, Аристотелю.

Итакъ, собственно говоря, въ ученіи Спинозы есть только *одна* характеристическая, ему одному свойственная, особенность, это—идея *причинной связи всѣхъ*

предметовъ. Для полной характеристики Спинозы недостаточно сказать: его міросозерцаніе есть чистѣйшее выраженіе натурализма, онъ во всемъ видитъ одну лишь *природу*; къ этому нужно еще прибавить, что онъ эту природу разсматриваетъ, какъ необходимую *причинную связь всѣхъ явленій*. Только въ этомъ понятіи Спиноза воплоти *онъ самъ*, только, благодаря этой идеѣ, система его есть единственная въ своемъ родѣ и стоитъ одиноко въ ряду другихъ системъ; наконецъ, только эта идея можетъ служить мѣриломъ для опредѣленія его значенія и достоинства, его участія въ общечеловѣческомъ движеніи, равно какъ и несомнѣннаго вліянія на дальнѣйшій ходъ развитія естественныхъ наукъ.

Новѣйшая критика о Спинозѣ.

Введеніе.

Хотя, какъ видно изъ предисловія, въ планъ этого очерка не входило критическое разсмотрѣніе ученія Спинозы, и при жизни, и послѣ его смерти црвозглашеннаго одними, какъ ересь, а другими, какъ высшее выраженіе человѣческаго генія, но въ виду непрекращающагося и понынѣ спора между послѣдователями идеализма и реализма объ этомъ ученіи, считаемъ нелишнимъ прибавить здѣсь краткій обзоръ важнѣйшихъ изъ новыхъ работъ по этому вопросу, принадлежащихъ ученымъ и критикамъ противоположныхъ лагерей, какъ: Льюисъ (въ его *Исторіи философіи*); Вормсъ (Рѣчь „Барухъ Спиноза“ въ *Восходѣ* за сентябрь 1894 г.) и А. Волынскій (*Литературныя замѣтки въ Сѣверномъ Вѣстникѣ* за 1894 г., за Мартъ и Апрѣль).

Льюисъ о Спинозѣ.

Какъ сказано выше, Льюисъ, находя систему Спинозы строго-логичной, выведенной съ математической точностью, задается вопросомъ, почему эта система производитъ впечатлѣніе властной, неотразимой логики, но не жизненной правды, почему дойдя до его исходной точки, мы принуждены сознаться, что никакой ошибки мы не могли открыть, и что каждое заключеніе его вытекаетъ изъ предыдущихъ предложеній, и несмотря на это, нашъ умъ все-таки отказывается принять эти заключенія? ¹⁾ Выводъ изъ этой дилеммы тѣмъ затруднительнѣе, что на той почвѣ, на которой стоялъ Спиноза, онъ никѣмъ еще не былъ отвергнутъ, а великіе пометафизики Германіи принимаютъ его положенія и расходятся съ нимъ только въ частностяхъ или въ выраженіяхъ. Единственный выходъ изъ этого положенія Льюисъ видитъ въ отрицаніи вообще всякой метафизики, этой исходной точки Спинозы.

По мнѣнію Льюиса, метафизика, носящая такой же дедуктивный характеръ, какъ и геометрія, не мо-

¹⁾ Льюисъ, *Исторія философіи*, I. с. 119

жетъ, подобно послѣдней, *не выходитъ* изъ предѣловъ первоначальнаго положенія, (геометру доступны лишь отношенія линий и поверхностей) а выходя изъ субъективной сферы и вступая въ объективную, старается обнять *всю правду* субстанціи, опредѣлить сущность причины, времени и пространства. Точно такъ же Спиноза убѣждалъ, что его чисто субъективныя опредѣленія (напр., что Богъ долженъ поступать по законамъ своей природы только въ силу собственнаго совершенства, а не по принужденію) выражаютъ всю истину объективной реальности. По мнѣнію же Льюиса, „это такая же крупная, хотя и не столь очевидная, ошибка, какъ, еслибы математикъ вздумалъ выводить изъ свойствъ прямыхъ угловъ химическія свойства какой-либо соли ¹⁾“ Исходная ошибка Спинозы, продолжаетъ Льюисъ, заключается въ его основномъ положеніи, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ и логическое совершенство его системы: „hoc est in id, quod intellectu subjective continentur debet in natura dari“, т. е. *субъективная идея* есть дѣйствительный образъ или полное выраженіе объективнаго факта. Другими словами: „порядокъ и связь нашихъ идей въ точности соответствуютъ порядку и связи внѣшнихъ предметовъ“. Въ другомъ мѣстѣ (примѣч. къ опредѣленію восьмому) Спиноза говоритъ, что правильное опредѣленіе предмета выражаетъ сущность его и ничего болѣе, кромѣ сущности. Но всякое опредѣленіе есть только наше воззрѣніе

¹⁾ Тамъ же, 121

на сущность предмета и, какъ бы ни были ясны наши идеи, онѣ только наши идеи¹⁾. И если эти ясныя идеи не выражаютъ истинной сущности предметовъ, если каждая *идея*, отчетливо выработанная умомъ, не имѣетъ своего *ideatum*, своего объекта, то притязанія метафизики не могутъ быть оправданы никакими благовидными соображеніями. Итакъ, избѣгнуть выше упомянутой дилеммы, которую ставитъ предъ нами Спиноза, можно не иначе, какъ признавъ, что никакая философія невозможна. Соображеніе, что умъ не есть зеркало, пассивно отражающее природу предметовъ, но что онъ и самъ отчасти создаетъ свои формы, что воспріятіе есть ничто иное, какъ ощущеніе въ себѣ извѣстныхъ переменъ, — это соображеніе, говоритъ Льюисъ, разрушаетъ самыя основы метафизики, такъ какъ изъ него ясно слѣдуетъ, что субъективная идея не есть коррелятъ объективнаго факта. Метафизика же возможна только подъ условіемъ признанія того, что наши идеи суть полныя и точныя образы виѣшнихъ предметовъ. Самъ Спиноза, впрочемъ, признавалъ, что въ нѣкоторомъ смыслѣ субъективное не есть абсолютное выраженіе объективнаго.²⁾ Отвергая конечныя причины, онъ доказываетъ, что *идея порядка* есть созданіе воображенія, точно такъ же, какъ и все, что мы называемъ справедливымъ и дурнымъ, полезнымъ и вреднымъ, является таковымъ только по отношенію къ намъ; онъ

¹⁾ Тамъ же, 122

²⁾ Тамъ же, 123

даже предупреждалъ Канта, говоря: „Ex quibus clarum videre est mensuram, tempus et numerum nihil esse praeter cogitandi Seu potius imaginandi modus.“ Спиноза выработалъ систему, которая навсегда останется намѣстникомъ поразительнѣйшихъ усилій отвлеченнаго мышленія. Почти въ теченіе двухъ столѣтій система эта осуждалась, какъ самое нечестивое и постыдное въ произведеніи человѣческаго ума; теперь же, въ послѣднія 60 лѣтъ, признается родоначальницей философіи цѣлой націи и считаетъ въ рядахъ своихъ почитателей наиболѣе благочестивыхъ и знаменитыхъ людей нашего вѣка. Грубый атеистъ обращается въ боговдохновеннаго, богохульствующій еврей становится благочестивымъ творцомъ - мыслителемъ, разнузданный еретикъ—дѣтски-наивнымъ, прямодушнымъ, самоотверженнымъ философомъ-героемъ. Еще одна любопытная черта: попытка Спинозы есть безуспѣшная попытка исторгнуть у бытія его тайны, но предпринявшій ее заслуживаетъ самой глубокой симпатіи. Въ туманѣ прошедшаго Спиноза возвышается подобно огромному маяку, свѣтъ котораго предохраняетъ путниковъ отъ мелей и скалъ, погубившихъ немало ихъ братьевъ.¹⁾

¹⁾ Тамъ же, 124

Вормсъ о Спинозѣ. ¹⁾

По его мнѣнію, если и не все, что есть великаго въ современной философіи, обизано своимъ происхожденіемъ Спинозѣ, какъ полагають многіе его приверженцы, то все же лучшіе современные умы раздѣляютъ его стремленія и во многомъ его взгляды.

„Принципы современной натуральной философіи, говоритъ Вормсъ, а именно—*волевая эволюція* и сліяніе духа съ матеріей, сильно напоминають міровую эволюцію Спинозы, цѣль которой создавать все новыя формы, новыя модусы божественной субстанціи, которые, однако, нисколько не исчерпываются вслѣдствіе этого безпрестаннаго творчества.

¹⁾ Вормсъ „*Барухъ Спиноза*“. Читано въ „Обществѣ еврейской науки“ въ Парижѣ, „Восходъ“ 1894 г. сентябрь, въ отдѣлѣ иностранной журналистики. Къ сожалѣнію, здѣсь не указано, въ какомъ именно журналѣ помѣщенъ этотъ трудъ Вормса. Что касается другой его книги *La morale de Spinoza*, Paris 1892, то содержаніе ея см. ниже въ изложеніи А. Волынскаго.

Философія Спинозы можетъ быть съ удобствомъ согласована со всѣми новыми открытіями въ области положительнаго знанія и безо всякой для себя опасности приняты всѣ его взгляды. Въ то же время она даетъ удовлетвореніе и вѣрующимъ. Пантеистическое міровоззрѣніе его, продолжаетъ Вормсъ, есть послѣдній актъ борьбы съ антропоморфизмомъ, начатый еще въ средніе вѣка Маймонидомъ. Спиноза удерживаетъ въ своей системѣ не только названіе, но и самую сущность Божества, какъ имманентную причину мірозданія, имѣющую вполнѣ реальное существованіе, „но только не въ видѣ личности.“ Только изъ уваженія къ Божеству, Спиноза лишаетъ Его человѣческихъ атрибутовъ, отказывая Ему въ личности и свободѣ. Спиноза только противникъ религіи откровенія и ви́шнихъ обрядовъ. Въмѣсто того, чтобы сосредоточить божественное въ одномъ личномъ, хотя сверхъестественномъ, существѣ, онъ имъ наполняетъ весь міръ. Онъ одухотворяетъ природу, въ которой каждому пространственному атому соотвѣтствуетъ атомъ духовный; въ ней онъ видитъ ви́шнюю оболочку вѣчной и неизмѣнной сущности, весь міръ, по его воззрѣнію, проникнуть не только жизнью и мыслью, но и божественнымъ духомъ. Такимъ образомъ Спиноза порываетъ съ прошедшимъ и приближается къ культу XVIII и XIX вѣковъ.

Изъ философіи природы онъ выводитъ свою *моральную философію*, — *Этику*. Здѣсь онъ изъ понятія эгоизма (личнаго счастья) выводитъ самыя высокія положенія альтруистической и религіозной нрав-

ственности, согласно коимъ человѣкъ долженъ стремиться къ совершенству, къ жизни по одному разуму, раскрывающему предъ нами міръ, заставляющему насъ его любить истинною, чистою любовью, проникаться все глубже и глубже сознаниемъ неизбѣжнаго порядка вещей и несокрушимой законосообразности окружающаго міра, что, въ свою очередь, ведетъ къ единенію съ людьми и со всей вселенной, а все то, что носитъ на себѣ печать страсти, должно быть осуждено. Онъ впервые заговорилъ о *физиологіи страстей*:

„Любовь есть чувство удовольствія, вызываемое сознаниемъ какой-либо внѣшней причины его. Любящій непремѣнно старается, чтобы любимый имъ предметъ находился въ его присутствіи, чтобы онъ принадлежалъ ему. Тотъ, кто представляетъ себѣ любимый предметъ испытывающимъ радость или горе, будетъ испытывать тѣже чувства. Мы стараемся утверждать о насъ самихъ или о тѣхъ, кого мы любимъ, то, что, по нашему мнѣнію, должно имъ доставить удовольствіе... Если мы себѣ воображаемъ, что любимый предметъ испытываетъ къ кому-либо другому такое же чувство привязанности, какое онъ до сихъ поръ испытывалъ только по отношенію къ намъ, или даже болѣе сильное, то мы проникаемся ненавистью къ предмету любви и завистью къ нашему сопернику. Это чувство ненависти къ любимому существу, соединенное съ завистью, есть *ревность*. Это жестокое и дикое чувство, которое заставляетъ насъ причинить зло тому, кого мы любимъ, и которое наполняетъ, насъ въ тоже время состраданіемъ къ нему. Но ненависть, покоренная любовью, сама обращается въ любовь, и такая любовь сильнѣе той, которой никогда не предшествовала ненависть.“

Въ области политики, исходя изъ принципа авторитета и абсолютизма, Спиноза приходитъ къ выводамъ либерализма, требуя умѣренности въ ихъ примѣненіи. Правительство въ видахъ самоохра-

ненія должно быть терпимо, стараться не возбуждать неудовольствія въ подданныхъ, не вмѣшиваться въ частныя дѣла, не стѣснять ни свободы совѣсти, ни свободы мысли и слова.

Новаторомъ онъ является въ области эксегезы. Библейскіе тексты разсматриваются не съ религіозной, а съ исторической точки зрѣнія. „*Богословско-политическій*“ и „*Политическій*“ трактаты содержатъ впервые изложенные принципы раціонализма въ эксегезѣ и либерализма въ политикѣ.

„Жизнь Спинозы“, заключаетъ Вормсъ свою рѣчь — есть воплощеніе его философіи, а характеръ — гармоническое сознаніе высшихъ качествъ, обыкновенно не уживающихся вмѣстѣ.“

Подобно тому, какъ въ философіи онъ примиряетъ доктрины, прямо противоположныя, такъ и въ жизни онъ соединяетъ безкорыстіе съ отреченіемъ отъ законнаго права на славу (какъ доказываетъ упомянутая выше просьба его не объявлять его имени въ посмертныхъ сочиненіяхъ) и мужествомъ въ борьбѣ съ религіозными и политическими врагами. Онъ избѣгалъ политики, почемуки даже съ противниками въ философіи, чувствуя отвращеніе къ раздорамъ и т. д. ¹⁾

¹⁾ См. Восходъ. 1894, сентябрь.

А. Волынскій о Спинозѣ.

Работа г. Волынскаго подъ скромнымъ названіемъ „Литературныя записки“ (въ Сѣверномъ Вѣстникѣ за 1892 г. мартъ и апрѣль) есть собственно блестящая, но рѣзкая критика сочиненій Вормса,¹⁾ Берендта и Фридлиндера²⁾ объ ученіи Спинозы. При этомъ въ сдѣланномъ имъ попутно изложеніи этого ученія, многія черты послѣдняго схвачены и отгѣнены столь мѣтко и въ такихъ яркихъ, рельефно-художественныхъ и, большей частью, согласныхъ съ дѣйствительностью штрихахъ, что мы, оставляя въ сторонѣ выводы, къ которымъ онъ приходитъ и съ которыми можно соглашаться и не соглашаться, сочли полезнымъ для выясненія вопроса привести здѣсь это изложеніе безъ измѣненія in extenso.

Указавъ, что и нѣмецкіе и французскіе писатели считаютъ философскія идеи *Этики* высшимъ выраженіемъ человѣческой мудрости, въ которомъ со-

¹⁾ Worms, *La morale de Spinoza*, Paris, 1892.

²⁾ Berendt und Friedländer, *Spinoza's Erkenntnisslehre in ihrer Beziehung zur modernen Naturwissenschaft u. Philosophie*, Berlin, 1891.

брались всё лучи человѣческаго гения, г. Вольтеръ прежде всего останавливается на книгѣ Вормса, которая состоитъ изъ двухъ частей. Первая посвящена изложенію морали Спинозы, вторая—вліянію Спинозы на дальнѣйшую исторію философіи.

По отношенію къ первой задачѣ, г. Вольтеръ находитъ, что важнѣйшіе пункты метафизическихъ взглядовъ Спинозы, какъ они воплотились въ *Tractatus brevis de Deo et homine ejusque valetudine*, *Эмилъ* и нѣкоторыхъ побочныхъ работахъ, не разобраны Вормсомъ съ достаточной полнотой. „Личность Спинозы остается въ тѣни. Вормсъ не даетъ представленія ни о титанической умственной мощи Спинозы, ни объ истинномъ значеніи новыхъ началъ, внесенныхъ имъ въ умственную жизнь Европы“. Согласно Вормсу, Спинозѣ нельзя отвести никакого опредѣленнаго мѣста въ историческомъ ряду метафизическихъ системъ (каковы „утилитаризмъ“, „теорія долга“, „теорія сочувствія“), его характерная особенность — это универсальность, всеобнимающая полнота взглядовъ и положеній, примиряющая различныя противоположныя системы.

Пантеизмъ Спинозы, по мнѣнію Вормса, есть сліяніе *эпикуреизма*, принципа личнаго интереса (сохраненія собственнаго бытія, не грубаго, а метафизическаго, сохраненія въ себѣ божественныхъ силъ: какъ *modus* Божества, человѣкъ необходимо стремится къ самосохраненію, т. е. къ сохраненію и развитію въ себѣ божественныхъ силъ) и *стоицизма*, т. е. того же пантеизма, признающаго двѣ формулы: замкнутую въ себѣ жизнь („развивать въ себѣ ра-

зумъ, цѣнить только внутреннее сознание — отсюда обогащеніе своей личности, увеличеніе объема своего пониманія, расширеніе своего сознанія идеей безконечнаго Бога) и физическое единство человѣка и природы, человѣка и Бога (слиянiе съ міромъ, любовь къ ближнему, любовь къ Богу). Обѣ формулы стоицизма есть у Спинозы: рядомъ съ принципомъ личнаго интереса—разумная жизнь въ себѣ и слиянiе съ природой, человѣчествомъ и безконечностью. Отсюда — религіозный и вмѣстѣ универсальный, всеобъемлющій характеръ ученія Спинозы. Разумъ—соединительное звено между личнымъ интересомъ и любовью, между частью и цѣлымъ, между человѣкомъ и міромъ.

Система Спинозы, по мнѣнію Вормса, есть философское средоточіе всѣхъ нравственныхъ принциповъ человѣчества, всѣхъ системъ морали, всѣхъ теченій нравственной мысли, изъ коихъ каждое, потерявъ свои характерныя очертанія, восприняло колоритъ и свойства болѣе широкаго и болѣе глубокаго философскаго міровоззрѣнія, которое выражаетъ тройкое направленіе желаній человѣка: любить себя, себѣ подобныхъ, Бога; по Декарту, личное я, Богъ, міръ. Необходимость нравственнаго альтруизма отирается отъ эгоизма, любовь къ себѣ переходитъ въ любовь къ Богу, а послѣдняя въ любовь къ человѣчеству. Это ученіе проникаетъ въ сокровеннѣйшіе источники человѣческихъ дѣйствій, въ одномъ метафизическомъ обобщеніи охватываетъ всѣ направленія человѣческаго сознанія, даетъ психологическій анализъ, безстрашно проведенный по всѣмъ глубинамъ и изгибамъ человѣческаго характера и въ матема-

тически ясныхъ выраженіяхъ, которыми философія до Спинозы не говорила.“¹⁾

Такое объясненіе великаго значенія философіи Спинозы г. Вольнскій считаетъ поверхностнымъ. Это, по его мнѣнію, „ненаучно философское отношеніе къ изучаемому предмету, а отношеніе *эстетически-диллетантское*, въ которомъ восторженное удивленіе къ вышнимъ совершенствамъ и архитектурнымъ красотамаъ занимаетъ самое выдающееся мѣсто.“ Съ своей стороны, однако, г. Вольнскій (стр. 141) также признаетъ, что цѣльная, величавая система Спинозы выстаетъ передъ нами во всемъ обаяніи и блескѣ чудной философской постройки, въ которой знаніе человѣческой души, волненія фантазіи, широкой розмахъ свободнаго человѣческаго разума, дѣйствуя совмѣстно и согласно, наложили свою безсмертную печать на всѣ мельчайшія подробности, на всѣ детали мысли. Изъ своего небольшого и бѣднаго рабочаго кабинета, говоритъ г. Вольнскій, Спиноза видѣлъ міръ во всей его безконечности. Въ этомъ худомъ, физически непрочномъ, человѣкѣ таилась такая творческая энергія, такая мощь пониманія, передъ которой отступали всѣ затрудненія научной мысли и какъ бы разсѣвались всѣ загадки мірозданія.“ Но въ этой великой силѣ сознанія, раскидавшей столько свѣтлыхъ истинъ въ различныхъ направленіяхъ философіи и психологіи, кроется, по мнѣнію г. Вольнскаго, одинъ великій недостатокъ:

¹⁾ А. Вольнскій — Сѣв. Вѣст. 1892 г.

яркое внутреннее созерцаніе превращаетъ въ живыя галлюцинаціи, какъ бы въ живые ви́шніе предметы весь міръ, создавшійся въ душѣ, всѣ отвлеченнѣйшія идеи разума, всѣ образы фантазіи. Великій мыслитель, съ такимъ вдохновеннымъ созерцаніемъ, какъ Спиноза, видитъ воплощеніе своей мечты, выраженіе своего философскаго представленія повсюду, во всей окружающей его природѣ: міръ внутренній, выведенный наружу необычайной и непреодолимой силой воображенія, наполняетъ пространство безконечными образами собственнаго творчества и какъ бы вдыхаетъ собственную, сознательно-жизненную силу во ви́шнюю бездушную среду. Творческое воображеніе при теоретическомъ умѣ, вдохновляемомъ вопросами смысла и цѣли человѣческой жизни, по не очищаемомъ въ строгой школѣ критической *теоріи познанія*, неизбежно приводитъ къ философскому пантеизму. Въ натуралистическомъ пантеизмѣ черты благороднѣйшаго поэтическаго вымысла постоянно мелькаютъ на общемъ тонѣ строгаго математическаго разсужденія, приближая труднѣйшую изъ философскихъ системъ къ среднему человѣческому пониманію, съ его подробностями въ конкретныхъ образахъ, съ его склонностью хвататься за иллюзію, за всякій возвышающій душу обманъ. Догматическое отношеніе къ реальному и духовному—коренной недостатокъ философской системы Спинозы, и этотъ недостатокъ, несмотря на стройное поэтическое выраженіе всей системы, подрываетъ фундаментъ философскаго міросозерцанія Спинозы. Вершина великолѣпной [философской постройки, облитая

яркимъ свѣтомъ великаго гения, неудержимо обрушится, какъ только будутъ расшатаны ея коренныя опредѣленія, аксіомы и теоремы. Высшія положенія морали, которыя мы находимъ въ V части *Этики* должны распасться, если будутъ опровергнуты тѣ первыя истины, отъ которыхъ отправляется Спиноза, если будутъ известны важнѣйшія ошибки его теоріи познанія. Критическая философія, устанавливающая неподвижныя разграничительныя линіи между иллюзіей и дѣйствительностью, между реальнымъ и оптическимъ обманомъ, произнесетъ свое осуждающее слово надъ главнѣйшими положеніями, надъ всей *метафизической* системой Спинозы“. Словомъ, г. Волынской считаетъ великимъ недостаткомъ *Этики* Спинозы, что она не заключаетъ въ себѣ „настоящаго, истинно-мистическаго элемента“ (если только мистицизмъ разумнаго сознанія, всецѣло ушедшаго на исканіе реального начала жизни, не смѣшивать съ фальшивымъ мистицизмомъ, предпочитающимъ иллюзію природы истинѣ.“¹⁾

Но еще вопросъ, дѣйствительно ли это недостатокъ и не есть ли это, наоборотъ, великое достоинство, что коренныя опредѣленія, аксіомы и теоремы Спинозы построены не на шаткомъ, хотя бы и настоящемъ мистицизмѣ, а на прочномъ фундаментѣ сужденій и выводовъ разума, которыхъ никакой мистицизмъ не въ состояніи ни поколебать, ни расшатать.

¹⁾ Тамъ же.

Далѣ, г. Волинскій указываетъ, что Вормсъ находитъ два главныхъ пробѣла въ *Этикъ*: Спиноза забылъ два главнѣйшихъ фактора моральной жизни—чувство и свободу. Нигдѣ, говоритъ Вормсъ, въ *Этикъ* нѣтъ, что называется *élan irrefléchi*, мораль Спинозы—безостановочный расчетъ, онъ не знаетъ того, что можетъ быть названо нравственнымъ порядкомъ, онъ заботится только о наибольшемъ количествѣ блага, это благо у него не моральное, а психологическое, анализъ нравственнаго чувства у него чисто научный. Говоря о свободѣ воли, Спиноза разумѣетъ извѣстное *состояніе души* (наиболѣе совершенное), тогда какъ она есть не готовое состояніе, а *орудіе* совершенства. Правда, Спиноза признаетъ въ человѣкѣ способность, слѣдуя велѣніямъ разума и совершенствуя понятія, постоянно стремиться къ опредѣленному благу и достигать его; методъ достиженія этого блага—развитіе и усовершенствованіе понятій, имѣетъ высшія научныя достоинства. Но развѣ это все, что можно требовать отъ моралиста? Детерминизмъ Спинозы низводитъ человѣка на степень бездушнаго существа.“ (Вормсъ).

Болѣе неудачнаго разбора системы Спинозы г. Волинскій не можетъ себѣ представить. Въ трехъ частяхъ *Этики* (*De origine et natura affectuum, De servitute humana, De potentia intellectus.*) Спиноза далъ замѣчательнѣйшій психологическій разборъ—съ безпримѣрной исчерпывающей полнотой—всѣхъ чувствъ и аффектовъ, съ ихъ различными оттѣнками и варіаціями. „Это колоссальный памятникъ такого истинно-геніальнаго пониманія механизма душевныхъ страстей,

которому нѣтъ ничего равнаго во всей психологической литературѣ вплоть до нашихъ дней, несмотря даже на „Analysis of the phenomena of the human mind“ *Милля* и Lectures of the philosophy of the mind“ *Томаса Броуна*, и The emotion and the will“ *Александра Бэна*. „Если, продолжаетъ г. Во-лынскій, ¹⁾ Вормсъ хочетъ сказать, что у Спинозы чувство не имѣетъ познавательнаго значенія, то scientia intuitiva Спинозы обладаетъ тою непосредственностью, которая составляетъ особенность чувства и вносить въ систему тотъ художественно-артистическій элементъ, который не можетъ быть обойденъ въ ученіи, имѣющемъ обнять всего человѣка и по вопросу о роли чувства предвосхитившемъ лучшія изъ современныхъ европейскихъ работъ въ области психологіи.²⁾ Что касается свободы воли, то требовать отъ пантеиста, отрицающаго самостоятельность духовнаго начала, всю жизнь боровшагося за механическую точку зрѣнія, чтобы онъ воспринялъ въ свою систему принципъ свободной воли, значитъ требовать завѣдомо невозможнаго. Принявъ теоретическія послыки Спинозы, странно не признать и заключенія. Все, что можно было сказать, это—что детерминизмъ Спинозы долженъ быть введенъ въ болѣе узкую рамку, что было невозможно въ докристическую эпоху: еще не была проведена, благодаря смѣлой радикальной операціи Канта, рѣзкая разграничительная линія между реальнымъ и эмпириче-

¹⁾ „Сѣв. Вѣст.“ 1892, мартъ, 145, 146.

²⁾ Тамъ же.

скимъ, объективнымъ и субъективнымъ, дѣйствительностью и галлюцинаціей. Но Вормсъ не замѣтилъ дѣйствительныхъ пробѣловъ въ метафизикѣ Спинозы, гдѣ не указанъ переходъ отъ конечнаго къ безконечному, не опредѣлено отношеніе между модусомъ и субстанціей, не выражена съ достаточной ясностью природа атрибутовъ. “

Точно также, по мнѣнію г. Вольнскаго, Вормсъ не справился и со *второй*, поставленной имъ себѣ, задачей, съ опредѣленіемъ вліянія морали Спинозы на дальнѣйшую исторію философіи. Г. Вольнскій поэтому находитъ, что во главѣ новой философіи стоитъ не Спиноза, а Декартъ. Опираясь на Шопенгауера (*Parerga et Paralipomena* стр. 9: „представляемая вещь и представленіе — одно и то же, но только представляемая вещь, а не „вещь сама въ себѣ, эта послѣдняя всегда есть воля“)—, г. Вольнскій старается доказать, что Спиноза невѣрно направилъ разграничительную линію между субъективнымъ и объективнымъ: она проходитъ у него между различными элементами сознанія, но не ложится тамъ, гдѣ оканчивается область представленій и начинается истинная дѣйствительность: онъ остается все время въ области призранныхъ явленій, которыя онъ догматически принимаетъ за нѣчто дѣйствительное и объективно-реальное.

Наконецъ, на утвержденіе Вормса, что „*Этика*“ распространена во Франціи, Германіи, Англии, Америкѣ и Россіи, какъ среди философовъ и ученыхъ, такъ и среди художниковъ и поэтовъ (*Lecomte de Sille, Taine, I. Müller, Вундтъ, Льюисъ, Спенсеръ, Ре-*

нанъ), г. Вольнскій возражаетъ, что пантеизмъ нашихъ дней не есть пантеизмъ Спинозы: въ современной Европѣ нигдѣ не найдется такой философской системы, въ которой былъ бы проведенъ взглядъ Спинозы на Бога, природу и человѣка.

Нѣтъ сомнѣнія, г. Вольнскій совершенно правъ, находя неосновательнымъ упрекать ученіе Спинозы за отсутствіе въ немъ чувства и свободы воли (изъ коихъ первое разобрано имъ болѣе, чѣмъ достаточно, а для второй нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ этомъ ученіи). Безспорно также, что пантеизмъ Спинозы вовсе не исповѣдуется современными поэтами, художниками и учеными чуть ли не всей вселенной, какъ это утверждаетъ Вормсъ. Но относительно ошибки Спинозы въ проведеніи разграничительной линіи между субъективнымъ и объективнымъ и противоположеніи представленія и воли въ смыслѣ Шопенгауэра еще не выяснено окончательно, дѣйствительно ли такъ велика эта ошибка, т. е. дѣйствительно ли „вещь сама въ себѣ“ есть всегда воля и не составляютъ ли скорѣе представленіе и воля различныхъ сторонъ одного и того же вселенскаго начала. Словомъ, все это еще открытый вопросъ, который врядъ ли когда-либо будетъ разрѣшенъ.

Ванъ-Влотенъ о Спинозѣ.

Другой ярый поклонникъ Спинозы, van-Vloten, въ предисловіи къ ново-открытымъ матеріаламъ по его философіи говоритъ: „это большая ошибка уничтожать Спинозу, называя его догматикомъ до-кантовскаго времени. Кто проникнетъ въ суть предмета, увидитъ, что задолго до Гегеля Спиноза достигъ той точки зрѣнія, которая установлена только post гегельянцами и естественно-научнымъ развитіемъ нашихъ дней.“ На это Матвѣй Арнольбергъ возражаетъ: „когда Ванъ-Влотенъ дѣлаетъ насильственную параллель между Спинозой и post-гегельянцами, каждый долженъ почувствовать, что параллель съ блаженнымъ Августиномъ была бы куда вѣрнѣе“ (Essays in criticism VII (Tauchnitz) (Spinoza and the Bible). Съ своей стороны, г. Волыскій находитъ, что объ параллели невѣрны: Спиноза всецѣло принадлежитъ своему народу, съ которымъ, несмотря на немолкающіе громы синагоги, онъ связанъ тѣснѣйшими узами духовнаго родства.“ Только воспроизведеніе историческихъ условій, въ которыхъ создалась философія Спинозы, объяснить намъ точно и ясно все ея прав-

ственное значеніе. Только, установивъ генетическую связь *Этики* съ міросозерцаніемъ юдаизма, мы поймемъ истинный смыслъ той моральной доктрины, которую Спиноза имѣлъ несчастье опутать схоластической сѣтью математически расположенныхъ теоремъ и положеній¹⁾“

Необходимо, однако, замѣтить, что Ванъ-Влотенъ немало сдѣлалъ для воспроизведенія историческихъ условій, въ которыхъ создалась философія Спинозы. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на приведенный выше текстъ проклятія, открытый имъ въ архивахъ амстердамскаго магистрата.

¹⁾ А. Вольтскій С. В., 1892 г. 153, 154.

ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНІЙ СПИНОЗЫ.

Вскорѣ послѣ смерти Спинозы появилось изданіе: B. D. S. Opera Posthuma, 1677. Хорошо также изд. Paulus'a: B. *Spinoza*, Opera, quae supersunt omnia, Jenae 1802. Еще лучше изд. van Vloten'a 1862 (см. выше въ бібліографическихъ источникахъ).

Весьма близкій, почти буквальный нѣмецкій переводъ Бертольда Ауербаха изданъ въ пяти томахъ въ 1841 г.

На французскомъ языкѣ существуетъ изложеніе ученія Спинозы, изданное Эмилемъ Сессе, которымъ и мы пользовались при составленіи нашего очерка.

На англійскомъ языкѣ нѣтъ ни критическаго, ни догматическаго изложенія ученія Спинозы, хотя относящаяся сюда англійская литература довольно богата; сюда относятся:

1) Очеркъ Галлама въ его Introduction to the Literature of Europe, 2) *Spinoza* и 3) *Spinozism*, въ *Penny Cyclo paedia* и 4) *Spinoza's Live and Works* въ *Westminster Review*, May 1843 (три послѣднія статьи

принадлежать Льюису). Кроме того, двѣ статьи мистера Фруда, одна:

„О жизни Спинозы“ въ Oxford и Cambridge Review. Oct. 1847, другая:

„Объ ученіи Спинозы“ въ Westminster Review, July 1854.

Далѣе въ „British Quarterly“ появился разборъ и переводъ „Tractatus politicus“ Вильяма Макаля (1855 г.)

Кромѣ общихъ сочиненій по философіи, можно указать еще на Sigwart *Der Spinozismus*, historisch und philosophisch erläutert; Herder, Gott, einige Gespräche über Spinoza's System; Damiron, memoire sur Spinoza et sa doctrine (въ Memoires de l'Academie).

Въ началѣ 90-хъ годовъ появились два новыхъ сочиненія о Спинозѣ, разобранныхъ А. Волюнскимъ въ Сѣвер. Вѣст. за 1892, кн. 3 и 4, а именно:

Berendt und Friedländer, Spinoza's Erkenntnisslehre in ihrer Beziehung zur modernen Naturwissenschaft u. Philosophie. Berlin 1891.

Réné Worms, La morale de Spinoza, examen de ses principes et l'influence, qu'elle a exercée dans les temps modernes (ouvrage couronné par l'Institut, Académie des Sciences morales et politiques). Paris, 1892.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Біографія С. Г. Ковнера	I—IV ^a
Предисловіе	5
Глава I	7
„ II	18
„ III	34
„ IV	52
„ V	67
„ VI	78
„ VII	103
„ VIII	115
„ IX	136
Новѣйшая критика о Спинозѣ (Введеніе)	153
Льюисъ о Спинозѣ	154
Вормсъ о Спинозѣ	158
Волинскій о Спинозѣ	162
Ванъ-Влотенъ о Спинозѣ	172

Павлищевъ. Польск. анархія и седмица польск.
мят. 5 т. Вм. 9 р.—6 р.

Преображенскій. Толстой, какъ мыслитель—моральность, ц. 20 к.

Токсила—Делора. Ист. 2-й имп. 2 т. Вм. 3 р.—2 р.

Флери. Франц.-рус. разгов. Вм. 1 р.—75 к.

Фурманъ. Самоуч. франц., нѣмец. и англ. языка.
Вм. 75 к. — по 60 к.

Шлоссеръ. Ист. 18 и 19 стол. Вм. 10 р.—6 р.

Шмидтъ. Словари на всѣхъ яз. съ рус. текстомъ.
по 1 р. 50 к., (польск., нѣм., франц. и пр.)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

Альбовъ. Синтаксисъ рус. яз. ц. 50 к.

Вольфгоръ. Способъ приготовл. зеркаль. Вм. 1 р.—50 к.

Габла. Въ заколдованномъ кругу—за 25 к.

Гижицкій. Основы морали, ц. 60 к.

Гинцъ. Свѣтлыники міровоззрѣнія. 10 к.

Дюма А. Сочиненія. Собраніе Ромашовъ. Вм. 6—4 р.

Заболотнаго. Что такое счастье? ц. 50 к.

Записки стараго холостяка. Сашеньки, Машеньки,
Глашеньки и пр. Вм. 1 р.—75 к.

Путеводитель по Царству Польскому ц. 1 р. 50 к.

Планъ г. Варшавы ц. 30 к.

Самоучитель польскаго языка ц. 30 к.

Ключъ къ Недлеру I и II ч. по 25 и 30 к.

Либретто 15 новѣйшихъ оперъ 1 серія (Карменъ,
Джіоконда, Риголетто, Жидовка, Анда, Фаустъ,
Гугеноты, Галька, Отелла, Трубадуръ, Африканка,
Іоаннъ Лейденскій, Гамлетъ, Севильскій Цирюль-
никъ, Паяцы). цѣна 60 к.

Каро. Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ. Вм. 1 р.—75 к.

Кохъ. Шекспиръ, его жизнь и дѣятельность.

Вм. 2 р.—1 р. 25 к.

Какъ выйти замужъ и быть счастливой? ц. 35 к.

Ломоносовъ. Его жизнь и лучшія произведенія, 20 к.

Международная Библіотека. Отдѣльныя книжки
по 15—25 к.

- „Наша Старина“. Отдѣльные выпуски по 15 к.
 Ренанъ. Мѣсто семитовъ въ ист. цивилизаціи. 20 к.
 — Раззореніе Іерусалима. Вм. 50—40 к.
 Ришеръ. Свободная женщина, Вм. 2 р.—75 к.
 Сенкевичъ. Quo Vadis. 3 т. Вм. 3 р. 60 к.—1 р. 50 к.
 Сидоровъ. Историч. очеркъ русск. печати въ Прив.
 краѣ. ц. 50 к.
 — Столѣтье 3 раздѣла Польши, ц. 25 к.
 Сю Евг. Вѣчный жидъ, 2 т. Вм. 3 р.—2 р. 25 к.
 — 7 смертныхъ грѣховъ. Вм. 3 р.—2 р.
 Уоллесъ. Бѣнъ-Хуръ. (во время оно). Вм. 2 р.—1.25

Печатаются и въ скоромъ времени поступать въ продажу
 новыя изданія М. А. КОВНЕРА.

- Практическій карманный Рус.-Польск. и Польск.-Руск. Словарь.
 Новый практическій карманный словарь-толкователь **русскихъ**
 и **иностранн.** словъ. Д. Пташкина.
 Новый карманный Русско-Франц. и Франц.-Русск. Слов. Г. Фабра
 Полный карманный Рус.-Нѣм. и Нѣм.-Рус. Словарь. Г. Фабра.
 Полный самоучитель польскаго языка съ хрестом., ключемъ и
 словаремъ. (2 исправл. изд.)
 Карта Царства Польскаго, (Привислииск. Края).
 Ключъ къ учебнику франц. яз. Лафоса.
 къ учебнику нѣмецк. яз. Снупе.
 Собраніе Либретто оперъ, съ аріями. (2-я и 3-я серія).
 Собраніе либретто оперетонъ и балетовъ (4 и 5 серія).
 Новая всеобщ. метода каллиграфіи и скорописи, на Рус., Польск.
 Нѣм., Франц. и Лат. яз.
 Конопентъ франц. грам. сост. Г. А. Фабр.

Готовится къ печати и въ скоромъ времени по-
 ступить въ продажу 2-я и 3-я серія либретто оперъ
 цѣна по подпискѣ 50 коп. за кажд. серію (до 15 оперъ)
 Фра-Дяволо. Лозигринъ. Дикора. Робертъ-Дья-
 воль. Травиата. Балъ—Маскарадъ. Лучія. Ромес
 и Джульетта. Орнанн. Пуритане. Дон-Жуанъ. Лу-
 креція-Борджія. Миньона. Фаворитка. Мефистофель.
 Норма. Марта. Свадьба Фигаро. Сельская чест.
 (Cavaleria rusticana). Демонъ. Евгеній. Онѣгинъ и пр